ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ПРОШЛОЕ

К 63.3 | 109848
В 24 -43 | Вглядываясь в прошлое.
300-00

7-10-41

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

30.10

~~10.01~~

21/02

28.03

11.07

г. Печора, типография Зак. № 1050

К 63.3
В 24 -43

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ПРОШЛОЕ

109848

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
гор. Печора.

Печорская
ЦБС

МУП «Издательство «Печорское время»
2009

ББК 63.3 (2Рос.Ком)
В24

В24 Вглядываясь в прошлое. — Печора: Печорское время, 2009. — 232 с.: ил.

Краеведческий сборник содержит разнообразный по жанру материал о Печоре 40-х-50-х годов XX века и посвящен тем, кто строил наш город в суровые годы массовых политических репрессий. В выпуске сборника участвовали члены Печорского отделения Российского общества «Мемориал»

ББК 38.7 Ком-4

Авторский коллектив выражает признательность ***Виктору Михайловичу ФЕДОСЕЕВУ*** за идею создания книги, финансовую поддержку издания и содействие в сборе краеведческого материала.

© МУП «Издательство «Печорское время», 2009

От составителя

Это книга о том, как начинался город Печора. Подобно другим северным городам нашей республики, он появился в годы освоения Севера с помощью подневольного труда заключенных. Среди обитателей Печорлага было много специалистов высокого класса. Они работали в строительстве и на транспорте, в лесной промышленности и геологоразведке. Они лечили и создавали театры, проводили исследовательские работы в первом научном учреждении города.

Книга предназначена прежде всего молодым людям, которым надо знать, чьими руками и какой ценой построена железная дорога и мост через Печору, возведены дома и сооружения на месте будущего города, открыт речной порт и первое промышленное предприятие — лесокомбинат, кто положил начало здравоохранения в городе и создавал первые культурные центры.

Разбираться в собственной трагической истории нелегко. Но историческая память дает ориентиры дальнейшего развития общества.

Трудно не согласиться с мнением, что не пришло время уводить историю ГУЛАГа в научные формы, доступные только специалистам. Пока это наша живая история. И мы еще не вспомнили поименно всех погибших в годы массовых политических репрессий.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Город начинался…

О. Азаров

Дорога к углю

МНОГО лет уже миновало, но память возвращает нас к событиям великим по своему масштабу и трагедии. Это память о той Коми республике, которая наряду с Колымой, Магаданом, Норильском и Карагандой была одним из самых больших островов «архипелага ГУЛАГ». Память о заключенных, военнопленных, солдатах и офицерах, комсомольцах и вольнонаемных специалистах, добровольно или принудительно привезенных в лагеря стройки НКВД, руками которых в 30-х — середине 50-х годов было начато промышленное освоение севера республики — добыча полезных ископаемых, прокладка железных дорог, сооружение угольных шахт и нефтяных скважин, строительство городов и рабочих поселков. На их долю выпали непосильный труд, полярные ночи, морозы и четырехнедельное лето.

28 октября 1937 года Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление о строительстве Северо-Печорской железнодорожной магистрали протяженностью 1560 километров с вводом в эксплуатацию в 1945 году. Решающее значение для всей дороги имел Кожвинский промышленно-транспортный комплекс (мост через реку Печору, железнодорожная станция, локомотивное депо, лесокомбинат, снабженческие базы, пересыльный пункт, лазареты и сангородки, другие промышленные и лагерные объекты).

Подготовка к строительству началась в 1938 году, когда на высоком берегу Печоры появились первые заключенные. Об этом вспоминает Сергей Петрович Артемьев — секретарь комитета ВЛКСМ Магнитогорского металлургического комбината, узник Печоржелдорлага:

«В составе каравана из восьми барж и четырех буксиров мы отплыли из Нарьян-Мара. Пять барж в три яруса были набиты заключенными, по четыреста человек в каждой. Воздуха не хватало: на всю палубу один люк. Тут же в трюмах справляли естественные потребности. На палубе охрана с пулеметами и сторожевыми собаками.

8 июля 1938 года прибыли на Канин Нос. Из барж стали выползать ослабевшие люди, помогая друг другу забраться на крутой берег… Один из заключенных, бывший военный, упал и не смог подняться. Подбежавший охранник ударил его прикладом. Я пытался помочь упавшему, но получил удар в спину, и мы оба покатились вниз. Со всех сторон закричали, что это произвол, что нас привезли на север на расправу. Товарищи по этапу помогли нам взобраться наверх. На этом месте теперь памятник Русанову.

Из трюмов вытащили около ста трупов, сделали «шмон», сняли с них одежду и голых побросали в реку. Одежду сожгли на костре.

Разбившись по бригадам, мы приступили к выгрузке тачек, лопат, кирок, клиньев, колючей проволоки. Сразу пустили вековую тайгу «под пилу». Корчевали пни. Начали рыть землянки, возводить вышки для охранников.

Вокруг было много дичи, зверей, но мы слабели от голода на лагерном довольствии.

В сентябре прибыл уполномоченный с вербовкой заключенных с малыми сроками на прокладку участка железной дороги. Так я попал в число строителей Северо-Печорской дороги. Мерз и голодал, тонул в болотах и был съедаем вшами и гнусом…»

Для ускорения строительства магистрали на участке Кожва — Воркута было принято несколько постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР, а 10 мая 1940 года образован Северо-Печорский железнодорожный лагерь НКВД, перед которым ставилась задача сооружения дороги протяженностью 465 километров.[1] Кожвинский ПТК был реорганизован в Первое Печорское строительное отделение, которое должно было сдать в эксплуатацию 80 километров пути, объединяло 20 строительных лагколонн, в которых находился 20841 заключенный.

Километр за километром магистраль пересекала Коми край с юго-запада на северо-восток. 25 декабря 1940 года на станцию Кожва прибыл первый поезд из Котласа, и началось сквозное движение на участке Котлас — Кожва протяженностью 728 километров. Так заканчивался для первостроителей последний мирный год. Вплоть до осени 1944 года лагерь занимался достройкой и увеличением пропускной способности трассы.

К тому времени в поселке речников Канин Нос начали появляться очертания будущего города— здания, где размещались райком партии, райисполком, поссовет, народный суд, райотдел НКВД, комен-

Карта лагерных объектов г.Печоры и бассейна р.Печоры.

датура, прокуратура, Кожвинский райвоенкомат,[2] Печорское речное пароходство, типография, почта, отделение Госбанка, райбольница. А в поселке железнодорожников уже были локомотивное депо, предприятия железнодорожного транспорта, лесокомбинат. На территории обоих поселков располагались подразделения Печоржелдорлага НКВД.

Война внесла свои коррективы в сроки строительства железнодорожной магистрали, сразу превратив ее в важный стратегический объект по доставке топлива и лесоматериалов для воюющей страны. В апреле 1942 года возвели временный мост через Печору, ставший самым большим на Севере. Летом того же года дорога была сдана во временную эксплуатацию. Форсирование работ велось ценой неисчислимых человеческих жертв. Первые организационные годы и первые военные были наиболее трагическими. В «Архипелаге ГУЛАГ» А.И.Солженицын упоминает об этом: «Осенью 1941 года Печоржелдорлаг имел списочный состав 50 тысяч заключенных, а весной 1942 года — 10 тысяч. За это время никуда не был отправлен ни один этап. Куда ушли 40 тысяч?» Ответ на этот вопрос дают архив-

ные источники. По неполным данным на 1 января 1941 года, всего за семь месяцев существования лагеря умерли 3586 заключенных. В 4, 6, 8 отделениях 60-80 процентов заключенных были больными или слабосильными. В декабре 1940 года в 118 колонне 6-го отделения из 215 заключенных в строю только 42 человека.

В июне 1947 года управление Печоржелдорлага было переведено из п.Абезь в п.Печору, что способствовало росту будущего города. Управление лагеря разместилось в одном из первых каменных зданий города, которое было обозначено в проекте как «кирпичная школа №1». С 1957 года в этом здании находится средняя школа № 49. И сегодня в школе многое напоминает о прошлом: в бывшем кабинете начальника лагеря А.И. Боровицкого сохранились лепные рисунки, изображающие этапы строительства северного участка железной дороги, выполненные мастерами-заключенными.

1 августа 1950 года государственная комиссия приняла Северо-Печорскую железную дорогу в постоянную эксплуатацию. В акте госкомиссии ее строительство было названо беспрецедентным.

Барак пересыльного пункта Печоржелдорлага, сохранившийся до наших дней. Фото 1998 г.

Б. Хватов

Канин Нос

На десять лет без права переписки
Особый суд меня сюда сослал.
Сказали мне, что я шпион английский,
А я об этом ничего не знал.

Мне не забыть кровавого кошмара:
И день и ночь — то пытка, то допрос...
Не помню как везли до Нарьян-Мара,
Но помню, как попал на Канин Нос.

Мы ни о чем охрану не просили:
«Врагов народа» никому не жаль.
Нас на баржу в три яруса грузили,
Как негров на невольничий корабль.

Кто истощен, кто болен, кто изранен, —
Нас всех в один зловонный лазарет.
Живот мне грел своей спиной крестьянин,
А спину животом — больной поэт.

Четыре дня на нарах без матраца
Лежали мы, как серые кули.
Нас ели вши, но даже почесаться,
Прижатые к друг другу, не могли.

Забылся я, дыша в затылок дяди,
И снится мне — я в ледяной барже.
А пробудился — спереди и сзади —
Два мертвеца, холодные уже.

Им даже в братской не лежать могиле
В лесах печорских на краю земли —
Они обратно в Нарьян-Мар «поплыли»,
А их лохмотья на костре сожгли.

Под дулом пулеметов доходяги
Скорей за дело! И не ешь, не спи,
Пока не возведешь надежный лагерь,
Где сам себя посадишь на цепи.

А после — кто убит здесь, кто затравлен —
Здесь столько крови пролилось и слез!
Где памятник Русанову поставлен
На мысе, что зовется Канин Нос.

1989 г.

Здесь были высажены первые партии заключенных.

Б.Серов

В Печору под конвоем

ВОЙНА застала меня на Кольском полуострове в лагерях Мончегорска. На третий день собрали большой этап и погнали в сторону Кандалакши, оттуда в Архангельск в переполненных трюмах корабля. Дальше на баржах по Северной Двине до села Айкино, там пересадили в «теплушки» — и до станции Кожва.

Перед отправкой в Абезь наш этап перебросили на песчаный остров напротив нынешней городской пристани. На высоком берегу стояли палаточные склады, в сосняке вдоль берега было вырыто несколько полуземлянок да стояли вразброс деревянные домишки с железными печурками — будущая речная часть города.

Лето 1941 года на Печоре выдалось жаркое. На острове негде укрыться от дождя и солнца. Кухня ещё не прибыла, и из-за боязни эпидемии было строго запрещено подходить к воде. А кормили селедкой, соленой треской. Один паренек не выдержал и побежал с миской к реке. Раздался выстрел — он рухнул в воду. На помощь ему кинулся такой же малец лет восемнадцати. Снова выстрел — и на этот раз без промаха… Вокруг установлены вышки, и охрана частенько делала холостые выстрелы для острастки, что притупляло осторожность заключенных.

Через несколько дней на баржах нас отправили в Абезь. Спустя два года: после скитания по колоннам, работы в ансамбле политотдела Печорлага, я снова оказался в Печоре, на лесокомбинате.

Первыми его начали строить заключенные, прибывшие в марте 1940 года из Горной Шории Алтайского края. От станции Кожва этап пешком по льду пригнали на правый берег Печоры и остановили в районе нынешней мебельной фабрики. На самой бровке высокого берега люди приступили к рытью землянок. Двигаясь от фабрики вверх по тропе, и сейчас можно разглядеть полузаросшие ямы. Сам завод первоначально было намечено поставить чуть ниже так называемой «ледяной горы», ближе к району нынешней ГРЭС, но по совету специалиста, бывшего главного инженера треста «Ленлес» Мыльникова,

решили перенести его ниже по течению, перекрыв протоку от острова до берега дамбой.

На месте будущих цехов в первую очередь устанавливали станки, которые сразу пускались в работу, а уж потом возводили перекрытия и стены корпусов. Первый пиломатериал пошел в июне 1940 года. Выстроили бараки для заключенных, контору, столовую, лазарет и другие службы. Соорудили мельницу: нужна мука, нужны и отруби на корм скоту. Рядом — коровник, свинарник. Открыли клуб, но его тоже спроектировали так, чтобы днем это была столовая, а вечером клуб с небольшой сценой.

В верховьях реки были организованы три лесные колонны, откуда поступала древесина: возле деревни Корольки, Бызовой и Медвежской.

Первым начальником лесокомбината был Василий Николаевич Михалев, главным инженером Владимир Александрович Купряжкин, его заместителем Мыльников, который вскоре освободился и вернулся в Ленинград на прежнюю работу; начальником лесопильного цеха Александр Павлович Дремач, начальником ДОЦ (деревообрабатывающего цеха) Алексей Егорович Королев, технологом Тимофей Михайлович Юшманов, старшим нормировщиком Владимир Евтихиевич Новиков, начальником планового отдела Борис Александрович Вершинин, призванный на фронт с первых дней войны и погибший; начальником колонны Евстигнеев, начальником биржи Максимов, потом Николай Альков; врачом Гельман, фельдшером Калашников.

Еще одной большой зоной Печоржелдорлага был пересыльный пункт, где стояли вахта, три барака для заключенных, изолятор, рядом располагался лазарет и рабочая зона. За зоной находилось деревянное двухэтажное здание управления первого отделения Печоржелдорлага, где начальником был капитан Цфас. Этот дом № 4 по улице Островского сохранился поныне.

Строился и поселок вольнонаемных: несколько бараков военкомата, двухэтажная школа, где потом была ШРМ (школа рабочей молодежи), левее — две торговые базы. На Путейской улице в двухэтажном деревянном здании — клуб железнодорожников. С 1949 года сюда перевели артель «Родина», где шили телогрейки, спецодежду для лесников и шахтеров, белье для новорожденных, стегали матрацы из оленьей шерсти,.

Город быстро отстраивался благодаря лесокомбинату. Выпускали брус для двух-, четырех-, восьмиквартирных домов, разнообразные столярные изделия, дома путеобходчиков, стрелочников, фермы Гау для мостов на строящейся железной дороге и фермы для форсирования рек на фронтах, щитовую планку для снегозащиты железнодорожного полотна и массу другой продукции.

В начале 1942 года, когда из Ленинграда эвакуировали сюда людей и часть производственных объектов, лесокомбинат получил задание построить завод по переработке опилок на кормовые дрожжи. Прибыл изобретатель, и быстро возвели двухэтажное здание — дрожзавод! Долго бились с реализацией изобретения, так как древесина на севере имеет свою специфику: дерево ищет защиту от морозов и насыщает древесину смолой. Повышенная смолистость явилась камнем преткновения в производственном процессе.

Тем не менее, к 7 ноября 1943 года меня командировали в п. Абезь для вручения начальству Печорлага образцов дрожжей, полученных на нашем заводе. Какой залп аплодисментов! Какие овации! И опять: «Да здравствует…Слава великому…», а по возвращении я узнал от лаборанта Георгия Яковлевича Стрелкова, что эти две банки дрожжей сделаны из … обычной ячневой муки.

Но высшему руководству успели доложить, что страну завалят дрожжами. Кое-кто и ордена получил за это. А лесокомбинат нес убытки.[3] В конце концов дрожзавод вынуждены были переоборудовать в цех клееных конструкций.

Или еще подобный случай. 23 февраля ансамбль политотдела Печорлага, прибывший в Печору из Абези, давал концерт в клубе лесокомбината. Перед концертом торжественно объявили, что наши войска отбили у фашистов город Ростов. Петр Николаевич Шаповалов, режиссер ансамбля, спел песню: «Ростов-город — Ростов-Дон! Синезвездный небосклон, улица садовая, скамеечка кленовая — Ростов-город, Ростов-Дон!» Он был уроженцем Ростова, и, когда пел, слезы текли по его щекам, как и у многих собравшихся. Правда, немцы пошли в контрнаступление и взяли в плен тысячи наших солдат. Это плата за хвастовство власть предержащих. Сталин приказал освободить города ко Дню Красной Армии! И что? Погубили массу людей, зато на торжественном митинге кричали: «Да здравствует наш великий вождь товарищ Сталин!»

Вот такие мы герои!

На печорской пересылке

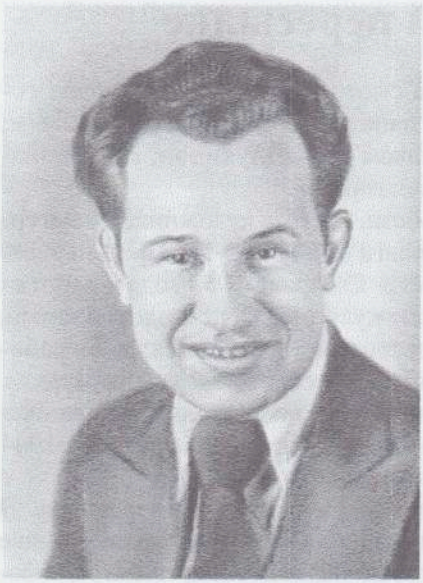
Как-то раз меня попросили посмотреть картины в нашем городском музее, нет ли среди них написанных Борисом Мухиным, художником-плакатистом, племянником Веры Мухиной, автора знаменитой скульптуры «Рабочий и колхозница».

Борис Мухин отбывал срок в Абези, где был художником в лагерном театре. Когда управление Печорлага в 1947 году из Абези перевели в Печору, сюда же переехал и театр. С апреля 1951 года я работал художественным руководителем Дома культуры железнодорожников, близко общался с театральным коллективом. Мухин писал свои работы в спортзале, делал копии картин с работ советских художников.

Беседуя с музейными работниками, я вспомнил о художнике-декораторе Миланского театра «Ла-Скала», которого встретил в 1944 году на печорском пересыльном пункте.

Несколько слов о том, как я попал на печорскую пересылку. В апреле 1943 года, занимая должность старшего инспектора по технике безопасности лесокомбината, я написал около десятка памяток рабочим разных профессий, оформил стенды по технике безопасности — и получил две грамоты Коми совета профсоюза за лучшую наглядную агитацию завода. Это привлекло внимание управления Печорлага, и для ознакомления с нашей работой приехал профессор Калиманов, из заключенных с десятилетним сроком, но к тому времени расконвоированный и работавший начальником технического отдела управления Печорлага. И когда на печорском пересыльном пункте была организована квалификационная комиссия, Калиманов поручил мне исполнять обязанности председателя. В составе комиссии было несколько инженеров, которым вменялось в обязанность выявлять профессиональные занятия прибывавших с этапом заключенных и рекомендовать на ту или иную работу. Данные комиссии заносились в формуляр — личное дело заключенного. В мои обязанности входил опрос людей с нестандартными для железнодорожного строительства профессиями. Я беседовал с артистами, художниками, деревообработчиками. С этими профессиями по роду своего образования я был знаком. А когда приходилось иметь дело с печниками, портными, бухгалтерами и людьми других профессий, я прибегал к своему опыту артиста, чтобы собеседник не заподозрил меня в полном невежестве.

Однажды подошел ко мне человек, изможденный, серый, жалкий, но с горящими черными глазами. «Меня к вам направили, — про-



Портрет Б.Серова работы заключенного итальянского художника Козесси

изнес он с сильным акцентом иностранца. — Я художник-декоратор оперного театра «Ла-Скала», моя фамилия Козесси».

История, рассказанная им, такова: «Я работал вторым художником «Ла-Скала», был членом итальянской коммунистической партии. Муссолини загнал нас в подполье, за нами охотились. Когда в Испании началась гражданская война, многие тайно через Францию ушли в Испанию, вступали в интернациональные бригады и боролись против франкистов с оружием в руках. Воевали отчаянно, но силы были неравными, и мы потерпели поражение. Я и некоторые мои товарищи вынуждены были покинуть Испанию на советских кораблях. Разве мы могли предугадать,, что нас арестуют и предъявят нелепое обвинения в шпионаже? Русские ребята были нашими братьями по оружию, я близко общался с писателем Михаилом Кольцовым».

Мы оставили Козесси на пересылке на хозяйственных работах. Как-то встретив Петра Никитича Шаповалова, режиссера ансамбля, я рассказал ему о художнике, и Петр выразил желание взять его в ансамбль, но Козесси уже не было в живых. Где, в какую яму бросили его останки, мне неизвестно. В память об этом человеке остался мой небольшой портрет его работы, который я храню.[4]

На пересыльный пункт поступали этап за этапом, в основном осужденные по 58-й статье или бывшие на оккупированной территории, вынужденные работать при немцах на гражданских должностях. Со многими из них я потом встретился на лесокомбинате.

Борис Иванович Кришман учил в Гомеле детей, значит, был «пособником врага». Иосиф Михайлович Чижик — лесник, имел при немцах ружьё. А как леснику без ружья? Врачи были осуждены за то, что продолжали работать по своей профессии при немцах, хотя лечили русских, — значит, пособников фашистов. В лазарете № 1 Печорлага главным хирургом работал Николай Александрович Вериго, осужденный за это сроком на десять лет. Самсона Абрамовича Барсара осудили за то, что он был за границей в Польше с «подозрительными заданиями» — а работал он начальником снабжения Белорусторга и ездил по торговым делам. Получил пять лет лагерей, на лесокомбинате имел должность заведующего мельницей.

А вот случай с инженером-лесоизыскателем Николаем Григорьевичем Орловым. Когда в 1936 году резко пошла вверх кривая арестов, особенно так называемых «бывших», его брат Михаил, инженер-строитель по профессии, понял, что настало время спасаться, так как оба были бывшими офицерами царской армии: в 1914 году их призвали на службу и, как имеющим образование, присвоили звание офицеров. Михаил предложил пойти на работу в НКВД инженерами, дескать, своих-то не тронут. Николай посмеялся, а брат осуществил свое намерение и был направлен на Дальний Восток. В 1937 году в ведомстве, где он работал, понадобился специалист по лесному делу. На одном из совещаний у Михаила вырвалось: «Эх, был бы сейчас рядом мой Коля, все бы решили без труда». Его спросили, кто такой Коля, где живет. А через два месяца Николай с приговором «10 лет лишения свободы» предстал пред ясные очи старшего брата. Подыскать вину для захребетников-опричников не составляло большого труда.

Один из опрашиваемых мной представился так: «Иванов. Самый сильный человек в мире». Я с удивлением смотрел на этого пожилого, среднего роста человека, а он в подтверждение своих слов разложил передо мной фотографии афиш с его изображением. Я повел его к начальнику пересыльного пункта Михаилу Михайловичу, тоже Иванову, тот распорядился оставить силача на пересылке.

История его такова: ездил с цирком по разным странам, война застала в Польше, а за освобождением Польши советскими войсками последовал его арест. Иванов имел грамоты, похвальные листы,

109848

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ гор. Печора.

Печорская ЦБС

серебряные и золотые кубки, пояса победителя разных соревнований, много дорогих подарков, в том числе и от немецких офицеров. Ему предъявили обвинение в пособничестве фашистам, а награды следователь приобщил к делу, оставив хозяину, сиречь Иванову, на память альбом да несколько афиш, а все «приобщенное» бесследно исчезло.

На пересылке его подкормили — и он продемонстрировал свою силу. Для начала на шее согнул лом с пожарного щита и закрутил его перед собой. По его просьбе принесли два узкоколейных рельса, которые он водрузил на плечи и крутил с восьмью висящими добровольцами. А затем согнул этот рельс в дугу. Пальцами рук он без видимых усилий сгибал монеты. Позже по распоряжению лагерной администрации его отправили в карьер грузить платформы — «вертушки», но Иванов уже ничего грузить не мог: лагерное питание сделало своё дело. Как самому сильному, в качестве эксперимента ему дали такие производственные нормы, что он быстро надорвался и умер.

На пересылке мне довелось встретиться и с одним из братьев знаменитых футболистов Старостиных. Видел я там и дочь маршала Михаила Тухачевского. В школе, на собрании, от неё потребовали отречься от отца и признать его врагом. За отказ получила пять лет лагерей.

Сталинский период в истории нашей страны можно сравнить с затяжным смерчем. Крутящийся вихрь сметал людей, уничтожал. Но природная стихия захватывает всех и вся, а эта настигала тех, кого боялся Сталин, Да, да! Боялся. Даже славную красавицу, почти ребенка, Светлану Тухачевскую, он боялся как свидетеля своего диктата и своих преступлений.

Вера, надежда, любовь

Я проработал в ансамбле политотдела Печорлага до 3 мая 1943 года, а затем перешел на лесокомбинат мастером деревообрабатывающего цеха. Еще до моего прихода сюда, в феврале 1943 года, на электростанции комбината случился пожар. Сразу арестовали начальника электростанции, инженера по технике безопасности и начальника деревообрабатывающего цеха. Предполагалось, что пожар вызван вредительством.

Через месяц вызвал меня главный инженер комбината Мыльников и предложил занять должность инженера по технике безопасности. Работа инспектора очень неприятная: всё время имеешь дело с травматизмом людей, с одной стороны, и с отчетом о травматизме и проделанной работе по его недопущению — с другой. Отчет представляешь оперуполномоченным отделения, то есть следственным органам НКВД. Но я не был новичком в этом деле — и согласился.

В это время на лесокомбинате строили дрожжевой завод, сушильный цех. По роду службы я обязан был систематически обследовать лесозаготовки, сплав леса, его выкатку, работу цехов и строительство объектов, что дало мне возможность познакомиться с инженерно-техническими кадрами комбината. При сушильных камерах и для анализа дрожжей в процессе их изготовления из опилок оборудовали лабораторию, заведовал ею некто Стрелков Георгий Яковлевич,[5] в прошлом начальник управления Главзолота по Якутии. Бывший партизан в алтайских лесах, а впоследствии секретарь губкома Красноярска, он отбывал срок наказания «за умышленное снижение добычи золота в Якутии». Тогда были арестованы руководители отделов Главка, всего семь человек. Стрелков был приговорен к высшей мере наказания, замененной 25 годам заключения без права переписки.

В конце августа сменилось руководство лесокомбината: директором стал Кричевский Григорий Менделеевич, главным инженером — Купряжкин Владимир Александрович, а начальником деревообрабатывающего цеха назначили меня. Теперь я по долгу службы должен был ежедневно проверять степень высыхания пиломатериалов. Мы постепенно сблизились с Георгием Яковлевичем, и он рассказал мне про свою «вредительскую деятельность».

В 1936 году, к осени, в Главк поступили сведения, что на Колыме в лагерях золотодобычи повышенная смертность от голода и как следствие этого — резкое снижение добычи золота. Через правительство Стрелкову удалось добыть муку, крупы, другие продукты и выбить два морских судна для их отправки. Неожиданно поступила телеграмма от начальника «снаба», что по распоряжению Наркома внутренних дел Ягоды корабли разгружены, и на них отсылают на Колыму заключенных. На приисках голод, люди мрут, а руководство не находит ничего лучшего, как послать на смену умирающим еще несколько тысяч зэков. Морозы, голод, болезни сделали свое дело: умерли и те, кто там был, и кого привезли. На высоком совещании,

в присутствии Ягоды, Стрелков доложил обстоятельства дела, а весной 1937 года его арестовали по приговору особого совещания при НКВД, через год следствия приговорили к 25 годам заключения.

Случилось так, что, когда я работал прорабом на колонне СК-2/4 в Кочмесе, у меня в бригаде был некто Образцов, бывший начальник планового отдела Главзолота Якутии. Позже на одной из колонн, куда мы приехали с ансамблем политотдела, я снова встретил Образцова, сообщившего, что их группу оправдали и освободили и он со дня на день ждет отъезда в Москву на старую должность. «Жаль только, наш начальник не дожил до этого дня, его расстреляли»,— добавил он о Стрелкове. По счастью, живом, но давно уже считавшимся погибшим.

И вот, будучи в командировке в Москве, наш начальник производственного отдела Владимир Евтихеевич Новиков отвез письмо Георгия Яковлевича для жены, заведующей отделом библиотеки им. Ленина. В дом она не пустила, посчитала письмо провокацией: была уверена, что мужа расстреляли. Только увидев его фотографию, она поняла свою ошибку.

Его освободили, когда умер Сталин, когда расстреляли Берию. Но выезд из Печоры запретили. Георгий Яковлевич после освобождения жил у нас на квартире около месяца, затем его отправили на Алтай. Шесть месяцев шла проверка — изучали алтайский период его биографии — и наконец разрешили вернуться домой. Будучи проездом в Москве, я не раз бывал у них в гостях. Он рассказывал, что, когда нашли его дело и вскрыли пухлую папку под сургучом, оказалось, что была заполнена первая страница с приговором ОСО[6] «за контрреволюционную деятельность к 25 годам лишения свободы в ИТЛ без права переписки» — а далее шли сотни листов чистой бумаги.

Арестовывал его живший на одной площадке с ним полковник Завадский, работник НКВД высокого ранга, имевший печатные труды. При аресте шепнул: «Держись, Георгий, за тобой ничего нет. Думаю, и меня скоро заберут. Такое течение, надо удержаться, это ненадолго».

Завадского арестовали, спустя несколько дней расстреляли.

В частых беседах за шахматной доской Стрелков не раз убеждал меня, что правда восторжествует, партия сумеет признаться в ошибках, невиновные будут оправданы. А я не уставал удивляться тому, как сохраняли эти люди в окружающей обстановке насилия и произвола веру в конечную справедливость устройства мира, не отрекаясь от высших человеческих ценностей — веры, надежды и любви!

О. Серова

Слово об отце

Я **всю** жизнь прожила в Печоре. Наш город гулаговский по своему происхождению, и это объясняет многое в характере печорских детей, родившихся после войны. Мы не очень интересовались биографиями своих родителей. Как они попали в Печору? Об этом долгое время не принято было говорить. После 1956 года друзья отца стали делиться друг с другом воспоминаниями. Появилось слово «реабилитированный», вот тогда я и узнала, что мой папа сидел по 58-й статье.

Что же я, его дочь, прожившая с ним всю свою жизнь, знаю об отце, Борисе Дмитриевиче Серове? Знаю, что он был человеком разносторонне одарённым. В юности увлекался авиацией, театром. В Печорлаге работал прорабом, был актером лагерного театра. Художник, столяр-краснодеревщик, фотограф, коллекционер. Был общественным художником-оформителем на предприятии, где работал, рационализатором-изобретателем, внештатным сотрудником городской газеты, писал стихи, имел дипломы художественных выставок. В последние годы жизни возглавлял работу общественной организации «Мемориал» в нашем городе.

Наши прадеды были крестьянами, обосновавшимися в Нижнем Новгороде. Не знаю, каким образом мой дед, работавший приказчиком в магазине, стал режиссером одного из сормовских театров. Актер и режиссер, он в свои 26 лет, имея двоих детей, вступил в РСДРП, был членом Сормовского совета большевиков, вовлек в эту деятельность и жену, помогавшую распространять листовки. После революции стал комиссаром и начальником агитпоезда в Поволжье, служил в ЧК, откуда его уволили в 1924 году «за сочувствие к классовым врагам», но в те годы такая формулировка не влекла еще за собой трагических последствий. Тем не менее, умер он молодым, жена осталась с четырьмя детьми и престарелой матерью на руках. С четырнадцати лет мой отец начал работать в строительной артели, откуда его направили на учебу в «Стройуч».

Четыре года он учился в Центральном институте труда (ЦИТ) на слесаря-электромонтера.

В 16 лет, учась в ЦИТе, поступил статистом в городской театр и учеником в театральную студию Н.И. Собольникова-Самарина при нижегородском драмтеатре. Еще ребенком бывал на спектаклях, репетициях — и заразился театром на всю жизнь. Мальчишкой пел в церковном хоре. Петь со сцены так и не решился, но дома в кругу друзей любил исполнять арии из опер и оперетт.

С марта 1932 года работал слесарем-механиком в Центральной военно-индустриальной лаборатории (ЦВИРЛ) в г.Горьком. Здесь он имел возможность познакомиться с военной техникой, оружием, самолетами, получил навыки обработки металла. В 1933 году закончил ЦИТ и театральную студию одновременно. Надо выбирать: театр или производственная деятельность. Но случай привел его в летную школу при ОСОАВИАХИМе: тогда молодые люди бредили авиацией. И стал бы наш отец военным летчиком, но страх властей перед «родственниками за границей» вернул его после окончания летной школы снова на производство.

С театром нарушились связи, и пришлось идти электромехаником в Госкультснаб, который направил его на учебу в столицу. Москва находилась тогда во власти джаза, и молодой человек, забыв о доверчивом Культснабе, поступил в школу западных танцев. Его учителями были выпускники лондонской студии Раиса Блок, Владимиров. Фокстрот, трот-марш, нью-олс, блюз, танго — отец прекрасно танцевал их и в преклонном возрасте.

После возвращения в г.Горький он поступил на работу в ГОМЭЦ — Государственное объединение музыки, эстрады и цирка инструктором западноевропейских танцев при Дворце культуры им. Ленина. Как инструктор ездил по Домам культуры, Домам отдыха Горьковского района. Как конферансье вел концерты в ДК им. Ленина — и это всего неполных восемь месяцев, но сколько впечатлений, и какая школа! Конечно, молодому конферансье нечасто выпадало счастье сопровождать выступления известных артистов, но он вел концерты Л.Орловой, В.Козина, джаза под управлением Жукова.

Жизнь била ключом, но в 1936 году его призвали в армию, попал в радиовзвод особого отдела связи. Сильный, выносливый солдат, хороший стрелок, парашютист, не считая его художественных и артистических способностей, — в любое время, в любой части будет на хорошем счету у комсостава. Но острый язык и самоуверенность

Б.Серов во время учебы в летной школе.

сыграли с ним злую шутку: на рядового Серова поступил донос, и 2 ноября 1937 года его арестовали. Дали 5 лет и 3 года поражения в правах «за антисоветскую агитацию».

Горьковская тюрьма, потом лагерь в Мончегорске. В 1941 году их лагерь эвакуируют на восток, где идет освоение печорского угольного бассейна, форсируется строительство железной дороги. Вот как вспоминает отец первые месяцы пребывания в Печоржелдорлаге: «Прибыли в Канин этапом, отсюда на баржах в Абезь. Плыли по Печоре, Усе, пешком до Кочмеса я вел свою бригаду по будущей железнодорожной трассе. Выдали нам орудия труда: лопаты без черенков, топоры без рукояток, пилы неточеные и неразведенные. На кострах обжигали березовые жерди и осколками стекла скоблили дерево, придавая форму черенков и топорищ. Инструмент точили на камнях. Тут меня назначили прорабом на колонну СК-2/4».

Его выручают артистические способности, в ансамбле КВО он отбыл остаток срока. С ноября 1942 года на положении вольнонаемного получает зарплату, имеет свою каморку. И можно проситься на фронт. Он не раз посылал заявления с просьбой отправить его, ворошиловского стрелка, на защиту Родины. Приходили стандартные ответы: когда понадобитесь, вас призовут. Но в качестве защитника

Серов так и не понадобился. В апреле 1943 года он уходит из ансамбля КВО (культурно-воспитательный отдел) на первое промышленное предприятие в Печоре — лесокомбинат, где ему предложили должность инспектора по технике безопасности.

Казалось, жизнь входит в спокойное русло. Но не таков наш отец. В это время начинается новое движение — рационализаторство, и он вносит десятки рацпредложений, делает изобретение. Его ежегодно выбирают в члены месткома, в члены рабочей конфликтной комиссии. А это очень неблагодарные должности. Они ставят честного человека в оппозицию к администрации предприятия. Ему постоянно приходится защищать чьи-то права или выявлять недостатки в работе руководства.

Впрочем, Серов в этот период не только работает. Он веселый молодой человек. Его стихией становится самодеятельность. Прекрасно танцует, и ни один вечер танцев не обходится без его участия. Здесь, на одном из вечеров, он и знакомится с девушкой Марией, моей будущей матерью.

В 1951 году отец перешел на работу в Дом культуры железнодорожников. И раньше он был тесно связан с ДКЖ, трудился над внутренней отделкой помещения, и под его руководством, по его чертежам были выполнены многие детали интерьера. Вместе с управлением Печорлага сюда из Абези перевезли весь театральный состав, из них 40 танцоров, 60 музыкантов: оркестр под управлением композитора Евгения Попова, джаз-оркестр под руководством В.А.Ключарева, солиста Д.Башлакова, танцора М.Годенко, после освобождения организовавшего знаменитый Красноярский ансамбль песни и пляски; актера Александра Короткевича, певицу Нину Судзан, конферансье Владимира Судзана, организовавшего первый в Печоре кукольный театр, и многих других. Отец работал увлеченно: сам придумывал сатирические номера, играл в разных спектаклях, выступал как чтец-декламатор (читал Маяковского, Есенина, басни Михалкова), пел сатирические куплеты. Одно время выступал в дуэте с молодым сатириком Игорем Народецким. Через год отец снова возвратился на лесокомбинат, но сцену не забывал, выступал как участник самодеятельности при клубе лесокомбината, не раз побеждавшей на республиканских конкурсах. Был он также редактором и художником стенгазеты лесокомбината, внештатным сотрудником районной газеты.

Всю свою зрелую жизнь отец проработал на лесокомбинате на разных должностях. Старше становился, строптивее: если считал

Б.Серов и И.Народецкий на сцене клуба лесокомбината. 1952 год.

себя правым, не уступал. Начальство его не больно жаловало, но его знаниями и умениями охотно пользовалось.

И на пенсии не сидел без дела, вспомнил свое старое увлечение — резьбу по дереву. До середины 60-х вся мебель в доме делалась его руками. Лишь когда дети подросли и стали самостоятельно зарабатывать, мы смогли себе позволить фабричную мебель.

С началом перестройки в стране проснулся интерес к событиям сталинской эпохи. Люди стремились узнать правду, которую так долго замалчивали. Отец начал писать воспоминания. Газета «Ленинец» печатала его очерки и рассказы из лагерной жизни. Публикация от 29 июля 1994 года оказалась последней прижизненной. Случайная простуда, открылся старый плеврит — и 8 августа отца не стало.

г. Печора, 1999 г

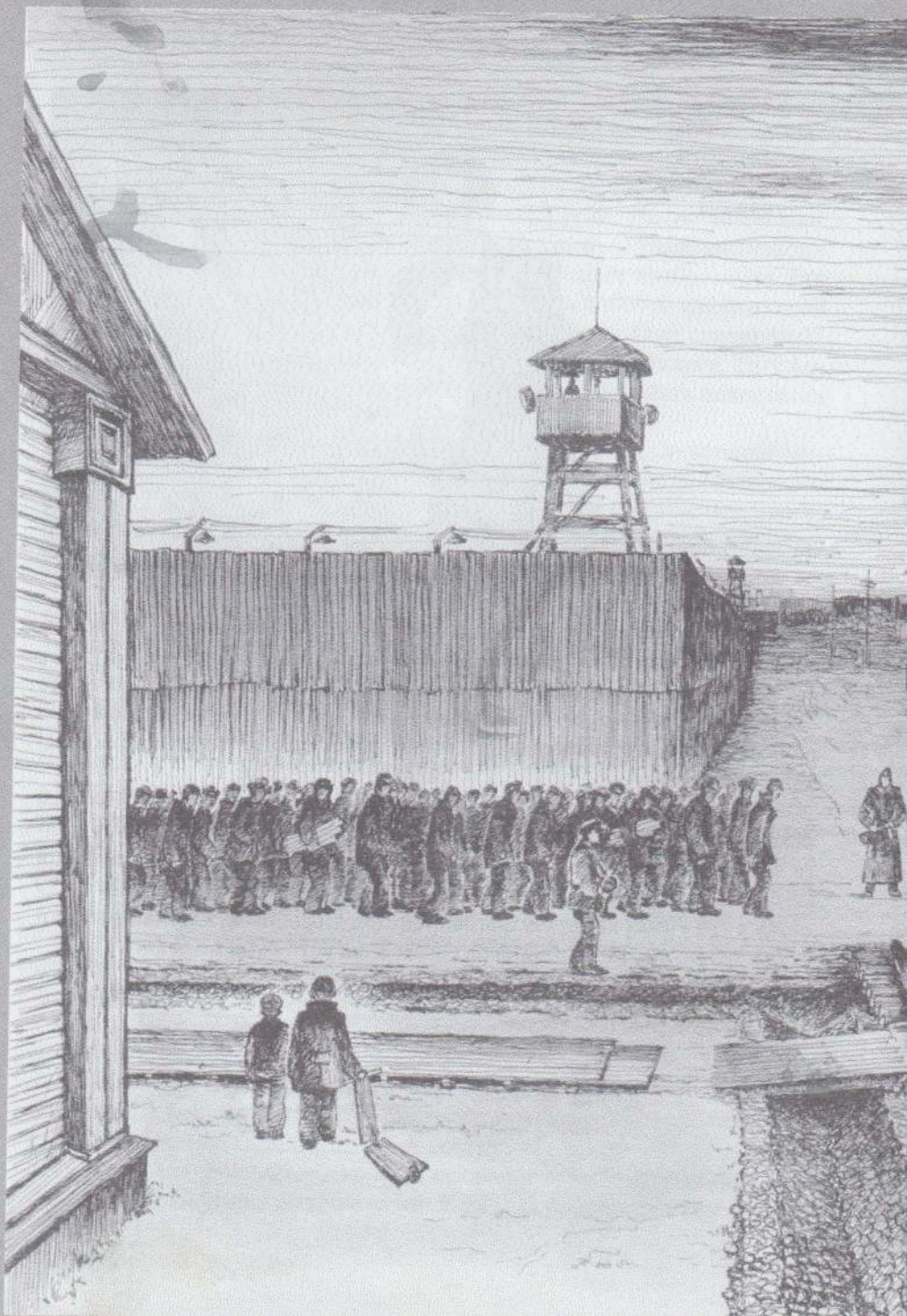


Рисунок Б.Иванова «Колонна заключенных на улице Советской города Печоры»

И. Михайлов

То тяжкое, что было на веку,
Пожизненно гнетет воображенье,
И снятся до сих пор фронтовику
Окоп, атака, ужас окруженья;

Блокаднику — бомбежка, и скольженье
С ведром к воде, где труп вмурован в лед,
И метронома мерное движенье,
Ведущее минутам жизни счет...

А мне — бредущий сквозь пургу этап,
И гибель тех, кто болен или слаб,
И хлопанье болота под лежневкой,

Стрелок на вышке, бдительный конвой,
И шмон, и вставший на поверку строй,
И автомат, что взят на изготовку...

Об авторе: Игорь Леонидович Михайлов (1913 — 1994) — поэт и критик, член Союза писателей РСФСР, автор тринадцати поэтических сборников. В 1939 году был осужден «за антисоветскую агитацию». Был заключенным Печорлага, строил железную дорогу на Воркуту. В его поэтических произведениях — горькие людские судьбы и трагедия земли Коми, превращенной в лагерную зону.

Л. Мищенко

«Пока я помню»

Эту рукопись Лев Глебович прислал из Москвы. Из объемных записей выбраны относящиеся к его пребыванию в Печоре. Во время подготовки к изданию этого сборника воспоминания Л.Г.Мищенко вышли отдельной книгой «Пока я помню» (изд. Возвращение, Москва, 2006)

Он был современником событий гражданской войны, участником московского ополчения, прошел через нацистские лагеря, бежал из плена. Попав в руки советского правосудия, был обвинен по традиционной для военнопленных статье в шпионаже, получив десятилетний лагерный срок. После освобождения вернулся в Москву, в 1956 году был реабилитирован. Он стал ученым-физиком, 34 года проработал в научно-исследовательском институте ядерной физики при МГУ, в лаборатории космических лучей.

Лев Глебович посвятил свою книгу детям и внукам, определив этим главную цель своего труда: сохранение исторической памяти. В центре его повествования — человек, наделенный нравственностью, позволяющей ему противостоять силам разрушения человечности, и именно это становится осью рассказа, критерием оценки личности, собирая вокруг самого автора близких ему по духу людей.

Родился он в интеллигентной семье. Дед, Федор Герасимович Мищенко, был профессором филологии Киевского университета, переводившим на русский язык древнегреческих авторов, его имя занесено в словарь Брокгауза и Ефрона. Отец, путейский инженер, был командирован за Урал на изыскательские работы по проектированию Обь-Урало-Беломорской железной дороги. Революционные события прервали начатую работу, и только в 30-40-е годы силами узников ГУЛАГа построена эта дорога, носившая уже другое название — Северо-Печорская, и

именно здесь выпало трудиться Льву Глебовичу, заключенному Печорлага.

Его раннее детство прошло среди зырянского населения сибирского городка Березова, где застала родителей революция. Гражданская война, докатившаяся до этих глухих мест, лишила его отца и матери, которые были расстреляны новыми властями как заложники. Леву взяли к себе на воспитание московские бабушки.

До начала Великой Отечественной войны он учился на физическом факультете МГУ, и в нерабочий день воскресенья 22 июня их лаборатория спешно завершала сборы несостоявшейся экспедиции на Эльбрус. А уже 3 июля он ушел в народное ополчение. Трагические события первых месяцев войны, участие в московской битве и плен... Только сорок шесть лет спустя по инициативе маршала Жукова официально были признаны заслуги ополчения, и участники Ельнинской битвы за Москву награждены медалью «За оборону Москвы». А тогда плохо вооруженные дивизии ополчения не смогли сдержать натиск противника, попав в печально известное окружение под Вязьмой и Ельней.

Потом были нацистские лагеря, среди которых — лагерь смерти Бухенвальд. Надо ли говорить о том, как испытывают на прочность такие реалии. И всё же были и есть те, кому удавалось оставаться людьми, побеждая страх смерти и включаясь в духовное сопротивление, внутреннее или открытое противостояние. В лагерях нацистских и советском он приобрел друзей на всю оставшуюся жизнь: среди них русские, украинцы, немцы, чехи, французы... Их объединяли не только воспоминания о страшных днях, пережитых вместе, но и память о совместном противостоянии, солидарности и человеческой взаимопомощи. После освобождения они искали и находили друг друга, не раз встречались, приезжали в гости в Москву, супруги Мищенко ездили к ним в Европу.

Его послевоенной лагерной судьбой стала северная Печора. Вот как он пишет о печорском периоде своей жизни, о первом промышленном предприятии города и его людях:

«От Франкфурта-на-Одере до Печоры везли больше двух месяцев — с конца декабря 1945 года по март 1946-го — в товарных вагонах, по шестьдесят заключенных в каждом. Это были советские граждане и немцы, арестованные еще летом и не имевшие теплой одежды. Хотя в вагонах стояли железные печки, но топлива не хватало. В этапе были и уголовники, которые при попустительстве конвоя грабили и сбывали вещи охранникам в обмен на еду или курево. Охранники при ежедневных поверках били заключенных, чем попало: ногами, прикладами, деревянными колотушками, которыми простукивали стены вагонов для выявления проломов. Мне повредили почку, и от ударов по ушам у меня лопнула барабанная перепонка. Кормили хлебом, меньше двухсот граммов в день, и соленой рыбой, а воды давали мало. Дважды во время длительных остановок водили мыться в санпропускник.

В Печоре выгрузили на пересылке, где шло распределение по лагерным пунктам. Мне судьба уготовила отдельный лагерный пункт (ОЛП) лесокомбинат, п/я. 274. Это был главный завод — поставщик древесной продукции для всего СПЖДС — Северо-Печорского железнодорожного строительства.

Нас привели на вторую колонну. Я попал сюда в то время, когда уже не было той смертности, разгул которой пришелся на предшествующие годы. О ней рассказывали те, кому повезло выжить. В первые годы стройки лагерное начальство пыталось добиться нужной производительности комбината жестокостью и наказаниями при тяжелых бытовых условиях, голодном пайке и отсутствии необходимого «вещевого довольствия». Люди умирали, на их место привозили новых. По оценке заключенного Марушкина, работавшего на вывозе трупов из зоны, ежедневно умирало по нескольку человек. Но выход продукции оставался низким и грозил срывом строительства всей дороги. Руководство НКВД наконец поняло, что срыв поставок нешуточно грозит и им самим. Тогда Управление СПЖДС перевели из Абези в Печору, и в 1947 году улучшились условия содержания заключенных на комбинате. Это постепенно подняло продуктивность завода, заключенные (в большинстве своем «58-я статья») работали добросовестно.

Комбинат изготовлял шпалы, столбы, сборные брусовые 4-х и 8-квартирные дома, станционные здания и сооружения, мебель для учреждений, детских садов, школ; заборы, щиты от снежных заносов железнодорожного полотна, бараки и нары для заключенных и многое другое.

Территория комбината делилась на нижнюю (берег реки) и верхнюю — основная промзона с жилой зоной заключенных 2-й колонны. На берегу был также лагерный лазарет и небольшая жилая 3-я колонна, где содержались преимущественно уголовники, около ста семидесяти человек.

Лес доставлялся к берегу сплавом по реке и по железной дороге. Заключенные вручную вытаскивали его из вагонов и из воды и подавали наверх. Выемка бревен из реки иногда затягивалась до ледостава, что приводило к увеличению смертности среди заключенных.

В промзоне находились цеха завода: лесопильные — шпалорезка и лесокорпус с большими пилорамами; деревообделочный (ДОЦ), мебельный, две лесосушилки, лаборатория, котельная, водокачка, электростанция, слесарно-механический и электроцех в одном барачного типа здании, конбаза, пожарная часть. Центральная электростанция (ЦЭС) мощностью сначала 300, позже 700 кВт снабжала энергией, помимо собственно комбината и жилых зон заключенных еще и гражданские поселки рядом с промзоной и на берегу речки Балабановки.

Внутри отгороженной от города промзоны была дополнительно выгорожена и снабжена второй проходной вахтой наша вторая колонна: около десяти строений барачного типа, жилых и служебных, для пяти-семи сотен заключенных. Кроме этой и третьей колонны, к ОЛПу относились еще бригады лесоповала в тайге и сенокосные бригады. Таким образом, всего нас было более тысячи человек.

Наша зона отличалась тем преимуществом, что в ее бараках всегда было тепло: охрана на вахте не запрещала проносить в зону древесные отходы для печек. Но работа была тяжелой, а питание скудным и недоброкачественным. Еда зависела от выработки, а нормы были высокими. При недовыработке давался первый «котел», а при 100% выполнении нормы — второй, выше нормы — третий. «Котлы» различались размером пайки хлеба — 400, 600 и 800 граммов, и по третьему «котлу» полагалась добавка: ржаной пирожок с не определяемой на вкус начинкой или без нее. На руки выдавался сахар — граммов по пятнадцать на день. Горячая пища — утром черпак жидкой каши и чай с куском селедки, в обед баланда из капустных листьев, брюквы или кормовой свеклы и отдельно кусочек сваренного в ней мяса или рыбы; на второе — жидкая каша: ячневая, перловая или из магара (род пшена). Вечером — чай, иногда и каша.

Сравнительно легче было заключенным из административного или технического персонала: у них не было «третьего котла», но не было и сдельщины. Сюда относились контролеры ОТК, учетчики, нормировщики, лаборанты сушилок и лаборатории, цеховые дежурные слесари, механики и электрики, работники мехцеха и электростанции и другие.

Одевали нас очень плохо, только к концу моего срока чуть лучше. А работа шла в любую погоду. В марте и апреле 1946 года я «вкалывал» на общих работах по расчистке заносов, выгрузке и подноске бревен — баланов, копке ям. А был я в валенках — чунях, то есть отрезанных от старой телогрейки рукавах, зашитых снизу, бушлате «третьего срока» и ушанке из выношенного шинельного сукна. Все это промокало и промерзало. После работы одежда сдавалась в сушилку — горячо прогретую железной печкой хибару, но без вентиляции. Поэтому вещи возвращались почти такими же сырыми.

На второй колонне содержались в основном «контрики», то есть осужденные по 58-й статье или по категориям КРА (контрреволюционная агитация), КРД (контрреволюционная деятельность), СОЭ (социально опасный элемент) и др. Перед войной, с присоединением новых территорий, привезли жителей Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики. Наконец, «военный поток» — солдаты и офицеры действующей армии и советские военнопленные. Встречались «бытовики» — уголовники с «легкими» статьями. 59-й статьи (бандитизм) почти не было, тем не менее около 1950 года привезли и их, но вскоре этапировали в другой лагерь из-за совершенных вместе с «бытовиками» грабежей и изнасилования жены одного из начальников.

Наша зона не была строгорежимной. Бараки не запирались на ночь, охранники находились только на вахте и на вышках. Ежедневные поверки не были длительными, обыски в бараках сравнительно редки. Случались факты самодурства начальства. Например, начальник колонны капитан Юферицын запретил держать вещи в подголовниках нар, устроил обыск и сжег на костре все найденное.

Очень мучительны были, особенно зимой, проводившиеся не реже двух — трех раз в год проверки по формулярам и инвентаризация. В выходной день до рассвета заключенные со всеми вещами выгонялись из жилой зоны на большую площадку перед вахтой в промзоне. В течение нескольких часов шла перекличка с личным

опросом: год рождения, статья, срок, откуда прибыл, начало срока. Затем личный обыск с пересчетом вещей: нет ли «промота», продажи вещей на сторону. Одновременно шел «шмон» — обыск в пустых бараках.

Если выводили на работы вне охраняемой зоны, вели «цепочкой», перед выходом конвой «читал молитву»: «Дистанция два шага, не набегать, не растягиваться, вперед не выходить, сзади не отставать, шаг вправо, шаг влево — считаю побегом, стреляю без предупреждения». Был один случай убийства заключенного и внутри жилой зоны. Погибшего я знал, это был бывший старший лейтенант Яковлев, работал он учетчиком на лесокорпусе. Морозной зимней ночью он вышел из барака по малой нужде в одном белье и валенках и не пошел за 70 метров в уборную, а начал мочиться рядом с бараком у столба запретной зоны с колючей проволокой. Часовой с вышки потребовал уйти, тот не отреагировал должным образом, и солдат с первого выстрела убил его наповал «при попытке к бегству».

Тяжелым психологическим моментом в лагере была постоянная угроза отправки на этап, как правило, в более страшные лагеря. НКВД применял тактику постоянной перетасовки заключенных, чтобы люди не привыкали друг к другу, чтобы не возникало солидарности между ними и контактов с охраной. Временами усиливались ограничения для заключенных с 58-й статьей, и их переводили в более гибельные места, например, на 501-ю стройку в Заполярье, где произошло восстание заключенных, подавленное с применением танков. Для отправки довольно было и придирки или антипатии любого начальника. А о том, что такое этапирование, я уже рассказывал, в последующие годы этапы не стали легче.

Отношение лагерного начальства всех рангов к заключенным по 58-й статье было, как правило, недоброжелательное, с руганью и оскорблениями, хотя в те годы уже без побоев. Но под конец моего срока, в январе 1954 года, нас выстроили в зоне и зачитали новый указ, в котором сообщалось, что в отдельных лагерях выявлены случаи грубого и жестокого обращения с заключенными и даже убийств, что виновные, независимо от должности, судимы (перечислялись фамилии) и приговорены к наказаниям вплоть до расстрела. Впредь охране и надзорсоставу предписывается вежливое (!) обращение с заключенными. В случаях нарушения предписания заключенный имеет право жаловаться прокурору и требовать ответа о принятых мерах. С этого момента отношение к нам резко изменилось. Но были среди

Начальник лесокомбината Б.А.Попов вручает переходящее знамя начальнику цеха. 1949 г.

охраны и надзирателей люди, которые проявляли к заключенным истинную гуманность и до этого указа.

К весне 1946 года, после двух месяцев тяжелых общих работ, мне удалось устроиться лаборантом в лесосушилку. Там было тепло, а главное, заведовал сушилкой и одновременно производственной лабораторией всего комбината замечательный человек Георгий Яковлевич Стрелков.[7] В первые годы после революции он был одним из организаторов комсомола в Красноярском крае, потом на хозяйственной работе. Человек пытливого ума, он приобрел большие знания самообразованием и стал управляющим треста «Золотопродснаб» в системе Главзолота Наркомтяжпрома СССР. В 1938 году по фальшивому обвинению во вредительстве получил смертный приговор, замененный двадцатью пятью годами лагерей «за недоказанностью обвинения». Обладая инженерными и изобретательскими данными, большим опытом и широким техническим и хозяйственным кругозором, Стрелков оказался незаменимым консультантом лесокомбина-

Л.Г.Мищенко, дежурный электрик Печорского лесокомбината. Фото 1951 г.

товского руководства. Оно его настолько ценило, что добилось разрешения управления Печорлага оставить его на комбинате в должности заведующего лабораторией, хотя все «двадцатипятилетники» отправлялись в спецлагеря. Более того, Стрелкову было разрешено жить не в общей жилой зоне, а в промышленной, в помещении лаборатории, поскольку нужда в нем возникала в любую смену.

Стрелков был человеком твердого характера, но при этом добрым и отзывчивым. Благодаря своему авторитету ему удавалось спасать людей от перевода на тяжелые работы или от этапа, хотя такая защита иногда приносила ему самому серьезные осложнения.

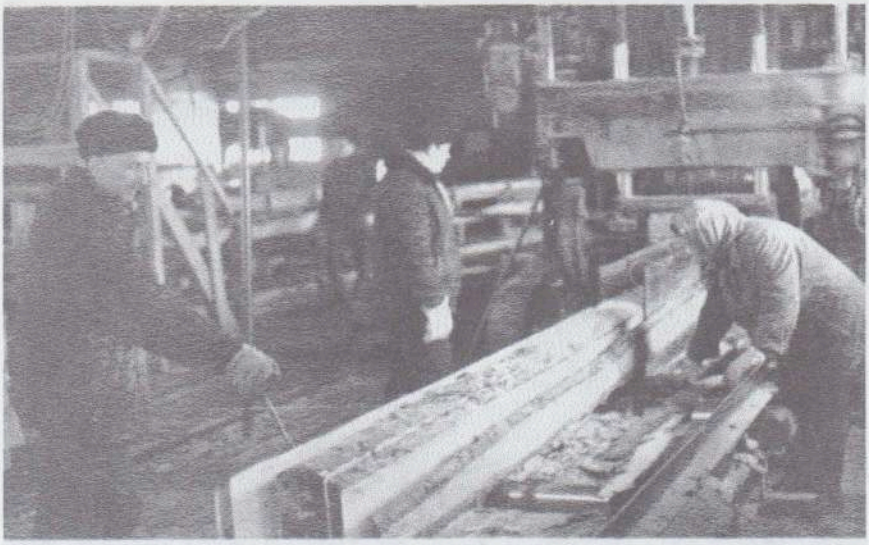
Он был освобожден на восемнадцатом году заключения и реабилитирован. Я и моя семья оставались с ним в тесной дружбе до его смерти в 1976 году.

Я проработал у него месяца два, а летом смог перевестись в электрогруппу — сначала линейным монтером, а потом электриком на электростанцию. Здесь по лагерным меркам был рай. Работа всегда в

Работники лесокомбината. 1950 г.
Слева направо: К.С.Ткаченко, лаборант, Н.Г.Литвиненко, Г.Я.Стрелков, заведующий химической лабораторией лесокомбината, Н.И.Лилеев и Л.Г.Мищенко, дежурные электрики.

тепле и только восемь часов в день вместо десяти-двенадцати часов. Руководство вынуждено было ввести трехсменную работу на электростанции, так как при двухсменной 12-часовой работе из-за переутомления персонала часто случались аварии, и завод, лагерная зона и прилегающие гражданские поселки оставались без электричества.

На станции была и душевая, где машинисты, их помощники и кочегары после смены могли отмываться от пыли, грязи и масла: генераторы станции приводились в движение локомобилями — паровыми машинами на древесном топливе, опилках и прочих отходах лесозавода, а в дальнейшем частично и на каменном угле. В душевой мы могли мыться и стирать белье и не ходить в баню в зоне, где воровали одежду и всегда было холодно. Кроме этих преимуществ, было еще одно, очень важное — смягчение режима. По характеру работы я имел возможность иногда выходить из жилой зоны в промзону вне общего развода бригад, а в промзоне двигаться свободно, что позволяло мне и после ухода из сушилки бывать в лаборатории у Стрелкова.



В цехе лесопиления. 1975 г.

В электрогруппу мне помог перейти работавший там монтером Николай Иванович Лилеев, с которым мы тоже подружились на всю жизнь. Молодой ленинградец, после школы он прошел фронт, плен и арест. На Печору прибыл тем же этапом, что и я. О его характере и душевных качествах можно судить по двум эпизодам. Однажды из конбазы вырвалась лошадь и диким галопом помчалась на толпу. В поднявшейся панике Лилеев вышел навстречу испуганному животному, широко раскинув руки. В нескольких метрах от него лошадь резко свернула и ускакала в сторону. Второй случай связан с тем, как однажды уголовники пришли грабить лабораторию Стрелкова. У него жил кот по прозвищу Василий Трифоныч, который любил сидеть на подоконнике, но боялся, когда снаружи кто-то близко подходил к окну. Когда бандиты подкрались к лабораторному домику, кот спрыгнул с окна. Обнаружив пришедших, Стрелков взял лист бумаги, бутыль серной кислоты и вышел на крыльцо. На глазах непрошеных гостей он плеснул содержимое бутыли на бумагу, отчего та мгновенно обуглилась, и сказал: «Еще раз придете — я не пожалею кислоты». Они ушли, но затаили злобу и начали охотиться за Стрелковым. Однажды, когда Стрелков пошел в лабораторный сарайчик, бандиты побежали за ним. Это заметил Лилеев, случайно оказавшийся непо-

далеку. Схватив первую попавшуюся палку, он бросился на выручку. Неожиданность и смелость нападения обратила в бегство трех преступников, вооруженных ножами.

С первого дня работы на электростанции я почувствовал глубокую симпатию к моему напарнику, электрику Любомиру Григорьевичу Терлецкому, или, как его называли все, — к Любке. Судьба его была страшной. Арестовали почти мальчиком, гимназистом семнадцати лет, вскоре после прихода советской власти на Западную Украину. У него и его друзей по туристским походам нашли дома карты, компасы и рюкзаки — и обвинили всех в организованном шпионаже и намерении уйти за границу. Вынуждая подписать вымышленные «признания», их избивали сначала во львовской, затем в киевской тюрьмах. В 1940 году «суд» приговорил всех к расстрелу. Они поняли, что это всерьез, лишь увидев, как заплакал стоявший при них конвоир, молоденький солдат.

Два месяца они просидели в камере смертников, после чего приговор заменили десятью годами лагерей.

Любомир был очень маленького роста. В лагерях до Печоры и здесь на общих работах совсем ослаб. Истощенного донельзя, его поставили в бригаду, подававшую топливо к локомобилям электростанции. Кочегары и машинисты на всю смену клали его под теплый котел, работая за него. Постепенно он ожил, и начальник электрогруппы Виктор Федорович Чикин взял его электриком на станцию.

Любомир был умным, разносторонне одаренным и необычайно целеустремленным и трудолюбивым человеком. Чтением и практикой, самостоятельными экспериментами он добился больших знаний в электротехнике и много сделал для улучшения работы станции, сильно запущенной до его прихода. Но в 1948 его отправили в режимный лагерь для политических с большими сроками (особые лагеря МВД СССР), а после освобождения из лагеря — в бессрочную ссылку в с.Момотово Казачинского района Красноярского края. Там он женился на ссыльной Ирине Евгеньевне Преображенской, дочери расстрелянного известного экономиста Преображенского. Ирина, ее мать и брат до ссылки отбыли срок в лагерях как «члены семьи врага народа». На тяжелых работах ее придавило груженой вагонеткой, и она не могла иметь детей. После реабилитации они уехали во Львов, где Любомир окончил Художественный институт и стал скульптором, его работы показывались на выставках во Львове и в Москве. Помимо этого, он написал серьезное историческое исследование по украинскому этносу.

В гимназические годы Любомир был жизнерадостным юношей, обладал хорошим голосом и много пел. После приговора он до конца жизни не взял ни одной ноты, почти никогда не улыбался и постоянно боялся повторного ареста. Ирина самоотверженно заботилась о муже, в последние годы тяжело больном. Наши семьи были в тесной дружбе до кончины Любомира в 1993 году.

На электростанцию приходил сшивать приводные ремни дежурный шорник Павел Марушкин. Бывая на мельнице, которая тоже принадлежала комбинату, но находилась в отдельной зоне, он проносил оттуда мучные и крупяные отходы и отруби, раздавал их истощенным и больным, в том числе и Любомиру Терлецкому, который, в сущности, был обязан ему жизнью. Его, армейского летчика, арестовали в начале войны, и на комбинат он попал в самые тяжелые годы. Совсем обессилевшего на общих работах, его случайно увидел земляк, бывший заключенный, главный инженер лесокомбината Владимир Евтихиевич Новиков. Он добился перевода Марушкина в единственную бригаду, которую хорошо кормили и одевали — похоронную, ежедневно вывозившую на санях трупы и закапывавшую их в мерзлой земле вне зоны.

В числе электриков станции был Яков Ефремович Цырульник из Минска, умелый монтер, способный и к другим специальностям. В первые годы своего десятилетнего срока он прошел магаданские лагеря, где лишился пальцев на ноге. В Печоре его статья к тому времени стала считаться «легкой», и ему выдали бесконвойный пропуск за зону для ремонта электросети и установок. Он проносил в зону заработанное и бескорыстно делился с другими, чем спас многих. Подкармливал он и нас с Любомиром.

Еще один электромонтер, Сергей Николаевич Скатов, был очень мал ростом, и в свои двадцать четыре года выглядел почти подростком. Но обладал смелым, решительным и одновременно спокойным и добрым характером, отличался редкой целеустремленностью, а цель у него была — море. Он прошел два курса Одесского мореходного училища и, вернувшись из учебного плавания в Америку, стал много рассказывать о США. Говорил, что не видел в Сиэтле изможденных рабочих, что безработные живут там лучше нас, получая пособие. За антисоветскую агитацию ему дали 10 лет лагерей.

Отличаясь большой скромностью, он не изображал из себя героя, рассказывая о трудных и опасных эпизодах из своей морской практики. Был очень трудолюбив, много занимался английским. Будучи че-

ловеком слова, никогда не нарушал своих обещаний и всегда старался прийти на помощь тем, кто в ней нуждался.

После заключения он не имел права жить в портовых городах, его не приняли обратно в одесскую «мореходку», не разрешили морское плавание, с трудом допустили в каботажный флот на Каспии. Только после реабилитации он смог выйти в море. Был капитаном рыболовных сейнеров на Дальнем Востоке, проводил суда из Николаевской судоверфи в дальневосточные порты через речную систему, Белое море и Северный морской путь. Водил пассажирский теплоход «Украина» на Черном море. Но в заграничное плавание его так и не пустили.

Встречался я на станции со сварщиком Евгением Лобановским, до войны сидевшим в киевской тюрьме за воровство. Когда к Киеву стали приближаться немецкие войска, охрана выпустила всех уголовников, в том числе и его, а «политических» заключенных расстреляли в тюремном дворе. Позже Лобановский опять попал в лагерь и оказался в Печоре.

Лагерное существование заключенных старались облегчить многие вольнонаемные, работавшие с нами. Техническое начальство на заводе состояло исключительно из отбывших свой срок заключенных. Таковыми были Новиков, временный начальник ЦЭС Александрович, начальник электрогруппы Арванитопуло, главные механики Михаил Алексеевич Соколов и сменивший его Стовбун, добрый и одаренный человек. Не имея образования, он владел многими техническими специальностями как практик, никогда не стеснялся своего незнания в чем-либо и в нужных случаях умел находить себе надежных советчиков. Не брезговал при необходимости подсобить рабочему не только советом, но и действием.

Машинист Станислав — Стефан Стефанович Яхович — приносил нам еду и делал по нашей просьбе покупки. Через него шла и наша со Светланой, моей будущей женой, переписка, ведь заключенным разрешалось только одно подцензурное письмо в месяц. Со Станиславом наша дружба сохранилась и после моего освобождения, он не раз бывал у нас в Москве.

За многое мы благодарны работавшему с нами дежурным электриком тогда уже пожилому Александру Васильевичу Александровскому и его жене Марии Петровне. В их доме останавливалась приезжавшая в Печору Светлана, и там же нам удалось

Колонна работников лесокомбината на демонстрации 1 мая 1974 г.

тайно встретиться. Их сын Игорь, известный в городе Печоре орнитолог, фотоохотник, часто бывал у нас в Москве.

Помогали нам механик станции Башун и начальник электрогруппы Борис Георгиевич Арванитопуло. Добрейшим человеком был Лев Яковлевич Израилевич, живший в Кожве, в землянке на берегу. Разносторонне образованный, владеющий многими специальностями, он выполнял отдельные договорные работы для лесокомбината и охотно выполнял наши просьбы, например, приносил с собой аппарат и фотографировал заключенных — вещь для лагеря неслыханная и строго запрещенная.

Светлана приезжала в течение моего срока три раза. Официальное свидание никто бы нам не позволил: Светлана тогда была всего лишь моей бывшей однокурсницей по физфаку. В первый раз, в 1948 году, мы выработали план нелегальной встречи. На территории промзоны находилось несколько домиков, где жили вольнонаемные — кладовщики, телефонисты и другие. Они провели к себе Светлану под видом родственницы, а я как электрик пришел туда в рабочее время.

Во второй приезд был намечен подобный план, с той разницей, что для нашей встречи я подготовил небольшой заброшенный чулан в

одной из вспомогательных построек электростанции. Но кто-то прознал об этом и сообщил охране — на вахте Светлану должны были неминуемо задержать. Но нашлись и те, кто нас об этом предупредил. Светлане пришлось идти официальным путем. На ее заявлении стояла резолюция: «Разрешить двадцать минут в присутствии вооруженной охраны». Сержант-охранник на вахте зоны прочел бумажку и сказал: «Идите домой. Я сейчас сменяюсь, а завтра с утра заступаю на суточное дежурство. Вот тогда и приходите». И на другой день он дал нам возможность видеться два раза по нескольку часов в караульной комнатушке вахты. А это могло для него обернуться немалыми неприятностями!

Этот случай был не единственным проявлением сочувствия со стороны охраны и надзорсостава. Запомнился своей добротой надзиратель Уткин. В тех условиях мы, конечно, не могли высказать явно чувства уважения и благодарности за его стремление облегчить наше положение, поэтому позже, в 60-е годы, я передал для него письмо через знакомых печорцев. В письме я выражал признательность от всех нас, бывших заключенных второй колонны. Ответа не было, и я подумал, не доставил ли неприятности Уткину своим письмом. Только десятки лет спустя я узнал от председателя совета Печорского отделения общества «Мемориал» Т.Г.Афанасьевой, что мое письмо дошло до адресата, что он плакал, читая его.

Для форсирования строительства железной дороги в лагере СПЖДС были введены зачеты. При выполнении и перевыполнении плана бригадами или при хорошем выполнении несдельной работы один рабочий день засчитывался за полтора, два или даже за три дня. Так как ЦЭС работала безаварийно и проводила ремонты оборудования большей частью своими силами, то мы получали зачеты, поэтому мой десятилетний срок сократился почти на год.

Но в качестве электрика проработать на ЦЭС до конца срока мне не пришлось. Неожиданно новым начальником электростанции назначили человека по фамилии Шерман, некомпетентного, беспринципного и подозрительного. Отношения между нами накалялись, и мне грозил перевод на общие работы или даже этап. Но тут помогли Стрелков и его лаборант, инженер-химик Конон Сидорович Ткаченко. Он вел контроль качества котловых вод электростанции, это очень ответственная должность: неправильная дозировка умягчителей воды в паровых котлах может привести к тяжелой аварии. У Ткаченко кончался срок заключения, и на его место требовался химик, а я в юно-

Клуб лесокомбината.

сти работал химиком-лаборантом. Конон Сидорович добросовестно подготовил меня к замещению его должности.

Быт в нашей второй колонне, очень тяжелый в 1946 году, с годами улучшался. Стало просторнее в бараках, построили несколько новых помещений, в секциях вместо двухъярусных нар-«вагонок» поставили койки. Появилась кинопередвижка, были организованы художественная самодеятельность — любительский оркестр и даже футбольная команда…»

Печорский проспект в 1950-е гг.

А. Нисковский

А город растет…

Предлагаемый вниманию читателей текст — фрагмент работы, занявшей призовое место на Всероссийском школьном конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век» в 2001 году. Работа выполнена Антоном Нисковским, учащимся СОШ № 83 г. Печоры.

Герой повествования — печорец Анатолий Константинович Неделько (род. 1927 г.)

ПО ОКОНЧАНИИ Великой Отечественной войны меня направили в трехгодичную дивизионную школу партийного актива, после чего я служил заместителем политгрупповода сержантского полка дивизиона Одесского военного округа. Как отличнику боевой подготовки, по приказу командира полка в начале 1950 года мне дали отпуск, и я поехал на родину. По возвращении на политзанятии на вопрос, как живут в деревне, ответил: «Хлопцы, живут — хуже некуда». Прошло десять дней, вызывают меня в особый отдел. Кто-то настучал, значит. Сфабриковали дело на 113 страницах, приписали «клевету на колхозный строй, использование трибуны политзанятий для антисоветской пропаганды, неверие в построение коммунизма». Старший лейтенант особого отдела Тимашевский продержал меня полтора месяца в одиночке. Спортсмен, штангист, я дошел до того, что не мог самостоятельно подняться на второй этаж. Допросы велись жестоко, я сломался и подписал признание в собственной вине. Суд военного трибунала приговорил к 10 годам заключения. Отобрали медаль «За победу над Германией». [8]

Самым страшным за годы лагеря был этап, когда везли в Печору. Июнь, жара. Вагоны закрыты, пить не дают, женщины, старики падают в обморок, конвойные бьют их по спине молотками, вытаскивая полумертвых из вагонов. Тяжело физически, и с моральной точки зрения глубоко противно смотреть, что солдаты вытворяют: ведь я сам был солдатом.

Привезли на Печорский пересыльный пункт. Перед нашим прибытием здесь случился бунт: вступили в противоборство «воры в законе» и «суки». По людям Москва не дала разрешения стрелять: усмиряли, поливая из пожарных шлангов.

С пересылки направили на колонну № 1 лесокомбината, человек 150-200 подвели к воротам, конвой приказал всем лечь, а под ногами лужи — и положили в грязь.

Я попал в бригаду плотников. В нашем цехе выпускали брус для восьмиквартирных и четырехквартирных домов, изготовляли дома бригадира, путеобходчика, мастера, надворные постройки: уборные, коровники, сараи. Лесокомбинат и железная дорога находились в ведомстве Печорлага, грузовые составы по железной дороге возили заключенные. Управление Печорстроя тоже комплектовалось из инженеров, отбывавших срок; мастера, прорабы-заключенные, только начальники отделов вольные. В железнодорожной части города было восемь лагерных колонн. Вся Печора в проволочном оцеплении.

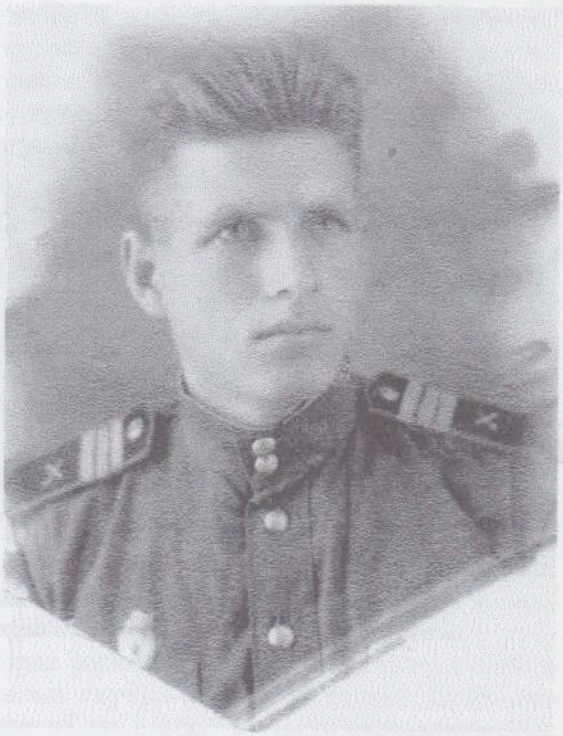
В те годы в лагерях было меньше произвола, охрана после войны формировалась из демобилизованных солдат, не самоохрана из уголовников, которая грабила, отбирая последний кусок хлеба. При мне порядки были другие: если бригада выполняла норму на 140%, хлеба давали по 1,1 кг. Кроме того, передовикам выдавали по 50 рублей в месяц в качестве поощрения, это неплохие деньги по тем временам. В ларьках мы покупали хлеб и даже маслице.

Рабочий день длился девять часов. Сверх того в любую погоду гоняли разгружать «вертушки» — двухосные платформы, груженные гравием для отсыпки железной дороги. Механизации никакой, дорогу между частями города построили вручную вольные и заключенные. Один тачку за ручки держит, двое за веревку тянут вверх.

Я участвовал в строительстве здания горкома партии, больничного комплекса для железнодорожников, корпусов центральных ремонтных мастерских, жилого поселка в районе Стадионной, первых двухэтажных домов по улице Советской.

В конце 1950 года был организован учебный комбинат для заключенных, где в дневное время, то есть с освобождением от работы, обучали рабочим профессиям: геодезии, топографии, железнодорожным специальностям. Учителя тоже из репрессированных, такие, как Евгений Митрофанович Корнилович, инженер-железнодорожник, человек очень культурный, образованный, пользовался любовью учеников. После освобождения вернулся в Москву.

А.К.Неделько — служащий 61-го Гвардейского Краснознаменного Харьковского артполка. 1948 г.



Остатки лагерных построек по улице Стадионной. Фото 1990г.

Продукция Печорского лесокомбината:
жилой восьмиквартирный и жилой двухквартирный дома.

Как-то ночью будят меня: вызывает к себе Иосиф Ильич Рубин,[9] начальник Печорского участка строительства. На столе у него копченое мясо и, что совсем удивительно, — виноград (я его лет десять не пробовал). Угощая, сразу приступил к делу: «Хватит тебе бригадирить, иди мастером, инженеры разъехались, работать некому» — «Но у меня семь классов образования» — «Ничего, ты парень толковый, я к тебе приставлю специалистов-немцев, им, как лицам немецкой национальности, запрещено занимать должность прораба».

Постепенно я осваивал новую работу. В 1954 году строил здание краеведческого музея, здание управления Печорстроя, фундаменты обоих зданий, спроектированных как общежития, делали заключенные, а достраивали уже вольные.

Начались освобождения, но они не коснулись лиц с политическими обвинениями. По инициативе брата мы послали письмо Маленкову. Долго не было ответа.

С конца 1954 года я стал зазонником в числе первых семи заключенных, выпущенных на жительство за зону. По этому случаю организовали торжественное мероприятие, с оркестром. Теперь надо было только отмечаться два раза в неделю на колонне. Начислили зарплату, хотя и без северных, но около 200 рублей. Почувствовав вольную жизнь, мы стали устраивать гулянки с выпивкой. И раз по такому случаю я «не отметился». Приходит надзиратель 8-й колонны: «Тебя в особую часть вызывают». Ну, думаю, несдобровать мне. Но, оказалось, пришли документы на освобождение.

Я остался в Печоре, женился. Мои родные живут в Запорожье: старший брат Михаил — участник Курской битвы, артиллерийский капитан, вернувшийся с войны контуженным; брат Владимир — хлебороб, награжденный орденом Красного Знамени и Большой медалью ВДНХ; младший Виктор — почетный тракторист. Двое моих братьев не вернулись с войны. Андрей пропал без вести, Николай воевал на Курской Дуге, погиб и похоронен в Орловской области, г.Бежица, как обозначено в похоронке, в могиле под № 4.

До пенсии я работал на строительстве города. Наша бригада сооружала кирпичные дома по Печорскому проспекту, мебельную фабрику, кинотеатр им. Горького, СШ № 83, мясокомбинат, хлебозавод, речное училище, Дом культуры речников, Дворец спорта, тубдиспансер и многое другое. Есть трудовые награды, медали, среди них «За трудовую доблесть».

Рисунок Б.Иванова «Обед привезли. На улице Советской города Печоры. 1949 г.»

В.Чиванов

Печора глазами приезжего. Год 1950

ЛЕТНИМ жарким днем наш поезд «Котлас — Воркута» после длительной остановки на ст. Кожва приближался к Печоре. Подходил к концу шестидневный путь. Впереди — молодой город, где предстояло жить и работать, как оказалось, долгие годы.

Вот за болотом на бугре показались строения лагерной зоны со сторожевыми вышками. Внизу у берега проходил железнодорожный путь, близ которого возвышались штабеля строительного леса, крепежа и шпал. Это была Кожвинская лесоперевалочная база с прилегающим поселком — подразделением Воркутлага. Промелькнули фермы моста через великую северную реку, остались позади песчаные отмели, вдали, за кромкой леса, сияли снегами вершины седого Урала. Проехали окультуренные луга с несколькими бараками посередине — центральную усадьбу сельхоза Печорлага, предшественника совхоза «Печора».

Город появился неожиданно за поворотом. Четко просматривались прямые улицы одноэтажных деревянных домов недавней постройки. Вдали возвышалось большое светлое здание Дома культуры. Проехали квартал двухэтажных деревянных домов с декоративными балконами, крышами из щепы, потом — ветхие домишки и бараки времен первых поселенцев — и поезд остановился перед сияющим свежей краской зданием вокзала. На небольшой Привокзальной улице — шесть двухэтажных жилых домов и здание кондукторского резерва. Возле путей одноэтажное деревянное здание старого вокзала. В город вела разбитая, пыльная дорога, проложенная вдоль железнодорожного полотна до улицы Ленина. По бокам деревянные тротуары.

Слева, где сейчас производственная база дистанции гражданских сооружений, размещался старый поселок ЦРМ — центральные ремонтные мастерские Печорстроя и прилегающие к нему жилые дома. Вдоль забора с колючей проволокой стояли сторожевые вышки.

Всего год назад два поселка Печора и Канин были преобразованы в город. Позже бывший поселок Печора будет именоваться железнодорожной частью города. А тогда он был много больше Канина по территории. Центр железнодорожной Печоры состоял из улиц Советской, Ленина, Железнодорожной, Московской, Октябрьской, Пионерской, Печорского проспекта. В дальнейшем Печорский проспект железнодорожной части города будет переименован в улицу Н.Островского.

Застройку центральной части составляли типовые двухквартирные, четырехквартирные деревянные дома производства Печорского лесокомбината. Несколько кварталов восьмиквартирных деревянных и шлакоблочных домов, сохранившихся до наших дней. На восток от центра располагались улицы Театральная (Стадионная), Заводская, Загородная. Эти улицы были застроены деревянными каркасно-засыпными одноэтажными домами и бараками. На Заводской улице размещалась лагерная зона, откуда заключенных выводили на стройки города.

На юго-востоке от центра раскинулся лесокомбинат с жилым поселком из временных бараков, с небольшим клубом, магазином, столовой, баней. Территория лесокомбината примыкала к реке, откуда выкатывали сплавной лес. Рядом с лесокомбинатом находилась еще одна жилая лагерная зона, из нее выводили людей для работы в цехах лесокомбината и на выкатку леса.

От станции Печора до лесокомбината через жилой массив проходила железнодорожная ветка. Вдоль ветки ближе к станции размещались склад топлива для населения, пекарня и маленькая деревянная баня. К ветке примыкал тупик, который заканчивался в рабочей лагерной зоне, находившейся за высоким забором со сторожевыми вышками и прожекторами и охватывающей территорию от нынешней площади Горького до пересечения с улицей Пионерской и по улице Строительной.

Советская улица была застроена от улицы Московской до улицы Ленина. На месте площади у кинотеатра им. Горького — пустырь. Лишь в 1953 году эта улица будет отсыпана до примыкания к улице Привокзальной, а тогда там находилось болото, на которое во время перелета садились дикие утки.

Гордостью печорцев был Дом культуры железнодорожников, где демонстрировались кинофильмы, выступали с гастролями концертные бригады, приезжал воркутинский театр. Здание ДКЖ по-

строено руками заключенных, при его сооружении сваи забивались вручную.

Любимое место досуга горожан, стадион «Локомотив», располагался на отвоеванной у болота территории. Футбольное поле без какого-либо ухода сохранилось до нашего времени. Лишь равнодушием печорских руководителей предприятий МПС и местных властей можно объяснить разрушение стадиона.

Большой популярностью у жителей и гостей города пользовалась столовая №1 торготдела Печорстроя — ресторан «Спутник», *(открыт в 1947 году — **ред.**)* Стены и потолок помещения были украшены лепным орнаментом, богатые люстры, паркетный пол, на стенах — натюрморты. Здесь проводились вечера отдыха коллективов, чествования юбиляров, свадьбы. Кухня ресторана не уступала столичной: повара были высокой квалификации, из бывших работников первоклассных ресторанов. Один из них — китаец, которого здесь звали Мишей. Много китайцев и корейцев находилось тогда в Печоре на спецпоселении.

У ДКЖ не было ни сквера, ни памятника В.И.Ленину, а только площадь, где проводились митинги трудящихся в дни революционных праздников.

Улица Ленина была застроена от улицы Железнодорожной до улицы Советской несколькими жилыми домами, здесь стоял особняк начальника Печорстроя, деревянная школа, детские ясли. Через год эта улица дойдет до Строительной и только в начале 80-х годов устремится к Печорской ГРЭС.

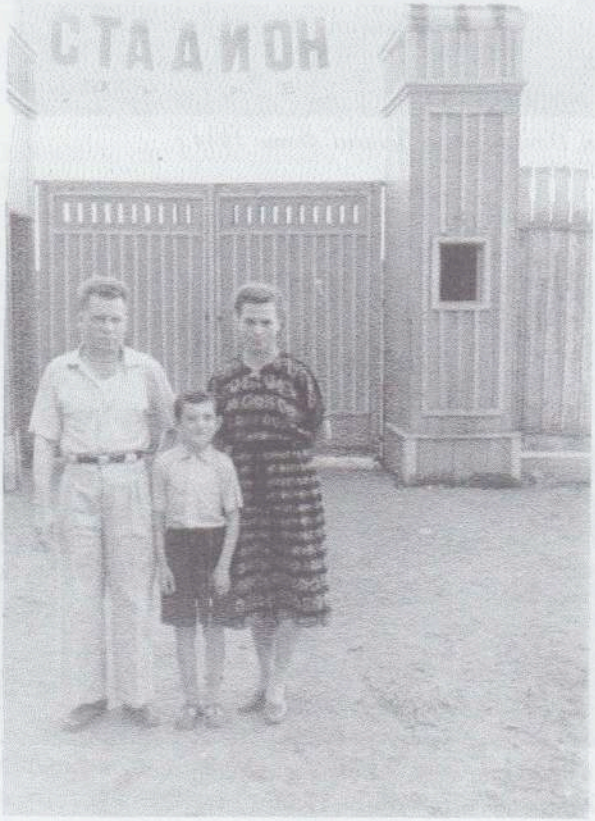
Красивое здание бани по улице Железнодорожной будет построено заключенными в 1952 году, а тогда на противоположной стороне этой улицы стояли бараки со стенами, подпертыми бревнами, в одном их них располагалась железнодорожная поликлиника. Напротив второй водонапорной башни раскинулся небольшой открытый рынок, по воскресеньям здесь действовала «барахолка», и собиралось много народа.

Октябрьская улица сохранила свой облик до наших дней. За сорок лет здесь построено лишь одно кирпичное здание, где в середине 50-х годов начал работать первый в городе книжный магазин, который в начале 70-х переехал в новый дом и стал именоваться «Знание». На Октябрьской улице в скромных, но уютных деревянных домах, построенных еще в конце 40-х годов, более сорока лет размещались детские ясли №26 и детский сад №95 северной железной дороги. Они воспитали несколько поколений печорцев.

Школа в п. Печора на ул.Ленина. Фото 1944 г.

Праздничная демонстрация, колонна проходит мимо Управления Печорлага. 1952 г.

Старый поселок во время разлива Мазиловки. Весна 1948 г.



У входа на стадион «Локомотив». 1956 г.

На улице Московской в двухэтажном кирпичном здании, предназначенном по проекту для школы, разместилось управление Печорстроя Главного управления лагерей железнодорожного строительства МВД СССР. При нем был политотдел и множество отделов по отраслям строительства. Оно занимало еще шесть двухэтажных шлакоблочных домов, расположенных поблизости. В связи с закрытием лагерей в 1957 году управление Печорстроя из системы МВД будет переведено в новое министерство транспортного строительства и освободит помещение школы для законных владельцев, перейдя в новое здание по улице Советской. В других освободившихся зданиях разместятся народный суд с прокуратурой, первые в Печоре Дом пионеров и детская музыкальная школа.

Детский парк был недавно разбит, засажен молодыми деревцами и огорожен декоративной деревянной оградой. В парке не было тогда ни качелей, ни каруселей.

Улица Н.Островского называлась Печорским проспектом. Предполагалось, что Печорский проспект соединит обе части города, но получилось наоборот: с 1989 года часть Печорского проспекта стала продолжением улицы Н.Островского.

Там, где позже поднялись корпуса отделенческой больницы №8, была возвышенность, поросшая лесом. Из железнодорожной части в Канин вела грунтовая дорога с рытвинами и ухабами *(построена летом 1948 года силами предприятий и организаций города в ходе массовых субботников. — **ред.**)* Сейчас это трудно представить, но тогда в Печоре отсутствовал пассажирский автотранспорт. Многочисленные группы горожан и одиночные пешеходы шествовали по дороге из железнодорожной Печоры в речной Канин. Особенно большой людской поток был по воскресеньям, когда жители имели время проявить интерес к ассортименту товаров в магазинах соседей. Лишь в 1951 году начал курсировать грузовик, оборудованный для перевозки людей — грузотакси. На следующий год появился маленький автобус, курсировавший с большим интервалом. Потом количество автобусов возрастет, но проблема перевозки людей будет решена только после создания Печорского автотранспортного предприятия в 1955 году.

В те годы в Печоре не было авиатранспорта. В районе деревни Кожва на левом берегу Печоры располагалась небольшая взлетно-посадочная площадка для легких самолетов.[10]

Строительная улица только начиналась. Рядом находилось печорское верховое болото, являвшееся истоком двух ручьев. Болото осушили во время строительства микрорайона энергетиков.

Между стадионом «Локомотив» и началом улиц Загородная, Заводская и Стадионная было болото и протекал ручей, по которому проложены деревянные мостки. Мимо забора стадиона проходила железнодорожная ветка на лесокомбинат. На месте, где сейчас детский сад «Теремок», стоял большой барак, где размещалась стройконтора — подразделение Печорстроя, которое вело все виды строительных работ в железнодорожной Печоре и на некоторых участках трассы железной дороги. Основную рабочую силу поставляли печорские лагерные зоны. В случае необходимости нужные специалисты находились в других лагерях или на печорской «пересылке». Масса работников была из категории бесконвойных заключенных.

Стройконтора — предшественница СУ-301 Печорстроя, которое потом преобразовано в СМП-562. На счету Стройконторы постройки до 1955 года. А их очень много. Трудовой подвиг рабочего люда и специалистов не должен быть забыт.

Особый район Печоры

На северо-запад от центральной части Печоры, за железной дорогой, находился обширный район старого поселка, называемого в народе Шанхаем. Этот район осваивался первыми поселенцами Печоры. Здесь нет прямых улиц и капитальных жилых домов. Улицами назывались обыкновенные грунтовые дороги с непролазной грязью в теплое время года, со стоящими по бокам бараками разной величины, домиками из подручных материалов и даже землянками и полуземлянками. Рядом возделывались огороды, где выращивали картофель. Времянки оказались живучими, и многие из них сохранились до наших дней. Переезжали в капитальные дома жильцы, но на их место вселялись те, у кого жилья не было вовсе. До наших дней сохранились в старом поселке улицы Деповская, Путейская, Товарная, Береговая, Дорожная, Лиственный, Мирный и Базовский переулки.

В 1952-1953 годах за речкой Мазиловкой появились Больничная и Дачная улицы, застроенные индивидуальными домами. Многие новоселы получили ссуду на строительство домов. В эти же годы был

Ледяные скульптуры перед детским корпусом Печорской клинической больницы. 1952 г.

Аэродром в д.Кожва. Соревнования на оленьих упряжках. 1959 г.

В детском саду железнодорожной части г.Печора. 1952 г.

На праздничной демонстрации в железнодорожной части города. 1959 г.

построен поселок ЦРМ с домами барачного типа. Потом этот поселок будет именоваться Воркутинской улицей. Западнее речки Мазиловки располагалась знаменитая печорская пересылка. Отсюда получали пополнение колонны строителей железной дороги и других строек.

Рядом с пересылкой находился лагерный лазарет, а чуть дальше — корпуса НИБа — научно-исследовательской базы санитарного отдела Печоржелдорлага, где группа высококвалифицированных врачей не только лечила, но и вела научные работы по изучению влияния местного климата на выживаемость людей. До постройки отделенческой больницы здесь в бараках НИБа размещались все лечебные отделения. Поблизости от больничного городка возникло кладбище, которое потом стало городским.

Недалеко от паровозного депо на территории нынешнего завода железобетонных изделий (ЗЖБИ) находился полигон, где из угольного шлака изготавливались шлакоблоки для строительства жилых домов. Из этих блоков в железнодорожной Печоре построено пятьдесят восьмиквартирных и шесть двенадцатиквартирных домов.

Через много лет на месте старого поселка поднимутся корпуса ЗЖБИ, автобаза Печорстроя. На Деповской улице — кирпичное здание научно-исследовательской межрайонной ветбаклаборатории. На базе ЦРМ — Управление механизации Печорстроя с производственными участками во многих городах Коми АССР. Рядом — мастерские Водрем-77 и СМП-562 Печорстроя. Таким образом, в 80-е годы старый поселок превратился в промышленную и транспортную зону. Но бараки еще остались...

Население города. Быт печорцев

Центр железнодорожной Печоры тогда заселяли руководящие работники МВД, специалисты-строители, железнодорожники, прибывшие для постоянной работы, или освобожденные из лагерей. Временное жилье в старом поселке и на других окраинных улицах было заселено семьями, отбывавшими ссылку после окончания срока заключения; семьями спецпереселенцев, высланных во время войны из освобожденных районов до выяснения возможного сотрудничества с немцами; работниками охраны, прибывшими из разоренных войной районов; демобилизованными из Советской Армии; приехав-

шими к родным и знакомым «на заработки». В 1950 году население Печоры резко возросло за счет железнодорожников, присланных для укомплектования штата железной дороги Кожва-Воркута. Перед направляемыми сюда специалистами, как и передо мной, стояла дилемма: или «добровольно» согласиться ехать на север, или это сделают в принудительном порядке.

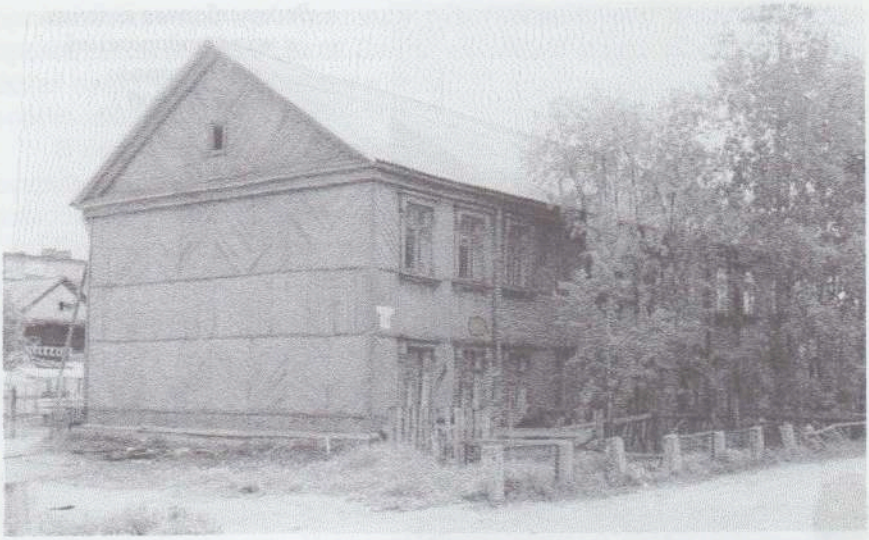
Прибытие в Печору большого отряда железнодорожников создало острую жилищную проблему. Как правило, семья получала одну комнату в двух-трехкомнатной квартире. Общежития были перенаселены. Школы тоже переполнены, поэтому Печорстрой менее чем за год (*в 1951 году. — **ред.***) построил школу № 87 по улице Школьной.

Большой заботой жителей было отопление. Дров не хватало, топили в основном каменным углем. Многие новые дома, особенно двухквартирные, в смысле сохранения тепла оказались явно не по климату, и процесс топки печей продолжался почти круглосуточно. Канализация в городе отсутствовала, теплые туалеты с выгребными ямами были редкостью. Воду брали из водоразборных колонок, установленных внутри отапливаемых декоративных домиков-теремков, чтобы система не замерзала в сильные морозы. Но такие колонки были лишь в центральной части Печоры. В старом поселке и на окраинах воду брали из колодцев. Начальствующему составу вода доставлялась на конной водовозке.

Ассортимент продуктов в магазине не отличался многообразием, но было то, что с середины 60-х годов стало дефицитом. На полках всегда лежали консервы: муксун в масле или томатном соусе, крабы, сырок в масле, пыжьян в томате. Почти всегда была в продаже свежая нельма и оленина, в сезон продавалась семга. Хуже обстояло дело с яйцами и молоком, совсем плохо с овощами. Недостаточно выпекалось белого хлеба.

В городе широко использовался гужевой транспорт. Управление строительства имело большую конюшенную, именуемую конбазой. Лошадей для хозяйственных нужд приобретали и другие предприятия и организации. На улице города изредка встречались велосипедисты и мотоциклисты, но владельцы личных автомобилей еще не появились.

Отсутствовало уличное освещение. Наружные лампы светили только у столовой, ДКЖ, у подъездов административных зданий. Хорошо освещались прожекторами зоны. Электроэнергетика не обеспечивала потребности города. Керосиновая лампа или свеча были обычным явлением. Только в железнодорожной Печоре дей-



Дом №51 по улице Советской в п.Печора, где жила на поселении после освобождения из лагеря в 1947 году Светлана Тухачевская, дочь маршала М.Н.Тухачевского.

Здание тюрьмы НКВД по ул.Стадионной с мемориальной таблицей. Фото 2001 г.

Водоразборная колонка в железнодорожной части города. Фото 2000 г.

ствовало несколько электростанций со своими электрическими сетями. Самая мощная из них, в 1750 кВт, — железнодорожная. Это была капитальная тепловая электростанция со стационарными котлами, турбинами и генераторами. Топливом служил каменный уголь. Из-за недостатка электроэнергии пользоваться электронагревательными приборами запрещалось. Печорский лесокомбинат и центральные ремонтные мастерские Печорстроя имели свои дизельные электростанции небольшой мощности. От них снабжалась электричеством и часть жилого сектора. Еще хуже было со снабжением электричеством в поселке Канин. В речном порту работала локомобильная электростанция небольшой мощности.

Бытовые неудобства и сложности в работе не влияли на трудовой энтузиазм и общую атмосферу оптимизма. Ведь всего пять лет назад победно закончилась война. Надежда на лучшее будущее помогала преодолевать трудности. Высокая трудовая и общественная активность большинства работников всех сфер производства была присуща тому времени. Люди много общались между собой, в коллективах

организовывались культпоходы в кино, на концерты или спектакли, проводились вечера отдыха. Зимой на стадионе заливался каток, работал пункт проката коньков и лыж, летом проводились спортивные соревнования.

В летние жаркие дни любимым местом отдыха горожан являлся остров на Печоре, в народе называемый дамбой. Остров был очень живописен: густые заросли черемухи и смородины покрывали его.

Состоятельные печорцы приобретали радиоприемники с проигрывателями, так называемые радиолы, собирали грамзаписи: эстраду, романсы, оперетту, танцевальную музыку. Танцевали вальс, танго, фокстрот, краковяк, польку, цыганочку. Пели песни военных лет, русские и украинские народные, эстрадные песни. Делала успехи художественная самодеятельность ДКЖ.

Но общеобразовательный уровень рабочих был низок: сказывались последствия войны. Поэтому в школе рабочей молодежи (ШРМ) недостатка в учащихся не было. Учились не только молодые, но и люди среднего возраста. Некоторые выпускники ШРМ потом продолжили учебу в техникумах и институтах. Но не все жители проводили свое свободное время с пользой для себя и окружающих. В быт печорцев постепенно входило пьянство, против которого тогда совсем не велось пропаганды. Никаких ограничений в продаже спиртного не было. В столовых и буфетах можно было купить на разлив от спирта и водки до ликера «дюпель-кюмель». Ни одна вечеринка или праздник не обходились без обильных возлияний. С пьянством на производстве, особенно на железнодорожном транспорте, велась борьба, но она сводилась только к наказанию за неумеренную дозу выпитого. Пьянство приводило к травмам и преступности. Алкоголизм у женщин был тогда еще редкостью.

Железнодорожный транспорт

Паровозное депо ст.Печора размещалось в ветхом деревянном здании. Паровозный парк состоял в основном из машин серии ОВ и Щ без механической подачи угля в топку. На каждом паровозе бригада состояла из трех человек: машиниста, помощника машиниста и кочегара. Поезда, особенно грузовые, продвигались по участку медленно. Много времени в пути занимали остановки для набора воды и

чистки топки. Условия работы в бригаде были тяжелые. Кабина паровоза не утеплена. Спереди — жаркий котел, а сзади и снизу — стужа. Особенно сложно было водить поезда в сильные морозы, когда смазка в буксах во время стоянок застывала, резко возрастало сопротивление движению. Иногда приходилось отцеплять часть состава на промежуточных станциях.

В 1952 году было построено новое здание депо. Стали эксплуатироваться более мощные паровозы серии Л с механической подачей угля в топку.

Строительство железной дороги Кожва-Воркута считалось завершенным, но земляные работы на трассе продолжались. На некоторых перегонах нужно было ликвидировать временные обходы участков пути со сложным профилем и большим объемом земляных работ. Кроме того, предстояло заменить все временные деревянные мосты через речки и ручьи, продолжались работы по укреплению откосов выемок и устройству водоотводов. Поэтому на трассе сохранялось множество колонн заключенных. Для обеспечения безопасности движения путевые обходчики ежедневно обходили и простукивали свои участки. Эффективная дефектоскопия отсутствовала.

Для проживания путейцев и работников линейных станций были построены типовые брусчатые дома на две-четыре квартиры. Такие дома производил Печорский лесокомбинат. Работа путейцев была самой трудной из всех железнодорожных профессий, механизации почти никакой. Путевые работы выполнялись в любую погоду, летом свирепствовал гнус, а зимой лютые морозы и метели. В любое время суток, в любой мороз приходилось производить смену рельсов, другие срочные работы. Много труда вкладывали в снегоборьбу. Только благодаря самоотверженной работе путейцев движение поездов не прерывалось. На станциях, где производился набор воды и чистка топлива, шла уборка и вывозка шлака, эту тяжелую и вредную работу выполняли, в основном, женщины. Быт путейцев был мрачен и безрадостен, в их домах отсутствовало электричество и радио. Даже вода была привозная: для снабжения линейных работников курсировала «водянка». Хлеб тоже развозился поездом, а за продуктами питания ходили на ближайшую станцию, где имелся магазин железнодорожного ОРСа. Лишь спустя десятилетие вдоль железной дороги будет проложена ЛЭП, и на всех линейных пунктах появится электричество.

1989 г.

Ф. Прокшин

С чего начинается театр?

*Воспоминания **Филиппа Герасимовича Прокшина,** 1925 г.р., участника Великой Отечественной войны. Актера, режиссера самодеятельного театра. Запись О.Литвинцевой, г.Печора, 2004 г.*

В **1947** году я жил и работал на своей родине в селе Усть-Цильма. В один из дней вызвал меня начальник паспортного стола и вручил паспорт взамен удостоверения, по которому я не имел права выезжать за пределы района и должен был ежемесячно отмечаться в отделении милиции как побывавший в немецком плену. Я так радовался, что даже малознакомым людям рассказывал об этом событии. Но ликование было преждевременным. Назревали послевоенные репрессии. И хотя я только что получил благодарности за трудовые успехи от Министерства Коми АССР и от райкома — начались гонения, и в августе 1948 года я лишился работы. Многие знакомые отвернулись от меня. Стало ясно, что надо спасаться от ареста. Мой друг плавал штурманом на пароходе «Сталинец», и я уехал с ним в п.Канин.

В Канине пошел к друзьям Федору Носову и Павлу Носову, работавшим в Печорском пароходстве. Они помогли мне устроиться фининспектором в сельхозбанк. Вскоре я стал участником художественной самодеятельности Клуба речников вместе со своими друзьями: Мишей Завьяловым, Модестом Пантелеевым, Федором Носовым, Федором Поповым. Художественным руководителем был Валерьян Александрович Тимофеев, из бывших заключенных. Художник, музыкант, человек высокой культуры.

В 1948 году готовились к юбилею Ленинского комсомола. Закапризничал герой в спектакле «Молодая гвардия», и я согласился заменить его в роли Олега Кошевого. Пьеса была для меня не нова, я играл ее в самодеятельном театре в Усть-Цильме, поэтому быстро вошел в роль. Спектакль имел большой успех, даже директор вечерней

школы называл меня не иначе, как Олежкой. Мы получили денежную премию, о нас писали в местной газете. К нам стали наезжать из Министерства культуры Коми АССР и РСФСР. Разъездной режиссер — инструктор Министерства РФ Поляков — назвал нас «зубрами».

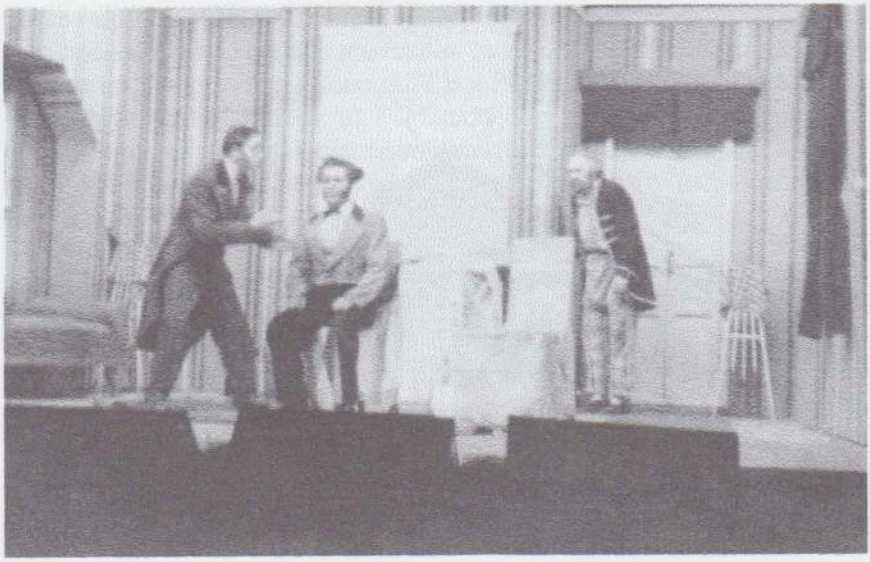
Я был активным общественником, регулярно вел политинформации, выполнял обязанности диктора городского радиовещания. Стали звать в комсомол, невзирая на мои «анкетные данные». В драме «Юность отцов» Бориса Горбатова мне поручили одну из главных ролей — Степана Рябинина. Спектакль занял первое место на республиканском смотре художественной самодеятельности в Сыктывкаре. Не знали мы, что автор пьесы Б.Горбатов был репрессирован как ЧС (член семьи) из-за жены, известной актрисы Т.Окуневской, много лет проведшей в лагерях. Уместно сказать, что в 1967 году Окуневская приезжала с гастролями в Печору.

В 1949 году я ездил в командировку в п. Абезь, где свертывалась работа госбанка в связи с реорганизацией лагерной структуры, выездом за пределы республики управления 501-й стройки. Первое впечатление от Абези — это дети лагерного начальства, сытые, самоуверенные, надменные, одетые в кожаные английские и американские куртки и пальто. Пошел на спектакль в Дом культуры — огромную землянку-барак. Снаружи убого, но зашел в фойе и потрясенный остановился от сияния золотистого, бело-голубого цветов: вращающиеся фотовитрины, ковровые дорожки, сиденья из дорогого дерева, обитые бархатом, отделанные бронзой. Начался спектакль по А.Софронову «Московский характер». Хотя я участник самодеятельности в Усть-Цильме, где давали о себе знать традиции театра политссыльных, и в Печоре высококлассный народный театр — но это был настоящий академический! На сцене профессиональные актеры из ведущих театров Одессы, Харькова, Ростова, Москвы, Ленинграда, Киева. После спектакля их вывели на улицу: стоят в бушлатах, зябнут на ветру в ожидании конвойных. Под автоматами выстраивают, покрикивая, обращаются, как с обычными зэками. И такая тоска от увиденного, что впечатление от спектакля увяло.

На обратном пути в Инте сел большой духовой оркестр, около сорока человек. Ехали в Печору на открытие Дома культуры управления Печорстроя. Такое количество невольников, какое было на строительстве Дома культуры, я видел только в германском плену. Как муравьи. Торопились сдать здание на майские праздники 1949 года.[11]

Клуб речников на улице Ленинградской

Уборка строительного мусора возле здания Дома культуры железнодорожников. 1949 г.



Художественная самодеятельность на сцене клуба лесокомбината. 1951 г.

Открывали 10 мая празднично и шумно. Мы участвовали в этих мероприятиях с концертной бригадой. В зале сидели люди в погонах, печорстроевская избранная публика, очень чопорная. Они привыкли к игре профессиональных актеров, поэтому к нам отнеслись пренебрежительно. Через неделю нас, самодеятельных артистов Клуба речников, снова пригласили в Дом культуры Печорстроя. В составе нашей труппы выступали ведущая Алиса Павловна Расторгуева (Носова), солистка Таисия Перевалова. Приняли настороженно, но когда запела Перевалова, лед растаял, зал начал аплодировать. В труппе ДК Печорстроя были заняты Владимир Судзан, Нина Судзан, Евгений Васильевич Попов — музыкальный руководитель, который мог заставить звучать рояль как целый симфонический оркестр. Певица Нина Судзан (Осташева), из Усть-Цильмы, позже перешла в районный Дом культуры, потом в Республиканский драматический театр им. Савина.

Начались годы очередного наката репрессий, и в 1951 году нашего художественного руководителя Тимофеева отстранили от постановок. Он остался работать художником-оформителем, но всегда просматривал наши спектакли, бывал на репетициях. Мне запретили выступать по местному радио. С работы не выгоняли, но отношение ко мне изменилось. С молодой женой я вынужден был уехать из Печоры.

Только через долгие десять лет я снова вернулся в этот город…

Е. Поплевина

«Как же мы без Сталина?»

*Воспоминания **Евгении Ивановны Поплевиной,** учительницы истории средней школы № 65 г.Печоры. Запись Т.Афанасьевой, 2003 г.*

Я РАНО осталась сиротой, и после детдома меня забрала в Печору тетя, которая оказалась здесь с мужем, получившим лагерный срок.

Путь на север от Котласа до Печоры поразил бесконечно тянущейся колючей проволокой и вышками. До этого я мало задумывалась о том, что в стране шли нескончаемые аресты, хотя учебники истории пестрели заштрихованными портретами деятелей партии и правительства с кратким пояснением: «разоблачен как враг народа». И только после 1953 года я узнала, что дяде, по профессии телеграфисту, тоже было предъявлено нелепое обвинение в замысле взорвать мост через р.Кемь, в «передаче заведомо ложных сообщений о движении поездов с целью вызвать крушение». Допрашивали с применением пыток, он не выдержал, подписал «признание». Был в Ухтпечлаге, потом строил железную дорогу. После освобождения работал телеграфистом в Печоре.

Родственники занимали комнату размером в одиннадцать квадратных метров в четырехквартирном деревянном доме по улице Московской с общей кухней на три семьи. С квартирами в молодом городе было очень трудно.

Что представляла собой Печора в 1949 году? Отличительной особенностью новорожденного города был его лагерный облик. Рабочие зоны за колючей проволокой, лай собак, колонны заключенных, ведомых под конвоем на работу и с работы — вот обыденные картины печорской жизни. Зоны занимали центральные части нынешнего города, в том числе место, где позже располагались горком партии и горисполком.

Улица Лесокомбинатовская, СШ № 87

Основной вид транспорта в городе — гужевой. Лагерное начальство ездило на лошадях, поэтому многочисленные конюшни и конбаза содержались в чистоте. Я убедилась в этом, посетив конбазу с одноклассником Валерой Поповым, чей отец работал там ветеринаром. Сооружения здесь были рубленые, капитальные и более добротные, чем бараки и землянки, где жило большинство населения города. Лошади в послевоенное время в большинстве были трофейные, немецкие битюги.

В восьмой класс я пошла в школу № 21 (позже школа № 83). Учились в две смены и, пробегая вечером мимо здания управления Печорлага, мы видели светящиеся допоздна окна кабинетов. Управленцы находились здесь до 10-11 часов вечера. Такой режим работы был принят во всех руководящих подразделениях сверху донизу, так как диктовался режимом дня самого Сталина. Многочисленный штат чиновников не был перегружен заботами, от нечего делать вечерние часы посвящались шахматной игре, но с работы не уходили: а вдруг будет звонок «сверху».

Директор школы А.Ф. Новинский[12] основным принципом воспитания считал палочную дисциплину и, будучи по характеру человеком жестким, держал в страхе всю школу. У него всюду были «стукачи». При его появлении в школьных коридорах воцарялась тишина, учащиеся и учителя жались к стенкам. В школе было заорганизовано все, вплоть до перемен, во время которых дети под руководством взрослых обязаны были играть в игру «Ручеек», водить хороводы.

Десятый класс я заканчивала в 1953 году в школе №30 (позже школа № 87). Наш класс состоял в основном из девятнадцати — двадцатилетних переростков, живших в годы войны на оккупированной территории, а после войны попавших сюда вместе с высланными родителями. Директором школы здесь был учитель истории Алексей Адрианович Морозов, который привил нам любовь к своему предмету и во многом определил выбор моей будущей профессии. Коллектив учителей был очень сильным в профессиональном отношении и в основном состоял из жен репрессированных (ЧС — член семьи), находившихся на поселении. Педагоги отличались высокой образованностью, уважительным отношением к ученикам.

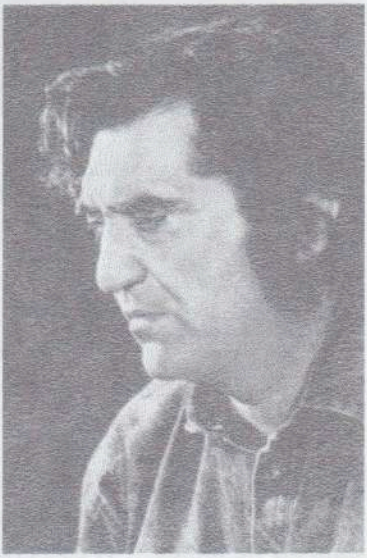
Я дружила с одноклассницей Сарой Котлер, девочкой из интеллигентной еврейской семьи. Отца ее расстреляли в 1937 году, мать в состоянии депрессии бросилась под поезд, лишилась ноги. Но это не стало препятствием к ее аресту как члена семьи врага народа, забрали и сестру матери. После лагеря, уже на поселении, мать взяла к себе Сару, с ними же жила сестра матери и совсем чужой дед, с которым они подружились в лагере: этот одинокий старый человек стал членом их семьи, он нуждался в их помощи и уходе. Сара была умной, развитой девочкой, она лучше сверстников понимала обстановку в стране, видимо, потому, что в ее семье было принято о многом говорить откровенно. В 1952 году, когда начались гонения на евреев под лозунгом борьбы с космополитизмом и фабриковалось «дело врачей», Сара сказала мне: «Ты, наверное, теперь не будешь со мной дружить». Я с негодованием отвергла это предположение, не очень вникая в смысл происходящего. И только спустя годы поняла серьезность ситуации, которая разрешилась ничем лишь потому, что вскоре последовала смерть Сталина.

Дни смерти Сталина я помню хорошо, сообщила эту новость соседка-спецпоселенка, обливаясь слезами: «Как же мы теперь жить будем?» В школе объявили дни траура, многие плакали …

Т. Афанасьева

Роман о Печоре

В НАЧАЛЕ 50-х годов молодой педагог Юрий Петрович Азаров попал на север, добровольно отправившись учительствовать в отдаленные края, куда в 30-е годы был сослан его отец.



Ю.П. Азаров (род. 1931 г.)

Спустя годы Ю.П.Азаров стал крупным ученым, доктором педагогических наук, заведующим кафедрой в Московском университете, членом Правления Всесоюзного детского фонда им. В.И.Ленина. Его книги о воспитании, изданные на многих языках мира, принесли ему известность педагога-новатора. В 80-е годы о нем заговорили как о большом писателе. Вышло в свет несколько художественных произведений, в том числе роман «Печора» в 1987 году.

Ю.Азаров одарен и талантом художника-живописца, его выставки прошли с успехом в Польше, США. Большой интерес вызвали работы, посвященные событиям романа «Печора», северные пейзажи, портреты ссыльных, начальника Печорлага и его дочери.

По мнению критика В.Меньшикова, «Печора» — самый пронзительный и самый актуальный роман писателя. Остро звучит в нем главный вопрос: как освободиться от тягостного наследия прошлого?» Литературовед А.Кондратович говорил: «Из всех произведений, посвященных проблемам репрессий, я бы в первую очередь после «Одного дня Ивана Денисовича» напечатал бы «Печору» Азарова».

Ю.П.Азаров с учащимися школы № 21 г. Печоры. 1955 г.
Фото из личного архива Л.Я.Есиповой, на снимке — в 1 ряду 2-я справа.

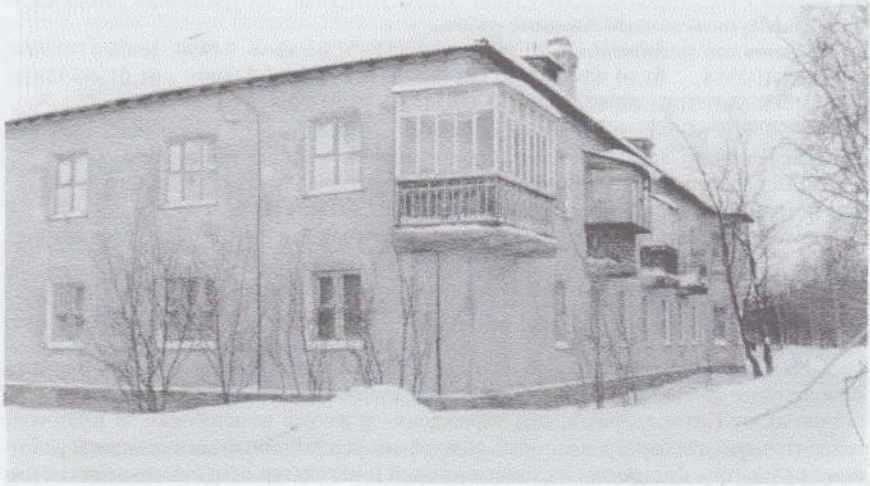
Начинается роман гимном красоте северной природы: «Тогда, приехав в Печору, я обомлел от дивной красоты. Сроду такой густой синевы не видел… И сама река Печора, как и всякая глубина, с виду только спокойна — не вольная Волга, и не мутно-испаренный Дон, и не чудный, нежащийся в песочных отмелях Днепр, а грозное половодье, сознающее свою силу, вобрала в себя несметные богатства из самого сердца земли, и пасмурность неба вобрала, и все краски туманной бесконечности вобрала, и берега на километры очертила: не сметь подступаться! …и покой стремительно-вечный»

А вслед за этим «…тепло людское бросилось в глаза, и ухоженность, и городская необычность бросилась в глаза, потому что здесь и настоящий автобус ходил рейсовый, и вокзал был с кассами, и поезда стояли бог знает сколько: не надо было суетиться, цепляться за подножку коленом и второпях забрасывать вещи в тамбур…»

Но шаг за шагом открывается перед героем сложный мир человеческих взаимоотношений, где властвуют отнюдь не законы любви и гармонии, к которым стремится герой. Он осознает, что

оказался в центре, в своего рода «северной столице» того края, который Солженицын назвал архипелагом ГУЛАГ: «Печора — нестандартный город. Здесь вся власть… все организации замыкаются на Москве — и управление лагерей, и многие другие управления. И начальник лагеря по рангу выше даже секретаря обкома, а его слово здесь в Печоре — закон». «Мир разделен на две части — на лагерь и нелагерь». С одной стороны всесильное лагерное начальство, охранники, с другой — люди совсем иного склада. «Не в маренго и кожанки упакованные, а совсем прибедненные, однако с особым достоинством в лицах, точно застыло на них сознание еще неведомых мне преимуществ…Мужчины с лицами усталыми, кто в пенсне, а кто в роговых очках, шаг осмотрительный, но твердый. Этих я больше в библиотеках примечал да в книжных магазинах, и дух от них шел совсем другой: покойный, с предосторожностью, точно ждут они лая собачьего, и эта настороженность светилась добрым страхом… выдававшим свою беззащитность».

Молодой человек никому не рассказывает о судьбе своего отца, ведь в отношениях между людьми действует закон: «от родственников, которые чем-то запятнаны, надо отказываться. Решительно. Навсегда… Не видел. Не знаю. Не помню». В окружающей атмосфере господствуют страх, ложь, гордыня, ненависть.



Дом № 2 (бывший №53) по улице Советской, где жил Ю.П.Азаров в Печоре в 1954 — 1957 гг.

А ведь это 1954 год. Общество накануне больших перемен. После смерти Сталина началась реабилитация политических заключенных. Но оказывается, что отречься от сталинизма легко лишь на словах, ибо, как говорит автор, «он в наших душах, в способах чувствования, общения… Мы пригвождены к дорогам, уводящим нас от храмов…»

И все-таки роман, несмотря на трагизм, оставляет светлое впечатление благодаря главному герою — учителю Попову, который, пройдя испытания и муки, гонения и отчуждение, приходит к убеждению, что темные силы вокруг него и в нем самом могут быть побеждены только любовью. Он прозревает свой дальнейший путь: воспитание в своих учениках идеалов человечности.

Примечания к главе 1

1. Северо-Печорский железнодорожный лагерь (Печоржелдорлаг, Севпечлаг) уже в конце 40-х годов строил железную дорогу Хальмерью — Хановей — шахта № 7, участок пути Чум-Лабытнанги.

Помимо железнодорожного строительства лагерь строил верфь в районе Печоры, судостроительный завод и причалы в г.Печоре, угольные склады, электростанцию, жилье \ в том числе и в Нарьян-Маре\, производство извести на Джынтуйском известковом заводе, производство кирпича, лесозаготовки, обслуживание авторемонтного завода, сельскохозяйственные работы.

Численность заключенных: 01.07.40 — 3851; 01.01.41 — 34959; 15.06.41-91664; 01.01.42-102354; 01.01.43-58825; 01.44-23019; 01.45-33598; 01.01.46-34826; 01.01.47-56615; 01.01.48-47815; 01.01.49-39436; 01.01.50-42026.

В 1950 году на базе этого лагеря образован Печорский ИТЛ (Печорлаг), к которому присоединены лагподразделения ликвидированного Севжелдорлага. Таким образом, Печорлаг занимал теперь огромную территорию севера. Главной задачей его было строительство вторых очередей путей Вельск —Воркута.

Управление лагерем располагалось в г.Печоре Коми АССР. Телеграфный код: «Звезда». Закрыт в 1959 году.

/Справочник «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР». Изд. «Звенья», Москва. 1998 г./

2. На заседании оргкомитета Печорского окружного совета депутатов трудящихся Кожвинского района за 30 августа 1941 года ставился вопрос «О достройке зданий, принятых от Печжелдорлага, под учреждения и жилые помещения». В протоколе говорится, что два барака, в которых размещены все районные организации и работники райцентра, построены из тонких кряжей и находятся не в утепленном состоянии, не готовы к зиме. Здесь же поднимается вопрос об отпуске лесоматериалов на строительство районного центра: Дома советов, жилья райисполкому, 4-квартирного дома РАЙФО, амбулатории, жилого здания для банка, помещение для магазина, сто-

ловой, конторы и жилого здания и складских помещений райпотребсоюзу. (НА РК, ф-605, о-1, е.х. 541)

3. Начальник ОЛПа, тов Доброшинский докладывал на открытом партийном собрании ОЛПа в марте 1945 года: «На дрожжевой завод мы затрачиваем ежемесячно 20 тысяч рублей, но получить дрожжи с опилок не так просто». Ред. — сохранены грамматические особенности текста подлинника (РА ОПДФ, ф — 1876, о-7, д.355)

4. Карандашный портрет Б.Д.Серова ныне хранится в Печорском историко-краеведческом музее, в 2004 году экспонировался в Национальном музее Республики Коми на выставке «Сквозь замки проходят музы».

5. Смотрите о нем также в статье Л.Мищенко «В Печору под конвоем».

6. Особое совещание — заочный административный суд органов госбезопасности.

7. См. о нем также в статье Б.Серова «Вера, надежда, любовь».

8. Награда была возвращена ветерану в 2005 году благодаря содействию Печорского отделения Российского общества «Мемориал».

9. И.И.Рубин до заключения — кадровый военный в высоких чинах, о нем вспоминает А.Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ».

10. Кожвинский аэродром начинался со взлетно-посадочной полосы Югорского авиационного отряда БАМпроект ГУЛЖДС НКВД (Постановление Печорского окружного Совета депутатов трудящихся об отводе земли от 20 июля 1941 г., Печорский госархив, Ф-101, А-2-9, О — 1, Л. — 38).

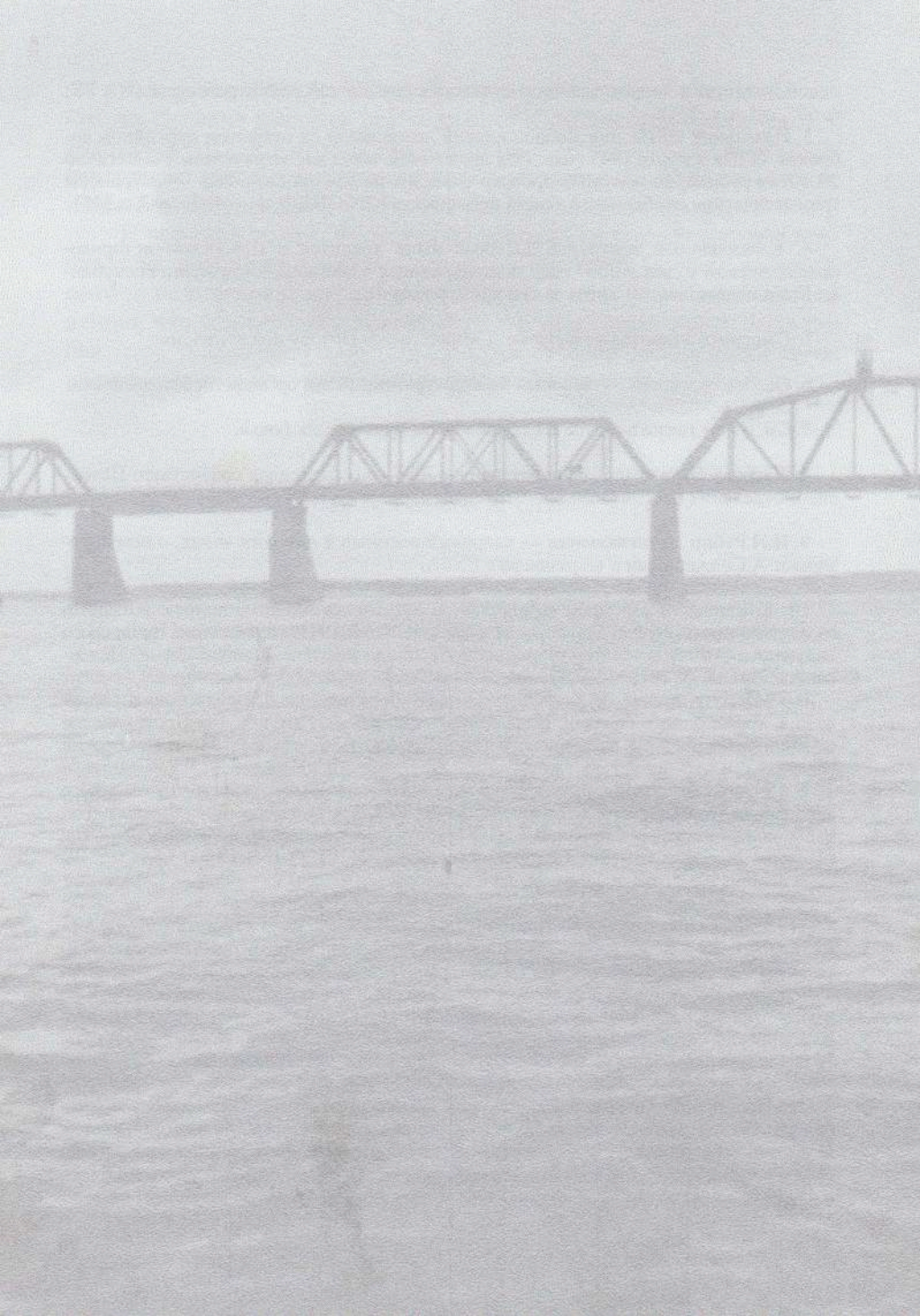
В 1945 году принят от Воркутстроя «без оборудования и аэродромного сооружения, кроме одного барака». Начальник аэропорта — Ляпунов. (из Протокола заседания райисполкома Кожвинского района №41 от 25 октября 1946 г. Печорский госархив).

В 1949 году аэродром расширился по ходатайству Сыктывкарского отдельного авиаотряда гражданского воздушного флота СССР, к которому принадлежал. Начальник аэропорта — Фирсов Ф.А. (Из Протокола заседания Исполкома Райсовета, г.Печора, 28 декабря 1949г. , Печорский госархив, Ф-101, О-1, Д-127, Л — 11).

В ноябре 1952 года перебазирован в г.Печору.

11. Здание спроектировано Лентранспроектом. Работу вела стройконтора Печоржелдорлага, начальник работ В.Д.Сидоренко, начальник отдела гражданского строительства Г.А.Подмешальский. На объекте работали заключенные колонны №2, старший прораб Д.Е.Алперин. Сроки строительства были очень сжатыми: закладка фундамента началась 8 мая 1948 года, закончено строительство 5 мая 1949 г. (Архив ПИКМ: Исполнительно-техническая документация «Постройка линии Кожва —Воркута. Гражданское сооружение Клуб г.Печоры. 1949 г. ГУЛЖДС, Управление СПЖДС).

12. Новинский Анатолий Федорович изображен в романе Ю.П.Азарова «Печора» под именем А.Ф. Новикова Одна из основных коллизий романа — столкновение двух противоположных педагогических идеалов, двух мировоззрений, гуманистической и авторитарной, носителями которых являются с одной стороны учитель Попов, а с другой — директор Новиков.



ГЛАВА ВТОРАЯ

Мост и судьба

Долгая память о белых ночах

Печорский железнодорожный мост строился руками заключенных ГУЛАГа, согнанных сюда на одну из «великих строек социализма». Сооружение моста далось ценой больших человеческих жертв. В числе десятков тысяч его строителей был и Менахем Бегин, лауреат Нобелевской премии мира, бывший премьер-министр Израиля, бывший узник Печорлага, работавший в бригаде грузчиков в июне-сентябре 1941 года. Личность этого человека, имеющего всемирную известность, интересна для нас еще и тем, что он оставил свидетельства очевидца о печорском периоде своей жизни: в 1957 году вышла его книга «Белые ночи» на идише, позже переведенная на английский.

Благодаря содействию предпринимателя Виктора Михайловича Федосеева, сотрудники Печорского историко-краеведческого музея связались с Центром изучения наследия Менахема Бегина в Иерусалиме и получили письмо, подписанное директором Г.Гурвицем, сподвижником М.Бегина, соратником по подпольной борьбе. Это письмо — приглашение к сотрудничеству в создании музея М.Бегина. В свою очередь Гарри Гурвиц прислал печатные материалы, несколько книг о М.Бегине, среди них — «Белые ночи» в английском издании.

С началом Второй мировой войны Германия в Польше, а Советский Союз в Прибалтике, Западной Украине и Западной Белоруссии установили режим полицейских государств. По ту и другую сторону шли массовые аресты и депортация поляков, литовцев, евреев. Среди арестованных советскими властями — польский еврей М.Бегин,[1] родители и брат которого погибли от рук нацистов. Ему удалось избежать их участи, но он получил восьмилетний лагерный срок как лицо, не имеющее советского гражданства.

Свою лагерную одиссею он описал в книге «Белые ночи», отрывки из главы «Под звуки оркестра» мы предлагаем вниманию читателей. Перевод с английского А.Нисковского.

НАС привезли строить железную дорогу Печора—Воркута «по приказу партии и правительства»… «Ты элемент?» — вопрос, которым встречали «ветераны» новоприбывших. Иногда уточняли: «Какой?» Нас называли СОЭ — элемент, опасный для общества, и СВЭ — общественно вредный элемент. Политические заключенные, осужденные особой комиссией НКВД, обычно относились к первой категории, а уголовники — ко второй. Мы были многонациональным собранием: русские, поляки, литовцы, латыши, эстонцы, румыны, евреи…

М. Бегин (1913 — 1992)

Утро началось с подъема, и очень скоро это слово стало самым ненавистным. Начальник лагпункта, низкорослый, упитанный мужчина, голосом, заряженным энтузиазмом, провозглашал: «Вы теперь в нашем лагере. Помните, что работаете для советской матери-родины. Идет битва в страшной войне. Вы далеко от фронта и должны быть благодарны тем, кто защищает вас от германских каннибалов. Поэтому ваш долг — работать с величайшей отдачей, перевыполнять норму и помогать фронту. Сегодня держите в руках лопату, завтра, возможно, будете призваны служить с винтовкой. За работу! Вперед! Ура!» Заключенные, внимавшие агитации, стояли на возвышенности с видом на реку Печору. На левом берегу — железнодорожные линии и множество товарных вагонов. На реке грузовые баржи. Начальник показывает сначала на баржи, затем на вагоны: «Партия и правительство обязали разгружать баржи и загружать вагоны в кратчайшие сроки». Патриотический призыв толстого начальника был адресован всем заключенным, но только уголовники ответили «Ура!» и ринулись вниз по склону к реке. Политические, не поняв ничего из сказанного, так как в большинстве не владели русским, тоже устремились к баржам, задыхаясь от бега, — и дневная работа началась.

Неожиданно зазвучала музыка. Мы обернулись, не веря своим ушам. Ошибки не было: на возвышенности расположился духовой оркестр. Он играл мелодию песни, восхваляющей свободный советский труд.

Основная наша работа — разгрузка шпал. В России железнодорожное полотно широкое, длина шпал и их вес соответственно боль-

ше. Мы носили шпалы на плечах с барж по доскам на берег и к вагону на расстояние около 300 метров. После нескольких часов работы я чувствовал боль в плечах, кожа была содрана в кровь. Уголовники насмехались над нами, обзывая белоручками. «Вы не умеете работать!» — язвили они. Мягкие подкладки из тряпок защищали их плечи. Но у нас не было тряпок, вещи были украдены теми же урками.

«Перекур!» — крикнул один из уголовников. Работа остановилась. Кое-кто достал из кармана полоски старой советской газеты и, сложив «лодочкой», насыпал немного махорки. Затем газета свертывалась, склеивалась плевками и получались толстые «сигареты». По выражению лиц было очевидно, что курящие получали от них не меньше удовольствия, чем от гаванских сигар, хотя передавались они от одного рта к другому. «Перекур закончен!» — громко объявил бригадир. Послышались привычные проклятья, но работа возобновилась. Находящийся рядом со мной польский капитан вспоминал стихи Адама Мицкевича о падении крепости Гранада и мести испанским завоевателям ее защитника Альманзура. Офицер добавлял: «Мы таскаем железо, как каторжные, но у нас нет Альманзура!»

«Перекур!» — зазвучало снова. «Вы же только что курили!» — возмутился бригадир, но на него никто не обратил внимания. Перекур был способом борьбы за жизнь приговоренных к тяжелому труду людей.

Несмотря на моменты рабочего саботажа, вагон заполнялся шпалами, в то время как оркестр продолжал играть «Рабочий марш». В полдень привезли еду. Телега, запряженная лошадью, насквозь просвечивающей костями, медленно спускалась к реке. Большинство вынуждено было довольствоваться жалким рыбным супом.

В послеполуденное время оркестр отбыл. Но летающих насекомых стало больше, и они гудели торжественную песнь жажды крови. И снова уголовники смеялись над нами: на их лицах были маски из сетки или тряпки с отверстиями для глаз. Мы, новички, находились совершенно во власти крошечных паразитов.

Двенадцать часов минуло с тех пор, как мы принялись за разгрузку. Рабочий день закончился — и нас снова строят в ряды. Звучит предупреждение: «Шаг влево, шаг вправо считается попыткой к бегству, стреляю без предупреждения». У ворот лагеря обыскивают. Уставшие, голодные, изможденные, долго стоим, переживая многократный пересчет. Ноги подкашиваются, плечи страшно ноют.

Мы были «рабсилой» — так нас называли. В Советской России имели слабость к сокращению слов. Рабсила — это сокращение фразы «рабочая сила». Но никто не заметил появившийся двойной смысл слова, уподобившего нас рабам.

Многообразна лагерная лексика, но наиболее важные слова для заключенного — норма, котел и блат. Я однажды видел книгу норм. Она была толщиной с энциклопедию и похожа на логарифмическую таблицу. Нормы в трудовом лагере исчислялись на основе 12-часового рабочего дня. Ежедневная норма, налагаемая на рабсилу в лагерях, была невыполнима даже для привычных к физическому труду, не говоря о политических заключенных, являющихся большей частью людьми интеллектуального труда. Но норма была связана с «котлом», а «котел» определял, как быстро человек становился доходягой, падшей тенью, ждущей своего конца. Котел — это ежедневная норма, которая включает паек хлеба и зависит от производительности труда. В нашем лагере было 4 котла. Заключенный, который выполнил меньше 30% нормы, получал штрафной котел. Он состоял из 200 граммов хлеба и супа раз в день. Тот, чья работа достигала 60%, получал котел №1: 400 граммов хлеба и суп дважды в день. Выполнившие от 60% до 80%, имели право на котел №2: 500 граммов хлеба и полноценный суп с добавлением крупы. Больше 80% — котел №3: 700 граммов хлеба, суп с крупой получше, иногда сушеный картофель и изредка галеты, твердые, как камень. Кто бы ни превысил норму, получал в нашем лагере котел №12 (!) Почему после котла № 3 сразу следовал котел №12, никто не был способен объяснить. Котел № 12 — это 800-900 граммов хлеба, хорошие супы, вкус которых я не знал, потому что никогда не получал удовольствия достижения этого котла, хотя работал усердно, претворяя в жизнь великий революционный лозунг: кто не работает, тот не ест. «Каждые двое рабочих должны достигать 300% выработки!» — призыв, вывешенный на большом плакате в нашем лагере. К нам был приставлен воспитатель, который вместе с лагерным начальником произносил речи на советских праздниках. Его главной обязанностью было стимулировать заключенных на великие усилия, организовывать социалистические соревнования (!) между двумя трудовыми лагерями.

Перетираясь, как в мельничных жерновах, между штрафным котлом и котлом №1, мы изредка поднимались и до котла №2, и даже до котла №3 по лестнице «блата». Эта лестница имела много ступенек: заключенный ставил себе цель держаться в хороших отношени-

ях с бригадиром, бригадир — с прорабом — и оба были готовы на что угодно, чтобы поддерживать хорошие отношения с нормировщиком, который мог сделать «приписку», то есть завысить на бумаге выполненную норму. Иногда в этом помогала щепотка махорки, иногда подаренная вещь. И все были объяты взаимным страхом. Советская статистика регистрировала производительность в дутых цифрах благодаря блату. Советское правительство не было способно уничтожить этот массовый обман.

Покончив со шпалами, приступили к разгрузке рельсов. Эта работа труднее. По сигналу «раз-два, взяли!» поднимали рельс и шестеро с обеих сторон несли к вагонам. Внезапно один из нас поскользнулся, лишившись сил. Это вызвало возмущенные проклятия.

Так мы работали, несмотря на внутренний протест. Земляк-литовец К.Шимкус сказал однажды: «Какой парадокс! Наши дни черны, а ночи белы». Они были еще и красны от полчищ таежного гнуса и крови заключенных.

В лагере Бегин встретился с разными людьми, рассказал о судьбе некоторых из них. Вот жена директора крупного московского завода, муж погиб от пыток в ходе следствия, она получила пять лет лагерей за «связь, ведущую к подозрению в шпионаже». А вот инженер-механик, директор завода, коммунист, осужденный за невыполнение производственного плана к 10 годам лагерей. С ним в паре работает бывший помощник редактора газеты «Правда» Гарин, обвиненный в троцкизме, но, несмотря на все испытания, оставшийся убежденным коммунистом. И многие, многие другие.

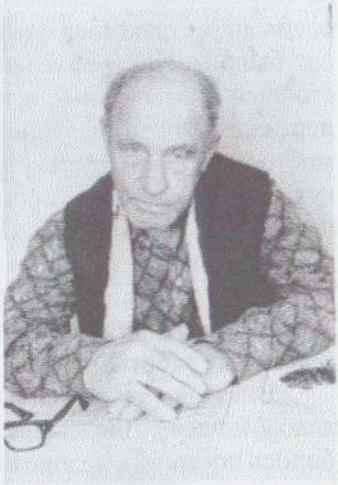
Очень скоро Бегин превратился в «доходягу», и только массовое освобождение поляков в августе 1941 года в связи с советско-польскими соглашениями о совместной борьбе с фашизмом спасло его от смерти. Вместе с другими поляками он ушел в армию Андерса.

Впереди была жизнь, наполненная событиями выдающимися, но белые ночи Печоры стали частью его судьбы и спустя много десятилетий подвигли на воспоминания, которые обрели мировую известность.

В. Чиванов

Мостостроитель

ЗА БОЛЕЕ чем полувековую историю печорского моста по нему перевезены многие сотни миллионов тонн грузов и десятки миллионов пассажиров. Мост возводился в трудное военное время для вывозки воркутинского угля — стратегического сырья для фронта. Он стал воротами города, его символом и памятником строителям.



Г.А.Семин

В поселке Набережном, расположенном рядом с мостом, жил человек, который не только принимал участие в его строительстве, но и многие годы работал по его техническому содержанию. Он сохранил в памяти имена людей, чей инженерный талант и инициатива позволили раньше срока открыть движение поездов и внести вклад в победу над фашизмом. Имя этого ветерана — Григорий Алексеевич Семин. Он и поведал историю печорского моста, а заодно и свою судьбу.

1937 год. Нет, не по страшной статье 58 УК судили девятнадцатилетнего завклубом из Рязаншины. Судили по оговору за рукоприкладство в очаге культуры. И срок дали по тем временам смехотворный — два года лагерей. Но он был молод, еще верил в справедливость и поэтому написал апелляцию. Сокамерник, профессор математики, говорил: «Сынок, не пиши, хуже будет» — и оказался прав. Добавили два года и включили в этап на Север.

До Котласа долго везли по железной дороге. Потом на баржах по Северной Двине и Вычегде до пересылки в Усть-Выми. В лагере пригодилось плотницкое ремесло: не попал на земляные работы и лесоповал. Направили в колонну по строительству железнодорожного

моста через реку Вымь близ Княжпогоста. По окончании строительства деревянного моста получил назначение на Печору, где началось возведение самого крупного на севере железнодорожного моста.

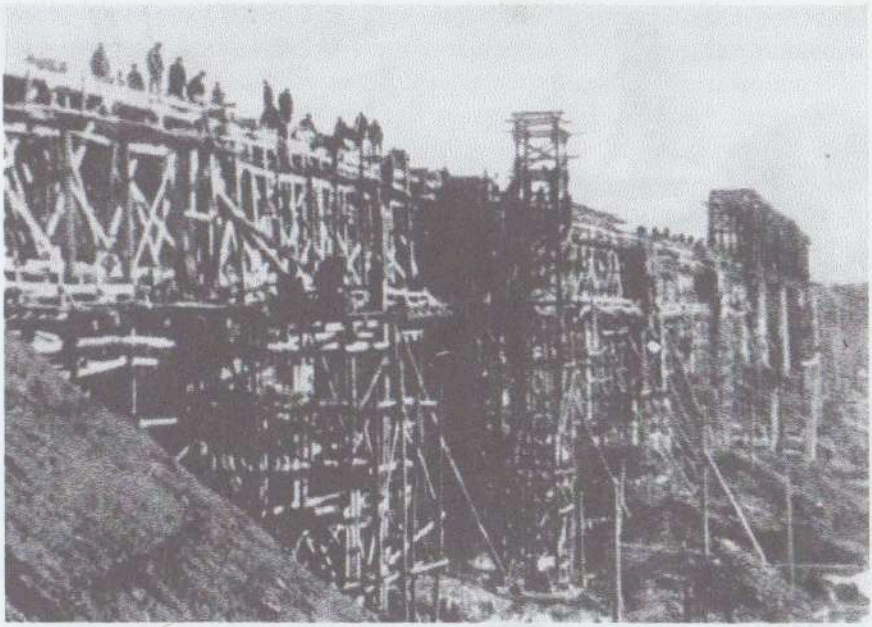
Путь был долог и труден: железная дорога ещё строилась. Небольшой этап мостовиков «на перекладных» добирался до поселка Чибью, оттуда на больших лодках сначала вниз по реке Ухте, а потом по извилистой и порожистой Ижме. Высокие, скалистые берега чередовались с сосновыми борами и раздольными лугами. Стояла осень, окрестные леса оделись в пышный наряд, но не до земных красот было мостостроителям. Не покидали тревожные мысли о предстоящей суровой зиме и неизведанных зигзагах судьбы. Лодочный переход в 315 км завершился на величавой Печоре. Вверх по реке мостостроителей доставили на барже. Высадили на пустынном берегу в районе будущего моста, трасса которого была уже размечена, на подходах вырублена просека. А на правом берегу Печоры, в 5-8 километрах выше будущего моста, высадились и обустраивали свой убогий быт строители железной дороги и города. Там появились первые бараки, землянки и зоны с колючей проволокой. На мосту начались кессонные работы.

Внезапно ударил сильный мороз, и четыре парохода оказались в ледовом плену. Для их спасения во время весеннего ледохода понадобилось построить ледорезы и периодически скалывать лед. Пароходы и несколько барж были спасены. С наступлением лета 1939 года большую группу мостовиков направили на юг для помощи в окончании работ по прокладке лежнёвки вдоль железной дороги. Теперь уже мало кто знает, что от Котласа до Кожвы была проложена деревянная дорога, по которой доставлялась рабочая сила, материалы верхнего строения пути, продовольствие для многочисленных колонн заключенных, занятых земляными работами на строительстве железной дороги методом тачечной перевозки.

Лежнёвка представляла собой настил из бревен, скрепленных скобами. Верх бревен — плоский. Через болота устраивались гати. Для пропуска встречного транспорта через 2-3 км делались разъезды. На станции Войвож произошла смычка со строителями лежнёвой дороги, идущими из Ижмы (Сосногорск). Серебряную скобу не забивали, но состоялся митинг. А на слете участникам даже налили по сто граммов водки. Затем «ударников лежнёвки» направили на строительство деревянных мостов через реки Чикшина и Каменка.

Укладка шпал на строительстве Северо-Печорской железной дороги, участок Кожва-Воркута. 1940 г.

Открытие движения поездов по ледовой переправе.
Надпись на плакате: «Печорский мост — наш подарок фронту». 1941 г.



Строительство временного деревянного моста через Печору. 1942 г.

На мост через Печору Семин вернулся уже в 1940 году. Теперь здесь работали четыре колонны, не считая тех, что возводили насыпи на подходах. Руководил стройкой опытный мостостроитель Аркадий Степанович Славин. Ему помогали инженеры В.В.Бутов, Н.И.Курдюков. Кроме заключенных на стройке трудилось около 100 вольнонаемных и командированных.

Росла производственная база: на левом берегу были созданы мастерские со станочным оборудованием и кузницей, хозяйство энергетики составляли локомобильные и дизель-генераторные электростанции, для сборки пролетных строений имелся паровой кран, кессонные работы обеспечивали четыре локомобиля с компрессорами. На стройке использовалось около двухсот лошадей.

По проекту мост должен был состоять из восьми пролетных строений по восемьдесят восемь метров, опирающихся на семь промежуточных и две береговые опоры. Но жизнь внесла поправки: стройка получила металл лишь для двух ферм по восемьдесят восемь метров и четырех ферм по пятьдесят пять метров. Возникла необходимость возведения еще двух промежуточных опор.

В мае 1940 года было создано Главное управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) и управление Печоржелдорстрой, основным объектом которого стала железнодорожная линия Кожва—Воркута. Таким образом, строители обрели новое оперативное руководство. В результате улучшилось взаимодействие с путейцами и лагерным руководством. Напряжение на стройке моста возрастало. Стали применять различные формы поощрения от зачетов до дополнительного питания. Мост являлся важным объектом, и поэтому специалистов оберегали от истощения.

Соорудили семь промежуточных и две береговые опоры моста, начались работы по возведению четырех дополнительных опор. В створе моста осуществлялась сборка пролетных строений, заготовлено большое количество лесоматериалов для подмостей и вспомогательных опор. Рабочий день был увеличен.

В конце 1940 года было открыто сквозное рабочее движение железной дороги Котлас—Кожва. Это позволило снабжать стройку материалами и «рабсилой» круглый год. Но для продвижения дальше на север преградой стала река Печора. Поэтому в зиму 1940-1941 годов в четырехстах метрах ниже створа моста построили ледовую переправу, которая опиралась на сваи, вбитые в дно реки. Сюда были подведены временные подъездные пути. По переправе на пра-

вый берег доставляли паровозы, вагоны, стройматериалы и другие грузы, необходимые для строительства железнодорожной линии Кожва—Воркута. Переправа действовала до весеннего паводка, а с наступлением следующей зимы её вновь восстановили, и по ней последовал первый поезд с воркутинским углём. Это произошло в конце декабря 1941 года.

График работ по строительству выполнялся, но с началом войны получение недостающих ферм стало призрачным. Решено было после «надвижки» имеющихся ферм на готовые опоры начать сборку деревянных ферм Гау, чертежи которых изготовили на месте. Семин стал бригадиром по заготовке элементов и установке на мост деревянных ферм Гау.

В апреле 1942 года все работы по строительству моста по временному варианту были завершены. По этому случаю 2 мая состоялся митинг с участием заместителя начальника Печорстроя И.И.Ключкина. Зачитали приказ о досрочном освобождении группы заключенных-строителей. Среди них значился и Семин, хотя четырехлетний срок заключения у него закончился еще 9 месяцев назад. Начальника строительства моста Аркадия Степановича Славина наградили орденом. Он получил новое назначение, но по пути погиб при крушении поезда.

Семину предложили должность мостового мастера по фермам Гау под руководством начальника мостового участка Владимира Васильевича Бутова. Рука об руку с ним трудились мостовые мастера Вера Карловна Катунок и Прокопий Яковлевич Периченко.

Последовали длительные испытания, обкатка каждой фермы с измерением прогиба и других показателей. Пошли поезда, но скорость их движений была ограничена.

В начале 1943 года деревянные фермы стали трещать, и, как вспоминает Семин, при проходе поезда ему приходилось сидеть внутри фермы и определять место деформации. А топограф измерял провис фермы. Поврежденные детали заменяли и укрепляли стяжками. Зимой на нескольких стальных фермах обнаружились трещины на сварных швах.

Приехал главный инженер Котласского мостозавода, почтенного возраста профессор Б.Волов, и дал рекомендации по усилению узлов. Эти работы выполнила мостовая колонна вольнонаемных под руководством Комиссарова. На мостозавод в Котлас стала поступать сталь разобранного каркаса Дворца Советов в Москве. Эту сталь мар-

ки «ДС» использовали для элементов и узлов пролетных строений взамен деревянных временных мостов на линии Коноша-Воркута, но ассортимент стали «ДС» был ограничен, и поэтому для пролетных строений использовались также стали других марок и других профилей.

Началась смена временных пролетных строений, ферм Гау. Под руководством известного в Печорстрое начальника работ Г.Черквиани три временные береговые фермы заменили двумя фермами по сорок три метра. В последующие три года под руководством Ашмяна установлены еще две стальные фермы по сорок три метра. Теперь мост не имел деревянных конструкций сомнительной надежности, заложником которых Семин был несколько лет.

В 1950 году мост тщательно обследовали и в составе железнодорожной линии Кожва-Воркута передали в постоянную эксплуатацию бывшему Печорскому отделению МПС. Тогда в дистанциях, обслуживающих большие мосты, были должности заместителей начальника по искусственным сооружениям. Они направляли и контролировали мостовых мастеров, проводили техническую учебу, планировали крупные работы. Эти должности занимали инженеры-мостовики с большим опытом.

А между тем в середине фарватера Печоры стояли две дополнительные опоры, установленные из-за отсутствия проектных ферм длиной восемьдесят восемь метров. В 1951 году это обстоятельство послужило одной из причин аварии парохода, повлекшей человеческие жертвы. Ленинградский мостопоезд под руководством Павла Ивановича Михно выполнил работы по смене двух ферм по тридцать три метра на две фермы по восемьдесят восемь метров. Комплекты элементов и узлов поставлял Воронежский мостозавод, сборку вели на берегу. В 1954 году завершили и замену двух дефектных ферм по тридцать три метра на новые фермы с ездой «поверху». Установка этих ферм проводилась консольным краном. С тех пор реконструкция моста не проводились, и движение по нему не прерывалось, мост служит верно. Вот только фермы у него разные и по размеру и по форме.

Силуэт моста напоминает поезд, составленный из вагонов разных типов и двух платформ. Но такова его судьба. А у мостового мастера Г.А.Семина и его бригады основными обязанностями стали «надзор за техническим состоянием моста и борьба с ржавлением путем тщательной окраски металлических поверхностей специаль-

Печорский мост

ной краской». Такие профилактические работы проводятся в соответствии с инструкциями и по графику.

Теперь у Семина уже был опыт. Он понимал, что мост может и должен жить долго. Мост стал частью его жизни, предметом забот и волнений. На вид холодный и неподвижный, в действительности он работает как живой организм, выдерживая нагрузку собственной тяжести, проходящих поездов, ветра и других природных явлений. При этом в допустимых пределах прогибается, вибрирует и издает звуки разной тональность. На мосту свой микроклимат, тут всегда холоднее, чем на берегу. Мост открыт всем ветрам, и даже в часы затишья здесь всегда веет ветерок.

Общение со специалистами мостостроения, любознательность и крестьянская смекалка выработали у Григория Алексеевича не только опыт, но и высокую исполнительскую дисциплину. В этом для него не было компромиссов ни для начальства, ни для подчиненных. Не всем нравились его прямота, требовательность и независимый характер.

Наград он не имел и в президиумах не сидел. Такова еще совсем недавно была кадровая политика: ярлык «бывшего» приклеивался прочно.

Шли годы. В доме, построенном Семиным недалеко от моста, росли дети, на мосту шла обычная регламентная работа. В зимнюю стужу и редкие здесь жаркие дни осмотр производили особенно тщательно. Для окраски ферм выбирали лишь погожие летние дни. Работы на мосту требовали навыков верхолаза и хорошего здоровья, поэтому не все выдерживали нагрузок. А Семин все оставался и даже

на пять лет перешагнул пенсионный возраст. Ушел, когда почувствовал, что силы на исходе.

Когда смотришь с моста вниз на течение реки, кажется, что плывешь на большом корабле. И вот с этого «корабля-моста» сошел он в свое время на берег. Уже давно заменены все деревянные мосты, в строительстве которых участвовал Семин, сгнили проложенные им лежневки. Ушел из жизни и он сам. Но мост, которому Григорий Алексеевич отдал сорок лет своей нелегкой жизни, работает по сей день. И век ему предстоит еще долгий.

Примечание к главе 2

1. О Бегине в справочнике «Кто есть кто в мировой политике», 1990 год: «…родился 16 августа 1913 года в Брест-Литовске. После окончания Варшавского университета в 1935 году занимался адвокатской практикой. До войны возглавлял польское отделение сионистской организации «Бейтар». Родители и брат погибли от рук нацистов. В 1940 году в Вильнюсе был арестован советскими властями и приговорен к принудительным работам в лагере на Печоре. В 1941 году вступил в польскую армию в изгнании, сформированную в соответствии с польско-советским соглашением. В 1943 году стал командующим подпольной еврейской организации, боровшейся за создание еврейского государства на территории Палестины. После провозглашения независимости Израиля вышел из подполья, став председателем партии «Херут». Был депутатом парламента всех созывов вплоть до 1984 года. В 1977-1983 годах — премьер-министр. Лауреат Нобелевской премии мира 1978 года за подготовку и подписание кемп-дэвидских мирных соглашений между Египтом и Израилем…» Умер М.Бегин в 1992 году.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Низко вам поклониться хочу»

И.Михайлов

Ангелы

Кто утверждает, будто в наши дни
Нет ангелов? Есть ангелы. Но чаше
Не в райской куше, а в дремучей чаще,
В аду кромешном водятся они.

Я знал их за Печорой, в лагерях,
В обители пропащих и увечных.
Легки, светлы, крылаты, человечны —
Отбрасывали все: брезгливость, страх…

Их заклеймили дикой кличкой ЧСИР*,
Семьи лишили и надежды всякой…
Их вывезли из городских квартир,
Чтоб поселить среди болот в бараках…

Любую боль умея понимать,
Они ходили за чужими нами,
Как за мужьями или сыновьями
Жена не всякая и не любая мать.
……
И у воскресших воскресала вера
В людей и в жизнь: казалось — близок дом…
Кто говорил, что ангелы — химера?
Я сам их видел.
Лично был знаком!

---

* Члены семьи изменников Родины

Т. Афанасьева

Врачи в Печоржелдорлаге

Врачам и медсестрам, спасавшим людей в лагерях ГУЛАГа, посвящает автор эту публикацию и просит прощения, что не все их имена названы.

Предисловие

БОЛЬНИЦЫ и медпункты в лагерях ГУЛАГа при большой смертности заключенных были явлением первой необходимости и создавались при каждом отделении, лагпункте, колонне. Благодаря самоотверженности медперсонала спасено немало человеческих жизней, но еще больше людей попало на кладбища рядом с лазаретами. Особенно высокой была смертность в северных лагерях, в том числе в Печоржелдорлаге, где пик ее приходился на 1940-1943 годы — это первые организационные и первые военные годы. В начале 1943 года в Печорских лагерях заключенные умирали массами, до 80% людей от истощения и болезней не могли выполнять простейшую физическую работу.[1] Самые распространенные заболевания — алиментарная дистрофия, пеллагра, означавшая необратимое истощение организма.

Лазареты в те годы представляли собой холодные землянки, палатки. Без медикаментов и на полуголодном пайке находились здесь больные. Лагерная медицина могла гордиться только одним — своими кадрами. Множество врачей попали сюда за «контрреволюционные преступления». Достаточно вспомнить такие громкие процессы, как «дело отравления Горького» или «дело кремлевских убийц в белых халатах». Врачи-заключенные или отбывшие срок заключения составляли основной кадровый костяк, рядом с ними работали и вольнонаемные врачи.

Средний медицинский персонал формировался как из заключенных, так и из вольнонаемных выпускниц училищ, которых далеко не добровольно доставляли в лазареты и медпункты необъятного ГУЛАГа. Перед вступлением медсестер в должность с ними велась «политико-воспитательная работа», внушалось, что к заключенным должно относиться как к «врагам народа».

В обязанности медперсонала входило определение пригодности заключенного к труду, выделялся «трудовой фонд» и «контингент за балансом» — неработающие инвалиды. Трудовой фонд делился на группы «А» и «В». К группе «В» относились «коечные больные», «слабосильные», «временно освобожденные по болезни». Существовали нормы количества допустимого освобождения по болезни, они не должны были превышать 1% от общего количества заключенных на колонне, лагпункте. Реальных больных всегда было неизмеримо больше.

Исполнявший обязанности медстатиста ежедневно составлял шифрованные «цветные» сводки для учетно-распределительного отдела (УРО) управления лагеря. Красными называли, к примеру, больных с высокой температурой, серыми — пеллагриков, желтыми — дизентерийных больных, черными — умерших и т.д.

Позже лазареты перешли из землянок и палаток в корпуса барачного типа. Из наиболее крупных медицинских объектов Печоржелдорлага близ Печоры и на его территории в 40-х годах назовем лазарет № 5 в районе нынешнего Печорлесосплава; лазарет № 1 в «старом поселке»; Печорскую клиническую больницу для вольнонаемных при НИБе; лазарет при Центральном пересыльном пункте; лазарет на лесокомбинате; лазареты в Мишаяге, Ошъеле, Вылью, Козлавоме, Косью… На левом берегу Печоры располагались больничные корпуса 6-го отделения Севжелдорлага, подразделений Инталага и Воркутлага.

Больницы, сангородки для заключенных были островками избавления от непосильного труда, они означали отдых, несколько лучшее питание и бытовые условия. А милосердие врачей и медсестер было единственной надеждой на спасение.

Г.Герлинг-Грудзинский, известный польский журналист, бывший узник сталинских лагерей, писал: «…лагерные медсестры относились к больным с такой заботой, вниманием и самоотверженностью, что мы их отчасти считали существами иного мира… Дни в лазарете возвращали зэка к человеческому облику, к чувству собственного до-

стоинства. Мы жаждали их, мечтали о них за работой и по ночам. Речь, по существу, шла не столько об отдыхе, сколько о мимолетном возвращении к прежним представлениям о жизни и людях».

В действительности, «существа другого мира» несли все тяготы лагерного быта, а кормили их подчас не лучше заключенных. И все-таки все они, как один, вспоминая об этом времени, благодарят судьбу за то, что она дала возможность общения с замечательными людьми, первоклассными специалистами, благодаря которым они прошли школу жизни и высокого мастерства. О них, врачах-заключенных, слова медсестры М.И.Комлевой: «Меня поражало, что эти люди, так жестоко и несправедливо обиженные, без перспективы — у всех были «большие сроки» — делали все для спасения людей, не спали ночами. Ну добро бы все больные были такими, как они, но ведь часто ворье, сами себя резавшие. Никто не заставлял их так работать. А они — все для людей, все для больных».

Такой феномен, как научно-исследовательская база САНО (санитарного отдела) Печоржелдорлага в п.Печора в 40-х годах, стал возможен благодаря наличию самых высококлассных специалистов и реалиям советской лагерной системы. Врачи-заключенные вели научно-исследовательскую работу, в основе которой лежала не абстрактная научная идея, а гуманистическая цель спасения людей в лагерях. Появление современного медицинского комплекса в г.Печоре, активная научно-исследовательская работа первых коллективов больницы № 8, высокая квалификация медработников и их авторитет среди населения — все это также связано с деятельностью репрессированных врачей, с той школой профессионализма, через которую прошли все, кто работал с ними.

Воспоминания очевидцев, жителей города Печоры, бывших медицинских работников Печлага Б.В.Комлева, М.И.Комлевой и многих других легли в основу этой публикации наравне с документами по истории здравоохранения на Печоре, собранными главным бухгалтером отделенческой больницы №8 станции Печора А.А.Коншиным[2]. Он сохранил исторические документы, относящиеся к деятельности Научно-исследовательской базы (НИБ) САНО Печорстроя, составил сборники научно-практических материалов врачей, создал летопись больницы. Врач Надежда Терентьевна Абрамова и медсестра Раиса Петровна Богданова сберегли их и передали в Печорский историко-краеведческий музей.

Глава 1

Таким было начало

Молоденькая медсестра Любовь Михайловна Дерябина была направлена на строительство Северо-Печорской магистрали в 1940 году после окончания Йошкар-Олинского медучилища. Ехать или не ехать, выбирать не приходилось, в местном отделении НКВД сказали: «Не поедешь — увезем». Она сопровождала заключенных от Йошкар-Олы и Казани до Котласского пересыльного пункта. В управлении Севжелдорлага, в Княжпогосте, определили фельдшером в автолежневую колонну на строительство участка дороги от Княжпогоста до Кожвы. До июля 1941 года Любовь Михайловна работала в 6-м отделении Севжелдорлага, начальником которого был Л.И.Барбаров.[3] Лазарет находился рядом со ст.Кожва, возле реки Малой Каменки:

Я приехала в туфельках, легком платье — и попала в глухую тайгу. Комаров несметно, топи такие, что лошади уходят в трясину, только котлы, легкие торбы остаются плавать на поверхности, а мы по кочкам прыгаем. Останавливаемся на обед, набираем мисками воды на 300 человек из болотных лунок. Жуем что-то мало похожее на еду, и даже более голодные после такого обеда двигаемся дальше.

С наступлением холодов стало еще хуже, люди одеты кое-как, на ногах корды из автопокрышек, вместо валенок — рукава телогрейки. Морозы страшные, а работали под лозунгом: «На трассе нет ни дождя, ни мороза!» Механизации никакой. При подобной организации труда участки железной дороги сдавали такого качества, что в болотистых местах пройдет паровоз, а за ним ни рельсов, ни шпал— все уходило в топи, надо начинать работу заново.

Кормили нас, вольнонаемных, овсом. На самодельных крупомолках из двух камней кое-как перемелют — вот грызешь этот овес. Днем занимаешься больными, а по ночам гоняют на трассу очищать путь от снежных заносов, таскать швырки — бревна, длиною в 1 метр, для топки паровозов. Заключенные эти швырки заготавливают, а мы, вольнонаемные, выносим из лесу. Плечо так натирало, что платье не надеть.

Такими мне запомнились 1940 —1943 годы. Потом довелось работать во многих местах от Княжпогоста до Воркуты, везде сре-

ди заключенных смертность была высокой все годы строительства первых путей железной дороги, до начала 50-х годов.

В июле 1940 года, одновременно с медсестрой Дерябиной, но другим путем, этапом из Бамлага в Печору прибыл врач-заключенный Борис Васильевич Комлев:

Везли через Архангельск и Нарьян-Мар, в пути мы находились полтора месяца. В конце июля три баржи прибыли в п.Канин. Высадили на том бугре, где ныне пристань. Было много больных дизентерией, ведь вода в пути употреблялась забортная. Я сдал больных в полуземлянку с натянутым парусиновым верхом вольнонаемному врачу Василию Георгиевичу Туеву. Покойников вытащили из трюмов, а нас погнали на север тем же этапом до Мишаяга (Марушей), куда уже были проложены просека и бревна через болота. Поднялись на возвышенность, стали обустраиваться. За неимением колючей проволоки отгородили зону поваленными деревьями. Под лазарет соорудили нечто вроде шалаша. Сразу же стали поступать больные с соседних колонн, а лечить нечем, медикаментов никаких. Смертность необычайно высокая, основной диагноз — алиментарная дистрофия. Мне одному было не управиться, стал искать помощников. Больных с этапа начал принимать фельдшер Кузьма Матвеевич Бабанов с напарником по фельдшерскому делу Фака Аникеевичем Антоненко. Работники опытные и добросовестные. К зиме соорудили шесть полуземлянок лазарета, четыре домика для вольнонаемных, два барака для охраны. Лазарет представлял собой рубленые полуземлянки с парусиновым верхом, на метр углубленные в землю, нары в два яруса тоже из еловых жердей и застланы еловыми ветками. Вместо стекол — промасленная бумага. Освещались самодельными коптилками: в ложку с рыбьим жиром опускали лоскуток портянки и приспосабливали в стенную щель. Белья, матрацев не было, больные лежали в бушлатах, брюках. Вшивость достигала высших пределов, иногда при поступлении с колонн больные были покрыты серой шевелящейся массой, похожей на мех. Для борьбы с этой напастью применяли вошебойки, то есть прожаривание одежды.

Каждую ночь из тысячи, находящихся на лечении, умирало до 20 человек и более. Хоронили в общих могилах.

Так начал свою работу лазарет № 2, где Комлев вскоре получил должность главного врача.

В это же время в составе вольнонаемных приехала в Печору девятнадцатилетняя Мария Ивановна Андренко (Комлева), будущая жена Бориса Васильевича:

Я окончила фельдшерский техникум в Харькове в 1940 году и по призыву комсомола была послана на освоение Севера. Дипломы мы могли получить только после двух лет работы на севере, так что добровольным наш приезд не назовешь. Сто пятьдесят молодых девушек-медиков, прибывших 28 июля в Канин, разбросали на колонны по пять-шесть человек от Канина до Абези через каждые десять-двенадцать километров: Маруши, Ошъёль, Вылью, Янью... Меня направили в лазарет № 1 первого отделения Печоржелдорлага, находившийся в районе нынешнего старого поселка. Это были три полуземлянки, вместимостью до 200 человек каждая, со сплошными нарами. Больных пропускали через две вахты: для вольнонаемных и для заключенных отдельно. Главный врач — Волосович Борис Васильевич, бывший заключенный, по специальности венеролог.

Начальник санитарного отдела А. Стаханов вызвал нас, пятерых прибывших, на беседу: «Завтра вы приступаете к работе, пойдете в лазарет. Помните: там преступники, враги народа. Никаких контактов!» И вот первая дежурная ночь. Я зашла в палатку и попятилась от ужаса: больные вповалку, в своей одежде, полуживые, взгляд потухший, слышны возгласы «Помогите, помогите!» А чем поможешь? Лекарств никаких. Я выскочила и проревела от страха до утра, боясь зайти к больным. А на рассвете санитар доложил: 25 трупов. Кто умер? Поди разберись. Позже больные сами внесли «рацпредложение»: стали привязывать к ногам деревянные бирки с фамилией, статьей. Летом умерших хоронили сразу, а зимой трупы накапливали, складывали штабелями. Хоронили в рогожных кулях из-под сушеной рыбы таранки. В такой куль заворачивали по 6-7 человек, опуская в общие могилы. На месте массового захоронения близ нашего лазарета сейчас установлен памятный знак «Жертвам Печорлага»

Приходили с этапов больные дизентерией, ослабленные донельзя, а питание в 1940-1942 годах было крайне скудное: только жидкая манная каша на воде. Мы, не начальствующий состав вольнонаемных, мало чем отличались от основной массы заключенных: нас привлекали к строительным работам, кормили одним турнепсом три раза в день. Отдежуришь смену, а потом надо идти на земляные

работы, таскать тачку на отсыпке железнодорожного полотна. Жили хорошо только «блатные» из уголовников. Для них места заключения — дом родной. Иногда они даже подкармливали нас. Лучше всех была одета санитарка из «блатных»: в платье с иголочки, сапожках новеньких. А наше положение было ужасным. Заедали вши. Вскоре появились вошебойки, у заключенных одежду стали обрабатывать, а у нас нет. В бараке кишмя кишели вши и клопы.

Вдоль всей железнодорожной трассы при каждом лагпункте, колонне был лазарет или медпункт. Рассказывает А.А. Гамасков, осужденный по ст. 58-10, оказавшийся в мае 1941 года в лагпункте Ошъель 1-го отделения Печоржелдорлага:

Занарядили две бригады для выполнения особого задания в лазарет, который находился в 3-4 километрах севернее Ошъеля. Одна бригада заготовляла в тайге тонкие жерди, а другая делала из них ящики-гробы.

На территории лазарета две полуземлянки, врытые в землю на полметра, с одинарными нарами из досок. Обслуга и некоторые выздоравливающие заключенные размещались в дощатом бараке. Рядом кухня-полуземлянка, дезокамера и морг. Начальник — вольнонаемный врач из бывших заключенных, вся обслуга из заключенных. Захоронение умерших производили в 50-60 метрах от лазарета. Могилы глубиной не более одного метра, так хоронили летом и зимой. Начальник сказал, что из-за отсутствия досок для гробов, захоронения производились в нательном чистом белье, бывшем в употреблении.

Лазарет обнесен забором из жердей, по углам вышки с круглосуточной охраной. Об увиденном говорить было запрещено, а если проболтаешься, угодишь на штрафную колонну, находившуюся неподалеку. Позже, во второй половине 40-х годов, этот лазарет специализировался на лечении психических больных, которых свозили сюда со всех подразделений Печорлага.

С началом войны положение с медобслуживанием в лагерях ухудшилось. Многих вольнонаемных и заключенных, среди них медперсонал, забрали на фронт.[4] С первых дней войны началось ужесточение лагерного режима, чаще стала применяться высшая мера наказания, коснувшаяся и медработников.[5]

По воспоминаниям Серпуниной Нины Ильиничны, впоследствии почетного гражданина города Печоры, это были страшные годы:

Без слез то время вспоминать не могу. С марта 1942 года работала в 3-м отделении Печорлага на ст.Пиярга, что в 15 километрах от Абези. Мы обслуживали так называемых «военнопленных», то есть советских воинов, побывавших в немецком плену. Начальником лазарета была вольнонаемный врач Станчинская. Главврачом — заключенный Петр Иванович, к сожалению, не помню фамилии этого прекрасного доктора. Вместе со мной трудились медфельдшер М.П.Калиненко и медстатист А.А.Коншин, позже работавшие в Печоре. Наш лазарет представлял собой палатки, снаружи на метр-полтора утепленные мхом, внутри печки-бочки, топившиеся круглосуточно, но не спасавшие от морозов. Нары в три ряда. В банный день снимали с больных одежду для пропарки, голых выстраивали в несколько рядов возле печки, они жались друг к другу, пытаясь согреться. Одеяла тонкие, ничуть не спасали от холода, а морозы стояли под минус 50 ^{0}.

Я работала старшей медсестрой в корпусе желудочно-кишечных больных. Из лекарств только марганцовка. Кормили какой-то затирухой. Смертность необычайно высокая, из 50 человек в нашем корпусе ежедневно кто-то умирал. Хоронили недалеко от лазарета, копали мерзлую землю на такую «глубину», что торчали руки-ноги. Летом, проходя мимо, мы говаривали: «Опять дача Станчинской голосует».

Жили в холоднючих бараках, утром волосы примерзнут к стене так, что горячей водой отливаешь. В магазине продавец топором рубил пайку хлеба. Столовой поначалу не было, а когда появилась, мы не ходили туда, там кормили плохо и дорого.

Работали день и ночь. Днем в смену в лазарете, вечером на снегоочистительных работах на железной дороге. Уставали страшно.

В конце 1943 года лазарет закрыли: многочисленные проверки установили «вопиющие безобразия и полное несоответствие каким-либо требованиям санитарии»

Страшную картину представляли собой прибывшие в лагерь. Почти половина заключенных находилась в тяжелом физическом состоянии. Все они нуждались в лечении или прохождении через оздоровительные пункты (ОП). Вот выписка из протокола № 13 заседания партбюро управления Печорлага от 27 января 1941 года: «Количество смертности по лагерю на 20.01 составляет 4.169 человек. Не работающих по группе «В» — 7.160 человек. Ввиду тяжелого пути этапы прибывали слабые, и приходилось прямо с барж и пароходов снимать

людей в лазареты, которые хуже конюшен: грязь, вшивость, холод. В 4-м отделении трупы штабелями лежали под деревьями в нескольких шагах, на глазах у всех. Смертность с каждым днем растет, работать заставляют слабосилку, тем самым увеличивая смертность». [6]

Врачи в Печоржелдорлаге

На месте брезентовой палатки, которую увидел Комлев по прибытии на берег Печоры, появился лазарет №5. В начале 1942 года, когда медсестра Александра Ивановна Серкина (Омельченко), выпускница сыктывкарского медучилища, из семьи раскулаченных, была направлена на работу в лазарет №5, он представлял собой большое хозяйство из девяти корпусов, которым управляла вольнонаемный врач Валентина Ивановна Смирнова. *«Свое ведомство эта добрая женщина содержала в порядке. Некрашеные полы и стены от постоянного скобления блестят, как яичный желток, чистоту наводят сами больные. В каждом корпусе около 200 больных. Имеются матрацы и подушки, набитые сухой травой. Баня раз в 10 дней»*, — вспоминает Александра Ивановна.

Лазарет №5 просуществовал до осени 1942 года, после чего был закрыт, врачей направили в лазарет на Печорский пересыльный пункт, а корпуса лазарета передали дому младенцев заключенных-женщин. С существованием этого дома связано одно из печально-памятных мест в нашем городе — захоронение на территории парка перед домом №9 по Печорскому проспекту. Детская смертность в те годы была очень высокой, распространенные диагнозы: кишечная инфекция, воспаление легких, авитаминоз.

Лазарет № 2 в Мишаяге постепенно стал пополняться врачами из прибывших сюда этапов. Борис Васильевич Комлев как главврач ездил по колоннам, искал медиков среди заключенных: «Нужны были помощники, а порой надо было просто спасти человека от неминуемой гибели». По словам Комлева, «целое созвездие профессоров-медиков бедствовало на Печоре. Какие врачи, настоящие медицинские светила! Не имея ни лекарств, ни инструментов, они творили чудеса».

В начале войны были перевезены в глубокий тыл из приграничных лагерей «враги народа», в том числе с Дальнего Востока, границы с Японией, прибыли в Печору сорок вагонов «политических». Одним

этапом в июле 1941 года привезли академиков Льва Александровича Зильбера и Петра Ивановича Лукирского, с ними профессора медицины Бориса Матвеевича Болтянского. Позже так вспоминают они момент своего появления на колонне: остановились, потрясенные видом Комлева в белых штанах, белой рубашке с закатанными рукавами. «Это кто?» — «Врач». — «Вольнонаемный?» — «Заключенный». — «Ну, значит, жить будем».

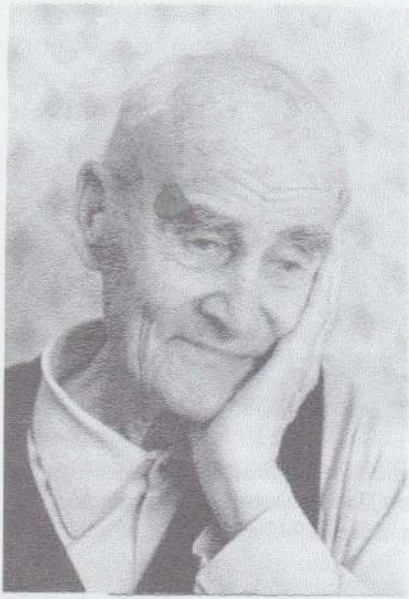
О Л.А.Зильбере (1884-1966) написано много, в том числе художественное произведение его брата, писателя В. Каверина. Мы же коснемся печорского периода биографии всемирно известного ученого-вирусолога и иммунолога, сформулировавшего вирусногенетическую теорию происхождения опухолей и заложившего основу иммунологии рака, дважды лауреата Государственной премии. В.Каверин в повести «Старший брат» цитирует и комментирует письмо Зильбера к родным из Печоры:

Будучи в одном из северных лагерей, узнал, что олений мох, ягель, содержит много углеводов, и организовал довольно значительное производство дрожжей, используя обработанный соответствующим образом олений мох в качестве среды для размножения. Дрожжи были очень важным продуктом в наших условиях, главным образом как источник витаминов. При подкожном введении они оказывали весьма благоприятное действие на тяжелые авитаминозы и дистрофии, в которых не было недостатка. Мои дрожжи спасали немало жизней. Затем я узнал, что из ягеля можно делать спирт, что известно было ещё с конца прошлого века. В военных условиях казалось целесообразным использовать громадные на севере запасы ягеля для приготовления спирта, экономя зерно и картофель. Я написал об этом начальнику довольно обстоятельную записку с соответствующими выкладками. Между тем подкожные инъекции дрожжей для лечения авитаминозов и дистрофии начали применять и в других лазаретах. Среди многих других трудностей, которые нужно было преодолеть для расширенного дрожжевого производства, отсутствие пробок для закупорки бутылок было наиболее серьезным. Вместе с членом-корреспондентом АН профессором П.И.Лукирским мы научились обрабатывать кору некоторых деревьев так, что она становилась эластичной на 2-3 недели. Этого было достаточно, чтобы послать дрожжи в соседние лазареты. Этим заинтересовалось лагерное начальство, и по моему предложению был устроен съезд лагерных врачей, на котором среди других вопросов обсуждал-

Научно-практическая конференция санитарного отдела Печоржелдорлага. Слева направо в первом ряду: профессор Данишевский, врач Джафаров, профессор Лурье. п. Абезь 1947 г.

Профессор Г.М.Данишевский с врачами железнодорожной больницы: (слева) Н.Т.Абрамовой, терапевтом А.М.Кругликовой, врачом-гинекологом Л.А.Поповой, Т.Г.Плисовой, хирургом ЦКБ МПС А.И.Павловичем, врачом-терапевтом Н.М.Николаевской. 1951 г.

Б.В.Комлев. 2000 г.



М.И. Комлева. 1951 г.

ся и вопрос о подкожном лечении дрожжами. Съезд проходил за полярным кругом и шел очень оживленно и интересно».

Зильбер в своих мемуарах пишет о лагерной жизни не как зэк, сосланный за измену родине, а как научный работник, откомандированный на Печору для экспериментального изготовления дрожжей, витаминов. В зиму 1942 года он пишет родственникам в письме о своей лагерной жизни. Трудно поверить что оно написано человеком, которого вырвали из привычно круга людей науки, уничтожили, сломали. Как бы не так! В своем письме Лев патетически рисовал красоту северной природы и цитировал Фета:

«И плачу сладостно, как первый иудей,
На рубеже земли обетованной...»

Его сын Лев Киселев пишет в статье «Феномен Зильбера»: «Кажется неправдоподобным, однако тому есть документальное подтверждение: заключенный Зильбер в лагере на Печоре получил авторское свидетельство на собственное имя на способ получения дрожжей из ягеля. После этого изобретения его вызвал в Москву нарком здравоохранения. Но на просьбу наркома об освобождении начальник следственной части ответил отказом: будет отбывать срок целиком! Предложили работу в лаборатории по изобретению бактериологического оружия. Отказался. Бывшая жена З.В.Ермольева, академик, микробиолог, первая в СССР получившая образцы антибиотика, хлопотала об освобождении. В марте 1944 года Сталин «помиловал» ученого «за особые заслуги перед наукой».

Он достигнет признания во всем мире, станет академиком медицины, почетным членом многих международных научных обществ, председателем комиссии экспертов Всемирной организации здравоохранения по вирусологии и раку. Будет награжден медалью «За выдающиеся заслуги перед наукой и человечеством». А тогда, в 1943 году, врачей Зильбера и Комлева из Мишаяга перевели в лазарет №1, где Зильбер работал последний год до освобождения. Именно здесь «он сформулировал основополагающие идеи вирусно-генетической теории происхождения рака. Свой труд писал на папиросной бумаге остро отточенным карандашом в своей печорской лаборатории тайком от всех. Он разработал специальную технику писания микроскопическими буквами и способ прятать бумагу. Эта многостраничная работа (он называл ее «пуговицей» за малые размеры), уместившаяся на нескольких десятках квадратных сантиметров, была передана под наблюдением охраны во время свидания с Ермольевой. Он просил

опубликовать свой труд под псевдонимом. Но вскоре его освободили, и статья вышла под его именем» [7]

После освобождения академик Зильбер и врач Комлев состояли в переписке, а в 60-е годы возобновилась переписка с его сыном, ученым — биологом Львом Киселевым. К сожалению, письма самого Зильбера были уничтожены по причине опасности их хранения. Сохранились письма сына, вот одно из них:

Многоуважаемый Борис Васильевич! Сердечно благодарен Вам за письмо, которое получил несколько дней назад. Вы понимаете, как дороги всей семье Льва Александровича сведения, которые Вы сообщаете. Свидетельства человека, бывшего в самые тяжелые годы рядом со Львом Александровичем, для нас поистине бесценны. Я много раз слышал Ваше имя от отца, но, к сожалению, не помню, когда Вы у нас бывали в Москве. Хочу Вам сообщить сведения о нашей семье, которые, может быть, будут Вам небезынтересны...

Я очень рад, что, судя по письму, Вы, в ваши 85 лет, сохранили активное отношение к жизни и здоровье. Желаю не терять эти прекрасные качества еще долгие годы. \ г .Москва, 26.02. 1988

О том московском визите Комлевых, упоминаемом в письме, рассказывает Мария Ивановна:

Лев Александрович встретил нас подтянутый, бодрый, а здесь больной был, грудная жаба у него, нитроглицерин глотал. Представляет меня жене:

— Это Машенька.

— Та, что тебе чаю на заварку давала?

А дело было так: сидят они после проведенной операции и говорят: «Господи, сейчас бы чаю. Настоящего, грузинского». Чай им давали заваренный в кастрюле, а нам, вольнонаемным, в пачках, по карточкам. На другой день я молча приношу пачку чая. Боже мой! Какой восторг! И это у него в памяти осталось.

Вспомнили тогда о Петре Ивановиче Лукирском. Его считают основоположником эмиссионной электроники, его труды по физике рентгеновских лучей и по ядерной физике широко известны в мире. Академик, лауреат Сталинской премии, а тогда сильно истощенный зэк поступил в лазарет №2. Борис Васильевич лечил его, а потом хлопотал, чтобы оставили при санчасти, ссылаясь на знание Петром Ивановичем латыни и понимая, что нужно спасать этого уже не молодого человека. И вот всемирно известный ученый получает должность санитара аптеки и прозвище «дед». Убитый обрушившимся

на него горем, растоптанный лагерем, сгорбленный, молчаливый, — такой он был первое время в лагере. Вбегает, к примеру, шустрая, краснощекая медсестра:

— Дед, тащи флакон.

— Вам какой? — тихо и вежливо в ответ. Девчонке и стыдно становится.

Ожил Петр Иванович благодаря Зильберу, вовлекшему его в активную научную деятельность — и преобразился человек.

Лукирский, об освобождении которого хлопотал сам Курчатов, в 1942 году вышел на свободу и попал в Казань, где велись работы по изучению радия и его свойств. Война и политика советского государства, направленная на создание собственного атомного оружия, сыграли роль в освобождении ученого. Лукирский заведовал физическим отделом НИИ Радия АН СССР в Ленинграде, когда Комлевы заезжали к нему. Пред ними предстал бодрый, здоровый человек. Обнялись. Многих товарищей по лагерю вспомнили в тот вечер, в частности, Болтянского Бориса Матвеевича, большого специалиста в области хирургии глаза, при котором Мария Ивановна работала операционной сестрой:

В Мишаяг к Болтянскому ехали издалека, слава о нем шла по всему Печорлагу. От свирепствовавшего в лагере авитаминоза многие слепли, и врач творил чудеса, возвращая людям зрение. Медицинские инструменты он привез с собой и проводил сложнейшие операции. Позже как высококлассного специалиста лагерное начальство перевело его ближе к себе, в Абезь, где в то время находилось управление Печоржелдорлага. Родом Болтянский был из Волгограда. Этот необыкновенно веселый, неунывающий человек на все случаи жизни имел в запасе анекдот. Зашел, к примеру, в кабинет больной да не так сел, а Борис Матвеевич будто этого и ждал: «А вы знаете, мил человек, что на сей счет анекдот интересный бытует?» И так расскажет, что больной забывает, за какой надобностью в кабинет врача пришел.

Вместе с Болтянским работал еще один окулист, Сергей Андрианович Елистратов. Он предпочитал проводить лечение другими методами: считал целесообразным применение капель, назначение диет. Улыбку вызывало его появление с корзиной в руках. Это означало, что он в очередной раз отправляется в поход за грибами. Потом с неописуемым восторгом варил грибные супы — запах разносился по всему лазарету.

Вспомнили Николая Бездетного, дядю Колю. Не могли не вспомнить этого шутника, острослова. Он работал заведующим обл-

здравотделом на Камчатке, когда его обвинили в измене родины. По его прибаутке, продал Хабаровск японцам. В Печорлаге он был зубным врачом. Первую медицинскую помощь оказывал так: приходил на рабочий участок, находил страждущих — и тут же удалял зуб. Рабочее место, как правило, пень, а инструменты он носил с собой. Для стерилизации изобрел три способа: «Для высокопоставленных особ инструменты кипячу. Для людей среднего уровня спиртом протираю, ну а для вас, простые смертные, немного на щипцы поплюю да ладонью разотру». Очень он любил своих дочек, писал им необыкновенные письма.

Драматична судьба талантливого врача-хирурга Николая Александровича Вериго. Его комиссовали с колонны в лазарет №2 истощенного вконец, с белковыми отеками. Мужчина он крупный, таким приходилось особенно трудно, питания не хватало. Использовали на общих работах, хотя в формуляре значилось «врач». Но начальник колонны Шапиро сказала: «Никакой он не врач. Спрашиваю, какие порошки помогают при головной боли, а он, представьте, не знает. Я-то знаю, что аспирин, но слышу в ответ, что надо знать, от чего голова болит». И послали его на общие работы. Судьба заключенного целиком в руках лагерного руководства любого ранга. Впрочем, приписываемая ему статья была грозной, он обвинялся в вооруженном сопротивлении властям, пособничестве немцам.

Привели как-то больного охранника с «острым животом». Обращаются к Вериго: «Не хотите прооперировать?» Он стал мыть руки. По тому, как мыл, уже видно, что хирург. Скальпель взял — определили: опытный. Сделал не разрез — разрезик. Все насторожились, уж очень мал. А ручищи огромные. Нежно так вынимает желудок, все зачарованно смотрят — кудесник. А шов наложил — зааплодировали. После этого случая пошла о нем слава большого хирурга. Не меньшим специалистом он был и области гинекологии, в этом они соперничали с О.С.Косич, тоже превосходным мастером своего дела. До конца 50-х годов, уже после освобождения, он работал в Печоре заведующим хирургическим отделением железнодорожной больницы. А в самых сложных случаях его приглашали на операции в Центральную районную больницу. До своего отъезда в 1960 году в Сухуми не было хирурга равного ему в Печоре.[8]

К 1942 году в Мишаяге построили сангородок с хирургическом отделением, тубдиспансером. Здесь трудились врачи разных национальностей, среди них еврей Иосиф Бенцианович Кац, специалист

по туберкулезу, без рентгена безошибочно ставивший диагноз. Очень добрый, внимательный, стремился передать свои знания молодым. М.И.Комлева тоже входила в число его учеников, как и медсестра А.Е. Зубатюк (Некипелова), которая вспоминает: *«Туберкулезные больные очень нервные, а он всегда ровный, спокойный, терпимый, и нас учил обращению с больными. Поляк Адам Салтысик, блестящий хирург, осетинка Огоева Асият Габеевна, отличный гинеколог и терапевт, немец Лютер Беккер, хирург, бежавший от гитлеровского режима и попавший в разряд политически неблагонадежных... Рядом с такими людьми стыдно было работать плохо. Среди санитаров тоже были отлично работавшие, например, санитар Ваня, неграмотный паренек, а как дело свое вел! Помещение блестит от чистоты, инструменты всегда аккуратно сложены».*

Лазарет в Мишаяге начинает специализироваться на туберкулезных и психических больных, которых свозят сюда со всех колонн Печорлага. Десять корпусов лазарета. Огромным туберкулезным отделением руководил врач Сергей Андреевич Яковлев, тогда находившийся на положении заключенного. Психиатрическое отделение организовал и возглавил врач Александр Моисеевич Шульдер. До ареста он был главным врачом больницы им. Балинского в г.Ленинграде. Дважды арестован, в Коми находился в лагерях в Усть-Выми, Чибью, Воркуте, Абези, Печоре. Жена Елизавета Владимировна Богоявленская, врач-педиатр, тоже получила срок, с ней были высланы престарелая мать и две несовершеннолетние дочери. После освобождения Александр Моисеевич писал воспоминания о лагерных годах, они были опубликованы в журнале «Нева». Автор книги «По следам судьбы моего поколения» А.Л Войтоловская рассказывает о своей встрече в печорских лагерях с Елизаветой Владимировной, вспоминает ее мужа, который в свое время в Ленинграде лечил отца Войтоловской. [9]

Их дочь Камфорина (Шульдер) Светлана Александровна, ныне живущая в Санкт-Петербурге, рассказывает:

В Марушах (Мишаяге) находился академик П.И.Лукирский, с ним занималась математикой моя старшая сестра, ведь школы там не был. Когда я серьезно заболела, отец показал меня профессору Кацу. С нашей семьей дружила врач-стоматолог Гита Борисовна Зайцева. Муж ее был расстрелян как враг народа, в Ленинграде остался малолетний сын под опекой ее сестры. После возвращения матери он по-

лучил высшее образование, защитил докторскую, стал профессором-латинистом на кафедре университета.

С 1943 года Комлевы работают в лазарете №1, уже обустроенном под сангородок, с корпусами барачного типа, двумя вахтами: для вольнонаемных и заключенных. Мария Ивановна операционной сестрой, Борис Васильевич как лечащий врач и кустовой: «Мне дали сумку с красным крестом и сказали, что буду ходить по колоннам, помогать лекпомам выявлять больных для отправки в лазарет».

Боролись с цингой, собирая травы, ягоды: иван-чай, малину, смородину… Борис Васильевич организовал заготовку лекарственных трав, осенью сушили конский щавель для лечения дизентерии. Чтобы поднять настроение больным, ставили в корпусах букетики полевых цветов, собранных за зоной. «Цветы там росли на удивление красивые, сейчас таких и не вижу», — говорит медсестра А.Омельченко. В корпусах и вокруг них чистота, санитары, мужчины из заключенных, натирали все до блеска, простыни появились, наволочки, бязевое белье для больных.

Главным врачом лазарета был литовец Стасис Гаралис, видный, образованный, предмет восхищения окружающих. Уехал на родину в 1946 году после амнистии. Простым врачом-терапевтом работал профессор медицины Г.М.Данишевский, которому суждено было сыграть важную роль в истории здравоохранения г.Печоры. Но речь о том в следующих главах, а здесь вспомним лишь эпизод, относящийся к этому времени и рассказанный М.И.Комлевой. В 1944 году она была командирована в Москву, и Данишевский попросил передать письмо для его дочери.

Я прихожу на 1-ю Мещанскую, дверь открывает дочь, быстро затаскивает в квартиру, справляется, не видел ли кто меня: «Приходите завтра. У нас будет друг дома, все ему расскажете». На следующее утро я встретилась с супругой Данишевского, врачом-эпидемиологом Анной Давыдовной и главным хирургом Красной Армии Николаем Ниловичем Бурденко. Он начал расспрашивать, как живет Григорий Михайлович, сколько получает, какая у него комната. Жена в свою очередь переживала, что он не взял свою любимую чашку. Мне хватило такта никого из них не разочаровывать. Это поняла Анна Давыдовна, оказавшись в Печоре в качестве жены врага народа. Она получила срок за то, что приехала навестить мужа. Много унижений пришлось ей пережить, однажды не выдержала,

пожаловалась: «Я мою полы, а молодой охранник тут же плюет на пол — подотру, бросит окурок — мою заново, ползая на коленях. Он наступит на руку...»

В 1946 году лазарет №1 закрыли, больных перевели в лазарет при Центральном пересыльном пункте, вольнонаемных направили в клинику НИБа. В 1948 году в связи с переездом управления Печорлага в Печору из Абези и увеличением численности вольнонаемного населения, клинику НИБа расширили, выстроили больничные корпуса типа временных гражданских сооружений — Печорскую клиническую больницу (ПКБ) Печорстроя.

Лазарет Центрального пересыльного пункта (ЦПП) находился в зоне «пересылки», примыкавшей к территории НИБа. В 1942-1943 годах здесь трудился Любомирас Лауцевичюс, терапевт, литовец, позже работавший с Данишевским, живший в одной комнате с ним. После освобождения в 1945 году Лауцевичюс занял высокую должность в здравоохранении в Литве, стал профессором медицины.

Лазарет ЦПП был предназначен для лечения заключенных, прибывавших эшелонами по железной дороге. Из этапов людей принимали истощенных и больных. По архивным данным, например, с декабря 1944 года по 15 января 1945 года в Северо-Печорский ИТЛ поступили 7518 заключенных, которые находились в дороге 20-36 суток без нормального снабжения продовольствием, водой, топливом, в дороге умерли 13 человек, 95 больных сняты с этапа, во время приема поступившего контингента были сняты еще 1487 человек, подлежащих длительной госпитализации.[10]

К 1947 году лазарет имел семь корпусов и относился к 501-й стройке. По словам медсестры Ю.Г.Соколовой (Смирновой):

В корпусах нары, системы «вагонки», бязевое постельное белье и белье для больных. Баня раз в десять дней, действовали санпропускники для борьбы со вшивостью, от клопов спасались, обваривая топчаны горячим кипятком. В каждом бараке-корпусе десять палат, около 200 больных. При врачебном обходе, экономя бумагу, пользовались деревянными дощечками, на которых химическим карандашом писали предписание врача, потом переписывали в историю болезни, а дощечки сдавали в обработку, их скоблили стеклышком и утром приносили готовыми для записей. В корпусах очень чисто, на территории лазарета тоже идеальный порядок: посыпанные дорожки, аллея из осинок, цветы. В кабинете врача, в процедурной марлевые занавески, подкрашенные зеленкой,

с вышитыми тюльпанами, ведь среди заключенных были мастера и мастерицы на все руки. Многому научились мы у лагерных врачей, не только профессиональному мастерству, но и женскому рукоделью.

Основной диагноз поступавших — дистрофия, цинга. Смертность была высокая все годы. Хоронили на кладбище, где сейчас установлен памятный знак «Жертвам Печорлага». Из медикаментов главными были глюкоза с «аскорбинкой», молотый шиповник в мешках, сердечные капли, аспирин, аскофен, сиропы в стеклянных «грушах», дрожжи. Все это привозили из Абези. Витаминов не хватало, поэтому создавались ягодные бригады из медперсонала, собирали смородину, чернику и др.

В женском корпусе № 6 в медобслуге в 1947 году работала вдова писателя Александра Грина, тогда уже немолодая, но приятная черноглазая женщина Нина Николаевна Грин»

Начальником санчасти была вольнонаемный врач, член партии В.Н.Дробышевская, главным врачом — хирург Сузрико Состикович Агнаев, бывший заключенный по 58-й статье, осетин по национальности, позже работавший в лазарете на лесокомбинате. Врачи и медсестры, трудившиеся рядом с ним, вспоминают о нем как о профессионале высокого класса, который стремился, чтобы медперсонал изучал медицинскую литературу, повышал квалификацию. Он организовал работу медсестер таким образом, чтобы они по очереди практиковались во всех отделениях лазарета, набираясь разностороннего опыта. В лазарете работала вольнонаемный врач Валентина Сергеевна Чурилова, врачи-заключенные Нина Ивановна Ланникова, Юрий Иванович Лакоза,[11] Сергей Андреевич Яковлев, терапевты по специальности; хирурги Агонасьян, Николай Александрович Вериго, Витольд Бориславович Ярошинский, поляк по происхождению, умница, отличный специалист, работавший и в лазарете на лесокомбинате, обучивший многих молодых врачей; фельдшер Петр Иванович Симсон, опытный, знающий специалист; психиатр Александра Петровна Малиновская, Заслуженный врач РСФСР, женщина редкой доброты и интеллигентности, осужденная как член семьи врага народа, о ней вспоминает в своей книге «Жизнь— сапожок непарный» Т.В.Петкевич, характеризуя ее как «одну из самых замечательных женщин, встреченных в жизни»; психиатр Александр Моисеевич Шульдер, его супруга, детский врач Елизавета Владимировна Богоявленская.

После закрытия 501-й стройки с 1949 года и до 1954 года здесь располагалась Центральная лаборатория Санотдела Печорстроя МВД. Коллектив её состоял в основном из врачей, бывших на поселении после отбытия срока. Начальником была врач-«пищевик» Александра Николаевна Данкман, профессионал высокого класса, человек исключительной честности, пострадавшая как член семьи врага народа. Вместе с ней трудились: врач-биохимик Гусейн Гули Мирзоев, будущий кандидат биологических наук; врач-биохимик Меер Хоньевич Либо, врач-бактериолог Агата Дитриховна Ремпель; Иван Арсентьевич Богдан, биолог, бывший преподаватель института; Александра Андриановна Чудновская, врач клинической лаборатории, член семьи врага народа, приехавшая к заключенному мужу.

По воспоминаниям лаборанта К.П.Беловой, коллектив лаборатории был дружный, здесь часто собирались, чтобы послушать лекции по физике, шли беседы об искусстве, захаживал репрессированный художник Мансуров, наведывалась дочь маршала Тухачевского Светлана [12].

Печорцы помнят Агату Дитриховну Ремпель, врача-инфекциониста, работавшую в НИБе, спасавшую Светлану Тухачевскую в психиатрическом отделении, куда редко отваживались заглядывать охранники и лагерное начальство. Агата Дитриховна жила в Печоре до 1950 года, пока ее как немку не отправили в очередную ссылку в Казахстан. Красивая, солидная женщина, была она отличным специалистом и замечательным человеком. Белова на всю жизнь запомнила уроки добросовестности, которые дала ей Агата Дитриховна: «Лабораторные анализы выполняй тщательно, будто для самого близкого человека стараешься».

В 1954 году учреждение закрыли, часть медперсонала перевели в СЭС ст.Печора, часть — в НИБ (тогда уже больницу №2 ст.Печора). В освободившемся корпусе до 1965 года находилось психоневрологическое отделение больницы железнодорожников.

Лазарет при лесокомбинате находился в зоне ОЛПа[13] лесокомбината (ныне улица Поисковая). Первым врачом в 1941 году был Гельман, фельдшером при нем — Калашников. Долгое время здесь работал главврачом С.С.Агнаев.

К 1945 году этот лазарет стал относительно благоустроенным учреждением, санитария на высоте, перед корпусами клумбы с цветами. Начальником лазарета была вольнонаемная Рубен, чрезвычайно строгая и требовательная. В терапевтическом отделе-

нии лечил врач В.Б.Ярошинский. После освобождения он жил во Львове, пока не разрешили выезд в Польшу. Продолжительный период работала вольнонаемный врач Галина Васильевна Дьякович. В разное время здесь трудились медсестры А.И..Вышегородская (Ильюшина), М.И.Калиненко, Н.И. Серпунина (Соболева), которая вспоминает:

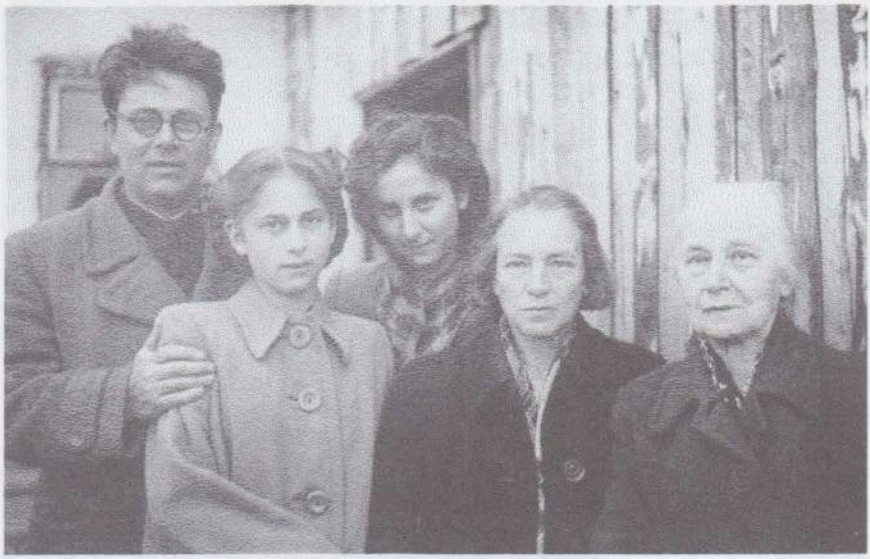
С 1945 года я была медсестрой в терапевтическом отделении. Работали круглосуточно. Лазарет большой, все отделения. На каждой колонне лесокомбината был медпункт, на некоторых небольшие лазареты на 12 коек, откуда при серьезных заболеваниях направляли в лазарет на лесокомбинат, а оттуда в затруднительных случаях в НИБ. Умерших увозили хоронить на кладбище старого поселка.

Лазарет лесокомбината расформировали и перевели в отделенческую больницу №2 ст.Печора после 1953 года, а я с 1949 года работала на колонне №1, где были «политические» заключенные. В колонне 1200 человек, норма освобождения 1%, на самом деле больных было гораздо больше — около 40-50 человек ежедневно.

По архивным данным, на 1 января 1944 года по всему огромному Печорскому лагерю — 3693 стационарных больных, это 16% списочного состава з/к, 200 человек в «оздоровительных командах», 892 инвалида. Это не значит, что всего 16% больных в лагере, нуждающихся в стационаре, просто, таково количество имеющихся «койкомест». Их лечат 118 врачей, в т.ч. 65 з/к, 160 фельдшеров, 120 з/к, 170 медсестер, из них 87 з/к, 29 фармацевтов — все заключенные.[14] В числе этих врачей-заключенных Бек-Домбровский, посаженный по делу «врачей-отравителей». Главный врач, хирург 4-го сангородка на станции Пернашор, он участник нескольких научно-практических конференций врачей в Абези в 40-е годы. В эти же годы в лагерном совхозе «Фион» работает главным врачом поляк Адольф Лящак, который в 1938-м со студенческой скамьи, попал в сталинские лагеря. [15]

Узник Севжелдорлага Лев Разгон писал: «…врачи выполняли свой профессиональный и человеческий долг в бесчеловечных условиях унижения, угроз, зависимости от вертухаев, «контрольных цифр» на освобождение от работы. У них не хватало лекарств, инструментария, но они лечили, оперировали, освобождали от работы, спасали людей, давая им на «комиссовке» легкую категорию труда. Каждый, кто был в «Архипелаге» и выжил, не имеет права говорить о лагерных врачах без чувства глубокой благодарности».

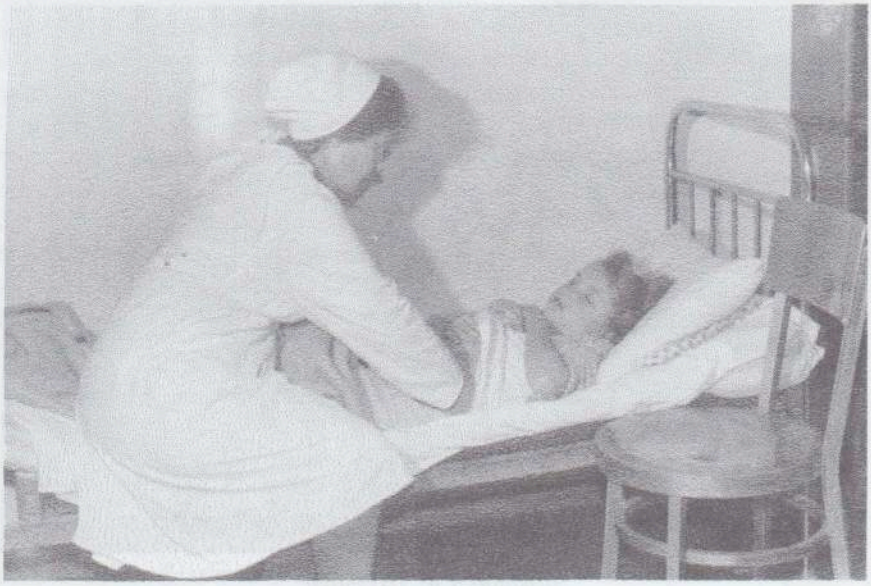
Работники больницы № 8: А.А.Коншин, Л.Р.Шавель, Б.В.Комлев.



Доктор А.М. Шульдер
с детьми и супругой — врачом Е.В.Богоявленской (2-я справа).

Врач Н.А.Вериго

Врач Т.Ф.Мельникова



Ю.С. Куниевская (Вольпер) на обходе.

Глава 2

Научно-исследовательская база санитарного отдела Печорстроя, возглавляемая профессором медицины Г.М. Данишевским в п. Печора в 1944-1948 годах

В городе Печоре есть жилой район, который в народе до сих пор называют НИБом, хотя мало кто задумывается сейчас над этимологией этого слова. Здесь находилась научно-исследовательская база САНО Печорстроя, где с 1944 по 1948 годы впервые в советской медицине проводилось комплексное изучение проблем медицины Крайнего Севера.

О личности организатора и руководителя этого учреждения Г.М.Данишевского (1890-1971) писали: «Крупный ученый, организатор… известный многим работникам Севера, член компартии с 1920 года, начал свою деятельность полковым врачом в 1914 году. С первых дней Октября он отдал свой талант организации советского здравоохранения».[16] Об этом периоде его жизни вспоминает известная большевичка Р.М.Азарх в своих мемуарах «У великих истоков»: «Бывший первым заместителем начглавсанупра Украины, он проявлял огромные организаторские способности, мужество и подлинную отвагу, возглавляя борьбу с сыпным тифом на Украине и находясь в районе боевых действий».

После гражданской войны Данишевский стал основателем и первым директором Центрального института курортологии и Института усовершенствования врачей. В эти годы широко развернулась его научная деятельность. Он — участник ряда Международных конгрессов по ревматологии, где выступал с программными докладами.

В 1938 году Данишевский предстал перед судом по «делу врачей-отравителей», был отправлен на Дальний Восток, находился на Колыме, в Магадане. В Печорлаг он попал в 1941 году, сначала в Абезь, был на общих работах,[17] затем занимал должность врача-терапевта в лазарете на печорской пересылке, откуда был переведен в лазарет №1. На Печоре он вернулся к научным исследованиям.

Надо сказать, что научным вопросам Северной медицины советское здравоохранение почти не уделяло внимания, хотя до освоения этих мест ГУЛАГом здесь проживало коренное население.

Первыми серьезно начали заниматься этой проблемой отдельные ученые, узники северных лагерей, оказавшиеся здесь в конце 30-х годов. Основная причина смерти в лагерях — голод, поэтому внимание врачей было направлено на болезни алиментарного происхождения (цинга, пеллагра, алиментарная дистрофия). На Печорском Севере возник ряд лабораторий по изучению этих болезней, по заготовке витаминоносных препаратов и дрожжей. Мы уже говорили о деятельности академика Зильбера на Печоре по изобретению антипеллагрина из дрожжей. В начале 40-х годов врач В.Я.Чекин в Воркуте изучал актуальный вопрос С-авитаминоза. Он установил, что оленеводы в тундре, в отличие от пришлого населения, не страдают С-авитаминозом. Оказалось, что источником насыщенности их организма витамином «С» является сырое оленье мясо, в котором обнаружено высокое его содержание. В.Я.Чекин написал ряд статей, в частности, «Профилактика цинги на Крайнем Севере». В 1949 году он защитил кандидатскую диссертацию «Авитаминоз в условиях Заполярья», а позже и докторскую. Здесь же, в Воркуте, вел научную работу врач В.Н.Смирнов. Его статья «Особенности течения некоторых инфекционных болезней в Заполярье» была опубликована в 1941 году в журнале «Клиническая медицина». Доктор Бергман изучал особенности течения тонзиллитов на Севере. Было создано медицинское научное бюро Воркутугля (рук. Т.Н.Надеинская). В Абези занимались научной деятельностью врачи Н.М.Обрядина, Б.М.Болтянский («Авитаминозные поражения органов зрения на Печорском Севере». Абезь, 1946 г.). То есть закладывались основы совместных разработок коренных проблем патологии человека на Крайнем Севере. Этому способствовали ежегодные научно-практические конференции врачей в п.Абезь, в п.Печора.

Особенно интенсивно и в большом масштабе исследования начали проводиться в Печоре в НИБ САНО Печорстроя в 1944-1948 годах.[18] Возглавляемая Данишевским группа врачей, вольнонаемных и заключенных, занималась изучением вопросов краевой патологии и акклиматизации. В работе принимали участие врачи Д.Н.Грацианский, Ю.И.Лакоза, Л.Р.Шавель, А.Я.Воронова, А.Д.Ремпель и др.

Г.М.Данишевский вел исследования по клиническим особенностям пневмоний при пеллагре на Печоре, влиянию климата печорского севера на человека, гиповитаминозам на севере. Принимал участие во врачебной конференции в Печоре в 1942-ом, 1943-ем, 1946-ом, 1947-ом и 1948 годах, врачебной конференции в Абези в 1945 году,

1-й конференции НИБ в 1945 году, 1-й конференции ПКБ и НИБ в 1948 году.

Ю.И.Лакоза изучал клинику пеллагры, сыпного тифа, туберкулеза на Печоре. Участвовал в конференции врачей в Печоре в 1942-м, 1943-м, 1945-м и 1947 годах, врачебной конференции в Абези в 1944-м, 1945 годах, в 1-й конференции НИБ в 1945 году, 1-й конференции ПКБ и НИБ в Печоре в 1948 году.

Д.Н.Грацианский работал с 1947 года над клиникой туберкулеза и желтухи. А.Д.Ремпель изучала гепатиты, малярию.

Особый упор в работе НИБ был сделан на борьбу с нехваткой витаминов и преодоление её последствий с помощью местного растительного сырья. Поэтому наравне с сугубо медицинскими проблемами столь остро стоял вопрос изыскания местных пищевых и витаминных ресурсов, поэтому к деятельности группы врачей были привлечены метеорологи, ботаники, агрономы, химики. Профессор, доктор физико-математических наук Анастас Жвиронас проводил метеонаблюдения, ботаник М.И.Пряхин, агрономы Я.И.Панченко, И.А.Богомаз, И.А.Жук создали опытную агробиологическую станцию, где изучали флору Печоры и выращивали на опытном участке новые для Средней Печоры растительные культуры; химик-технолог В.М.Козин разрабатывал технологию обработки лекарств и витаминного сырья, инженер-химик А.Н.Арефьев создал проект местного витаминно-пищевого комбината.

Так на Крайнем Севере возникло научно-медицинское учреждение, где впервые была начата стационарная научно-исследовательская работа, результаты которой, по словам Данишевского, «привлекли внимание научной общественности далеко за пределами северопечорского железнодорожного строительства».

В состав НИБ входило три отделения: клиническое, отделение медицинской климатологии, опытная ботаническая станция с витаминно-пищевой лабораторией. Кроме того, небольшой музей Северной медицины и научная библиотека.

В клинике для вольнонаемных на 50 коек имелась грязелечебница, кабинет физиотерапии, рентгенкабинет, клинико-диагностическая и биохимическая лаборатории и небольшой аэросолярий. В грязелечебнице применялась привозная грязь из Сольвычегодска.

Из сборника «Работа НИБ за 1946-1947 годы в цифрах и фактах» мы узнаем, что в клиническом отделе за 1946 год пролечилось 384 человека. Наиболее распространенные диагнозы: дистрофия, гипо-и

авитаминозы, последствия травм, ревматизм, сердечно-сосудистые заболевания.

В отделе медицинской климатологии трудился профессор-физик, литовец Анатас Жвиронас (1899-1954), обвиненный в попытке создать подпольную организацию против советской власти в Литве и осужденный на 10 лет лагерей и 5 лет ссылки. Блестящий педагог, начинатель спектроскопических исследований в Литве, автор около трехсот научных трудов, в 1933 году получивший степень доктора философии в области экспериментальной атомной спектроскопии. В НИБ он занимался метеорологией и климатологией. Отчет о работе Жвиронаса звучит так:

Разработаны:

1. Данные метеонаблюдений на территории НИБ по 1 января 1948 года.

2. Некоторые данные изучения совместно с Печорской клинической больницей, в частности, влияние метеофакторов на организм человека.

Прочитаны доклады на врачебных конференциях в Абези и Печоре: «Особенности климата Средней Печоры», «Свойство солнечного луча на Крайнем Севере». Принимал участие в лектории для больных клиники НИБ.

Вывод, который делает А.Жвиронас на основе научных исследований: климат Среднего Печорского севера следует характеризовать как неблагоприятный для жизни и труда человека в течение большей части года.

С 1946 года занимается климатологией В.П.Шарка, изучает «Особенности солнечного луча на Печорском Севере».

Третьим крупным отделом НИБ была опытная ботаническая станция.

Работу отдела возглавлял ботаник Михаил Иванович Пряхин, москвич, отбывавший десятилетний срок.[19] Старожил города Н.Н.Жоля рассказывает, как в 1946 году со своим другом-грузином был вызван к начальнику пересылки Гоглидзе и направлен к Данишевскому и Пряхину на строительство теплицы: «Они отнеслись к нам очень участливо, подкормили, и мы быстро построили теплицу, вернее, расширили имеющуюся маленькую тепличку размером около 20 м^2 до 200 м^2. Увеличили котельную, соорудили двухъярусные полки для рассады. Свирепствовала цинга, и Михаил Иванович выращивал здесь лук, чеснок, другую зелень. Это был невысокого роста, немо-

лодой, но очень энергичный человек. В сопровождении конвойного он ездил по колоннам, обучал медперсонал правильному приготовлению хвойного напитка, контролировал его потребление».

Медсестры вспоминают, что Пряхина они видели денно и нощно ковырявшегося в земле. Его энтузиазм передавался всем. И профессора Данишевский и Грацианский часто присоединялись к огородным работам. Перед фасадами корпусов лазарета были разбиты цветники, где выращивались прекрасные цветы, такие, как пион уклоняющийся (марьин корень), здесь же росли ягодные кустарники, зелень, кусты ревеня. В палатах больных, в корпусах для вольнонаемных до ноября на тумбочках стояли срезанные цветы. Медперсонал принимал участие в сборе ягод, лекарственных трав. Делались запасы на всю зиму.

О глубине и серьезности исследовательских работ отдела свидетельствует научная документация,[20] в которой обозначено 11 направлений деятельности, важнейшие среди них: выявление и создание новейшими методами селекции высоковитаминных урожайных скороспелых и холодостойких сортов; изучение и выявление фаз развития растений по динамике накопления витаминов «С» и «А»; изучение сроков посевов овощных и картофеля; изучение и использование дикорастущих витаминоносов пищевых и лекарственных растений; озеленение населенных пунктов строительства ПЖДС в районе Средней Печоры; хранение и консервация растительной продукции.

Особенность агрономических изысканий, проводимых Опытной ботанической станцией НИБ, заключалась в том, что эти исследования тесно связаны с медицинскими, и во главу угла ставили не просто получение валовой продукции сельского хозяйства, но внедрение в земледелие района наиболее полезных для здоровья человека видов культур, с повышенным и комплексным содержанием витаминов и лекарственных свойств. Это тем более актуально на фоне очень бедного ассортимента традиционно выращиваемых местных культур.

М.И.Пряхин и инженер А.Н.Арефьев по результатам работы станции за 1944-1947 годы докладывали:

При первой же ботанической рекогносцировке в радиусе 10 км от ст. Печора было выявлено 85 видов витаминоносов и лекарственных растений, большая часть которых широко распространена по району Строительства, например, заросли шиповника, запасы которого требуют экспедиционного исследования, инвентаризации, законодательных мероприятий по охране.

Культурная растительность района Печоры отличается крайней бедностью и случайностью своего состава. Например, наибольшим распространением пользовался турнепс, тогда как в районе Печоры с хорошими результатами можно выращивать свеклу, морковь, брюкву, прекрасно развивается цветная капуста, китайская капуста, кольраби. Каждый из этих видов является несравненно более ценным в пищевом отношении и как витаминонос. Совершенно не высеваются такие ценные зеленные культуры, как лук-батун, шпинат, садовая лебеда, петрушка, сельдерей, укроп. Между тем все эти культуры прекрасно себя чувствуют на опытном участке. Совсем не занимается население плодово-ягодными растениями. На опытном участке станции растут около тысячи кустов местной смородины, шиповника, впервые получены хорошие урожаи садовой земляники.

Из лекарственных растений возможна культура дигиталиса, наперстянки, ревеня, испытывается еще 30 видов лекарственных растений средней полосы.

Для организации здорового отдыха большое значение имеет озеленение. Поэтому ботаническая станция с первого года существования обратила внимание и на декоративные растения. Оказалось, что вопреки утверждению, что «здесь все равно ничего расти не будет», впервые в Печоре создан цветник, в котором с успехом росли и цвели свыше 20 видов излюбленных растений Средней полосы, за ними велись наблюдения. Высажены местные декоративные дикоросы: купальница, пион, синюха, поповник, жимолость и другие в цветнике перед северным фасадом больницы.

В отчете отдела за 1946-1947 годы читаем:

— Заложен плодово-ягодный участок, высажены 1200 кустов земляники и клубники, впервые плодоносившие в Печоре, 780 кустов местной красной и черной смородины, 500 кустов местной малины, 100 кустов местной поленики, сибирская яблоня, вишня, ирга, шиповник.

— На микроклиматическом участке выращены холодостойкие помидоры с применением простейших укрытий.

— На овощном участке испытывалось 25 культур, 70 сортов в 115 вариантах.

— Ведутся фенологические и метеонаблюдения: 4 раза в сутки измеряется температура почвы на поверхности и в глубине 10-20 см. Данные обрабатываются и сводятся в отчет.

— Получен посадочный материал картофеля 19-ти сортов, 17 сортов картофеля дали урожай больший, чем местный сорт «Ранняя роза».

— Составлен ассортимент растений для внутреннего и внешнего озеленения. Продано различным учреждениям строительства цветов на сумму 5000 руб. Впервые в Печоре выращены живые цветы на празднование Октябрьской годовщины.

— Составлен список растений для укрепления железнодорожных откосов.

— Организована сельскохозяйственная опытная станция на территории совхоза «Печора».[21]

Полученные урожаи овощных культур (свекла, морковь, репа) и картофеля превосходят урожаи Печорской опытной станции имени А.В.Журавского в с.Усть-Цильма, наиболее близкой по климатическим условиям.

Как видим, родившись в недрах медицинского учреждения, опытная станция в своей деятельности вышла далеко за рамки сугубо медицинских проблем. Она заложила основы культурного земледелия на Средней Печоре, внедрив новые сорта и виды сельскохозяйственных растений, ставших теперь обычными на наших дачах и земельных участках. Ей же мы обязаны зелеными улицами города, обилием акации, сирени, боярышника, тополей и поныне радующих печорцев.

Коллектив научно-исследовательской базы ставил перед собой цели не только научные, но и просветительские. Поэтому при НИБ были организованы Музей северной медицины и научная библиотека. Основная тема экспозиции музея — «Проблемы жизни человека на Крайнем Севере с медицинской точки зрения». Интересной была экспозиция ботанической станции: много гербариев, образцы сельскохозяйственной продукции, которые посылались и в Москву. В свою очередь, получали семена из ВИЛАР (Всесоюзный институт лекарственных и аптечных растений), из Московского ботанического сада, сортовой картофель из Института картофеля и литературу по картофелю. Часть собранных гербариев передавалась местной школе, другим медицинским учреждениям строительства. На базе музея проводились курсы витаминоваров, куда приглашали медработников с лагерных колонн, даже с отдаленной стройки № 501. Рассылались инструкции по озеленению и наборы семян всем лечебным точкам строительства.

При музее работал лекториум. Лекции для больных и врачей, радиобеседы для жителей Печоры по профилактике заболеваний, ведению приусадебного участка, по использованию местного лекарственного и витаминного сырья до сих пор помнят старожилы Печоры. Лекции и конференции проводили Данишевский, Жвиронас, Пряхин, Арефьев, Богомаз и другие.

Книги для научной библиотеки выписывались отовсюду. В эту же библиотеку поступали и научные труды работников НИБ, в частности, «...подготовлена для издания брошюра Куниевской Ю.С. «Как вырастить здорового ребенка на Севере», от ботанической станции получены «Советы огородникам» Панченко Я.И., «Флора Средней Печоры» Пряхина М.И. Экземпляры трудов Пряхина М.И. сданы в САНО ПЖДС, ГУЛАГ и Музей НИБ. Отчеты по лекарственным и декоративным растениям отправлены в ВИЛАР, Ботанический сад №1 при МГУ, Институт полярного земледелия. Инженер Арефьев передал рекомендации по профилактике цинги в условиях Печорского железнодорожного строительства, разработку заводской установки по производству порошка шиповника, мощностью 100-120 кг продукции в сутки, производству витамина «С» из хвои».

Первые итоги работ НИБ были представлены в 1946 году на выставке, организованной в Сыктывкаре Коми филиалом Академии Наук СССР в честь 25-летия Коми автономии. 21-22 августа в Кировском парке была развернута выставка достижений народного хозяйства за годы советской власти. Один из павильонов представлял Печорскую научно-исследовательскую базу (ПНИБ). Гидом павильона был недавно освободившийся врач В.П.Шарка, в оформлении стендов участвовал репрессированный художник Б.Мотузявичус.[22]

НИБ Печорстроя явился инициатором и организатором 1-й Объединенной конференции врачей северных строек, впервые поставившей на обсуждение проблему акклиматизации человека на Севере. В конференции, проходившей 20-22 апреля 1948 года, участвовало 119 делегатов от Печорстроя, Воркутугля, Ухтокомбината, Печорского водздрава и Кожвинского райздрава. В своей резолюции конференция отметила необходимость «...продолжать изучение вопросов акклиматизации и оздоровления населения северного края и исследование особенностей возникновения и течения заболеваний в условиях северного климата, в первую очередь гиповитаминозов, расстройств сердечно-сосудистой системы, туберкулеза и аллергических заболеваний». Основная задача конференции — объединение

усилий для выработки общего плана медицинских мероприятий для Северного края на ближайшие годы, создание единого научного плана на 1948-1950гг, разработка мероприятий по обмену опытом, обучению медицинских кадров.

В работе конференции принимали участие врачи Печорского водздрава и Кожвинского райздрава из поселка речников Канина, лечившие вольное население поселка и района. В коллективах врачей здесь тоже было много репрессированных, назовем несколько имен. А.А.Вишневский — работал в районной поликлинике после освобождения, в 40-е годы, отбывал срок по «делу Горького», был женат на Вассе Васильевне Горской, главном враче районной больницы. Заведующим хирургическим отделением был Михаил Григорьевич Романов, отбывший срок в Воркутлаге за «нахождение на оккупированной территории» и реабилитированный в 1958 году. Это был талантливый хирург, заслуженный врач Коми АССР, имевший научные работы по вопросу о неингаляционных наркозах. С начала 50-х годов вел прием в Печорской линейной больнице водников Андрей Андреевич Иванов — до ареста ведущий невропатолог крупного медицинского учреждения Москвы, необыкновенный диагност и редкой интеллигентности человек, пострадавший за то, что жена выезжала за границу. Наконец, нельзя не назвать Андора Самуиловича Левингера, венгра по национальности, который, будучи студентом медицинского факультета Будапештского университета, вступил в ряды Коминтерна, стал ближайшим сподвижником Бела Куна, сотрудничал в международных газетных изданиях в качестве корреспондента. Его осудили за шпионаж при разгроме Коминтерна, он попал в Ухтпечлаг. С 1946 года работал в Печорской линейной больнице водников госсанинспектором, потом и.о.главного врача Печорской линейной санэпидстанции. [23]

В 1948 году на базе НИБ были построены больничные здания типа временных гражданских сооружений — Печорская клиническая больница (ПКБ) Печорстроя. Нужда в этом возникла в 1947 году, когда управление Печорстроя перебазировалось из Абези в Печору, и увеличилось население будущего города. «В 1948 году было закончено строительство клинического городка для НИБ с терапевтическим, хирургическим и детским корпусами, лабораториями, лечебными и прочими устройствами. Также введена в строй специально построенная и оборудованная для НИБ метеорологическая станция. Переведенная в новый клинический городок, НИБ вскоре была реорганизована в Печорскую клиническую больницу, научным руководителем которой

назначен Г.М.Данишевский. На работу в эту больницу был переведен штат врачей больницы из Абези: главный врач А.М.Шехтер, хирург О.С.Косич и др.» [24]

Здесь трудились около пятнадцати замечательных врачей, оставивших след в истории печорской медицины и в памяти печорцев. Это хирург Олимпиада Степановна Косич, пострадавшая в годы войны вместе с мужем немцем. Впоследствии заслуженный врач РСФСР и Коми АССР, в последние годы она жила в Москве. О ней говорят старожилы: «К машине скорой помощи всегда бежала». Это Лев Романович Шавель, заслуженный врач Коми АССР, заведующий лоротделением, первый отоларинголог в Печоре. Он закончил Военно-медицинскую академию им. Кирова в Ленинграде, до ареста был военврачом в Красной Армии, где более двадцати лет занимал командные должности. В Печоре прожил около двадцати лет. Юрий Иванович Лакоза — заведующий бальнеотерапевтическим отделением НИБ и ПКБ, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Климатические особенности течения гепатита на Севере». С 1950 года работал совместителем в отделенческой больнице железнодорожников, а в 1958 году уехал на жительство в Рязань. Борис Васильевич Комлев был хирургом, организатором и заведующим пунктом переливания крови. Сергей Андрианович Елистратов — врач-окулист, по совместительству работал в больнице железнодорожников. Юлия Степановна Куниевская (Вольпер), заслуженный врач Коми АССР, педиатр, на выездной сессии АН медицинских наук в Мурманске выступала с темой «Распространение и климатическое течение ревматизма детей на Печоре», в 60-е годы участник двух Международных съездов педиатров в Киеве и Ленинграде. Сергей Яковлевич Яковлев — врач-фтизиатр в специализированном отделении НИБ и ПКБ, неоднократно выступавший с докладами на дорожной конференции терапевтов. Александр Григорьевич Зебров — хирург, универсальный специалист, трудился в лазарете №1, в НИБ и с 1950 года совместителем в отделенческой больнице. Шульдер Александр Моисеевич — опытный психиатр, к которому ехали на лечение со всей северной железной дороги, его супруга врач-педиатр Елизавета Владимировна Богоявленская. Замечательный хирург Николай Александрович Вериго. Профессор Дмитрий Николаевич Грацианский, его имя было известно в медицинском мире. Василий Михайлович Архаров, врач-универсал, здесь работал детским врачом.

О самом Данишевском врачи говорят так: «Он бесконечный генератор идей. Собирал медиков, дарил идею, помогал ее разрабатывать. Организовывал доклады, конференции, на них приглашались все. Не считалось стыдным чего-либо не знать — позором было пропустить лекцию»

Данишевскому удалось создать творческую атмосферу в коллективе, где все помогали друг другу профессионально совершенствоваться. Ученые делились своими знаниями, умениями не только с врачами, но и с медсестрами, прививали высокую культуру взаимоотношений друг с другом и с больными. «Школа жизни была высокой. И мастерства. Поступал больной — Данишевский, Вериго, Косич созывали весь средний и младший медперсонал: смотрите, учитесь, не бойтесь, пробуйте, пальпируйте, выслушивайте, выстукивайте. В конце концов, все медсестры, фельдшера безошибочно ставили диагноз. А культура! Девчонки, в основном, из деревень. Что видели, что знали?! Академики, профессора учили, как подходить к больному, как обратиться, представиться, улыбнуться, какие слова сказать обреченному. Большое почтение было к старшим по должности. Санитары уважительно относились к медсестрам. Сестры милосердия вставали, когда заходил врач. Это не муштра, не строевщина, не боязнь — именно почтение к тому, кто больше знает, умеет, к учителю, старшему. Жаль, что этим откровенно пренебрегают сейчас»,— говорит М.И.Комлева.

Отбыв срок заключения, в 1950 году Данишевский переходит в железнодорожную больницу и разворачивает деятельность по созданию нового, современного медицинского комплекса в городе Печоре — отделенческую больницу №1 (№8) ст.Печора Северной железной дороги.

А какова же судьба НИБ? С 1953 года, началом ликвидации системы ГУЛАГа, Печорская клиническая больница Печорстроя (НИБ) реорганизуется в отделенческую больницу №2 ст.Печора Печорской железной дороги, с 1959 года — это узловая больница №9 ст.Печора Северной железной дороги, а в 1965 году больница №9 стала филиалом больницы №8. Здесь в разное время трудились замечательные медработники: начальник больницы Валентина Александровна Власова, Артур Сигизмундович Абрагам, уроженец Германии, бывший на поселении опытный врач, заведующий терапевтическим отделением, требовательный к медперсоналу,[25] заведующая баклабораторией Александра Николаевна Данкман,

врач-лаборант Александра Андриановна Чудновская, детские врачи Е.В.Богоявленская, Ю.С.Куниевская (Вольпер), врач-стоматолог Надежда Николаевна Клепинина, Александра Павловна Шмидт, Альфа Дальмагоновна (Фаина Дмитриевна) Муртазина, Зоя Дмитриевна Лазина, Галина Александровна Сметанина, врачи-гинекологи Галина Васильевна Зверева и Олимпиада Степановна Косич, венерологи — фельдшеры Борис Васильевич Волосович и Андрей Сергеевич Пинчук, лаборант К.П.Белова (Арбузова), медсестра А.И.Омельченко (Серкина) и другие.

В 1969 году корпуса бывшего НИБ закрыли, объединили в одно помещение с больницей №8 с общим количеством коек — 325.

Обобщив научную работу коллектива НИБ, Данишевский опубликовал две монографии: «Акклиматизация человека на Крайнем Севере», «Патология человека и профилактика заболеваний на Севере». Особенную ценность имеет последняя, ставшая настольной книгой медицинских работников Крайнего Севера.[26]

Глава 3

Г.М. Данишевский — организатор первого медицинского комплекса в городе — отделенческой больницы (№ 8) станции Печора Северо-Печорской железной дороги в 1950-1955 гг

В конце 1953 года на болотистом склоне между Печорой и Канином поднялись великолепные здания больницы и поликлиники железнодорожников — первого медицинского комплекса в городе Печоре. В разработке его проекта деятельно участвовал профессор Данишевский, обладавший инициативой, организаторским опытом. Вместе с проектировщиками и группой заказчика он повседневно осуществлял контроль за ходом строительства.

Но история дорожной больницы ст. Печора начинается раньше. В начале 1940-х годов для приема вольнонаемных железнодорожников был выделен барак, приспособленный под амбулаторию. Обслуживание возглавил доктор Алексей Иванович Акользин [27]. В прошлом главный врач городской больницы в Самаре, он с 1933 года

находился в лагерях. В конце срока работал врачом в Абези и на северных лагпунктах Печорлага, после освобождения в 1943 году — главным врачом амбулатории железнодорожников в п.Печора, потом начальником санчасти 1 отделения Печорстроя (Печорлага). После реабилитации в 1956 году вернулся в Куйбышев.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 10 июля 1950 года в здании барачного типа на месте нынешнего контейнерного двора была открыта больница железнодорожников. В статье к юбилею больницы А.А.Коншин пишет:

Первая зима была суровая: холодная, пуржистая. Все кабинеты и СЭС (за одним столом) разместились в одном бараке. Для неотложной помощи была одна грузовая машина с единственным и безотказным шофером Мишей Южаниным. Родильного отделения в только что открытой больнице не было, а больницы Печорстроя не принимали рожениц, работавших на железной дороге, и выезжать молодому врачу Людмиле «маленькой» (Людмиле Анатольевне Байковой) приходилось в кабине паровоза. По сугробам добирались до путейских домиков. Принимали роды при свете керосиновой лампы, без воды, используя снег.

И только в конце 1950 года получили две квартиры под стационар по ул. Строительной д.13. По этому случаю, начальник лечебного объединения ст. Печора издал приказ № 72 от 25 декабря 1950 года:

«В связи с предстоящим открытием больницы и организационным периодом больничного хозяйства назначаю: врачом терапевтического отделения врача тов. Данишевского Г. М., с переводом его из штата поликлиники в штат больницы с 25 декабря с.г. Врачом хирургического отделения врача Зеброва А. Г. по совместительству на полную ставку».

Инженер-капитан В. Плисов.

При открытии в дорожной больнице ст. Печора было 18 коек, 16 врачей, 132 человека персонала больницы. Несколько позже открылся стационар на 50 коек в приспособленном под больницу здании, благодаря стараниям прораба и друга больницы инженера К.Л.Рыжкова.[28] Плюс к этому 12 родильных коек в прежнем помещении стационара. Радости коллектива не было конца. Появилась независимость от больницы Печорстроя.

Здесь Данишевский продолжил медицинские исследования при участии врачей К.А.Икрянниковой, Н.М.Николаевской, Т.Ф.Мельниковой и других. Особенное внимание постановке ле-

чебного дела в Печоре уделял замначальника Главсанупра МПС В.М.Захарченко. Он организовал помощь молодому коллективу в снабжении, повышении квалификации и специализации молодых врачей.

В январе 1951 года прибыли из Центральной клинической больницы №1 МПС ведущие многоопытные врачи: терапевт М.О.Левитанская и хирург А.И.Павлович. Они были первыми наставниками молодых врачей, выпускников мединститутов 1950 года: Л.А.Байковой, Н.Т.Абрамовой, Л.И.Алексеевой, Н.М.Николаевской и других. «Левитанская и Павлович провели большую работу по консультативной помощи и ознакомления с постановкой лечебного дела в такой столичной больнице, как ЦКБ-1 МПС. Прививали высокую культуру лечебной деятельности. Чуткие и душевные товарищи-наставники». [29]

Наставниками были и опытные медработники учреждения, такие, как санитарный врач Лиман, сидевшая по «делу Горького», врач-гинеколог Крауз, венгр по национальности, работавший до 1955 года в больнице железнодорожников, а потом уехавший на родину. О нем вспоминают как о докторе чрезвычайно внимательном, жалостливом, аккуратном.

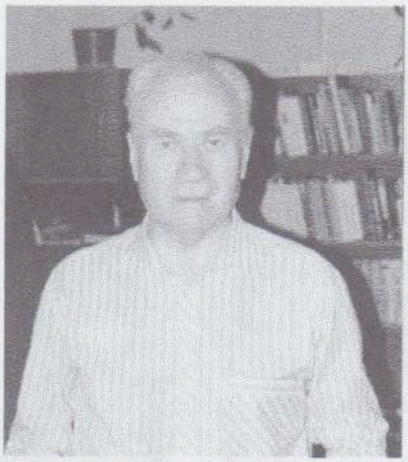
Такова краткая предыстория больницы.

Молодой город рос, росла необходимость в расширении медицинского обслуживания. Постановлением Совета Министров СССР от 4 апреля 1952 года было решено начать строительство медицинского комплекса. В разработке проекта активно участвовали С.Л.Этигон, Г.И.Вольфсон. Больница строилась по техническому проекту Главтранспроекта МПС, главный инженер проекта — Гонигберг. Работы по строительству выполнялись 6-м строительным отделением Печорстроя.

11 января 1954 года больничный городок, лечебное объединение №1 ст.Печора (с 1965 года — отделенческая больница №8) был принят в эксплуатацию. Это первый не только в Печоре, но и во всем отделении Северной железной дороги по величине и мощности оборудования медицинский комплекс, полностью благоустроенный, с центральным отоплением, горячим водоснабжением, канализацией и очистными сооружениями, со всеми подсобными службами. В больнице было развернуто 200 коек пяти основных профилей. Рядом в двухэтажном здании — поликлиника. Напротив дом врачей, где до 1955 года жил Данишевский.

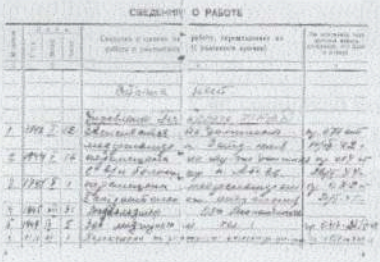
Коллектив отделенческой больницы № 2.
В первом ряду: Е.В.Богоявленская, В.А.Власова, А.С.Абрагам. 1953 г.

Домик главного врача лазарета на лесокомбинате



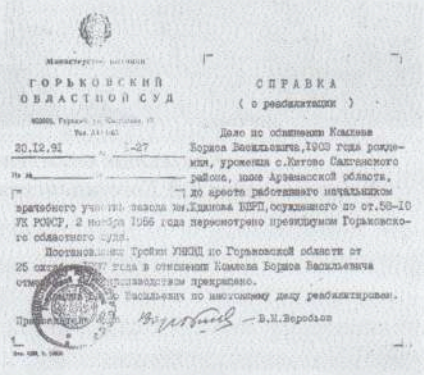
Врач-лаборант М.Х.Либо

Остатки лазарета № 1 по улице Больничной



СВЕДЕНИЯ О РАБОТЕ

Трудовая книжка медфельдшера Н.И.Серпуниной, будущего Почетного гражданина г.Печоры



Министерство юстиции

ГОРЬКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СУД

СПРАВКА

(о реабилитации)

20.12.91 № 1-27

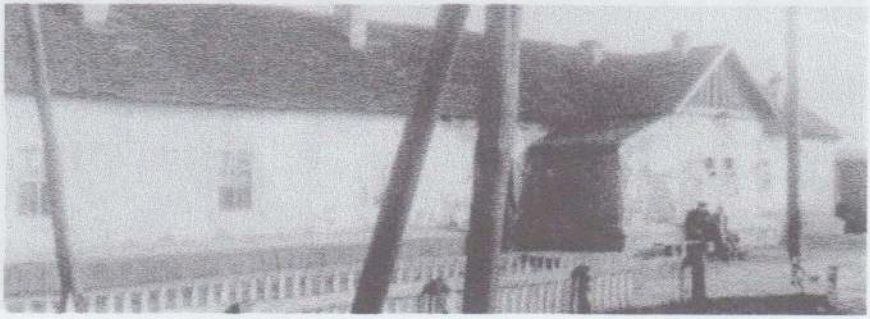
Дело по обвинению Комлева Бориса Васильевича, 1903 года рождения, уроженца с.Китово Салганского района, ныне Арзамасской области, до ареста работавшего начальником врачебного участка завода им.Жданова ВЛРП, осужденного по ст.58-10 УК РСФСР, 2 ноября 1956 года пересмотрено президиумом Горьковского областного суда.

Постановление Тройки УНКВД по Горьковской области от 25 октября 1937 года в отношении Комлева Бориса Васильевича отменено, а производством прекращено.

Комлев Борис Васильевич по настоящему делу реабилитирован.

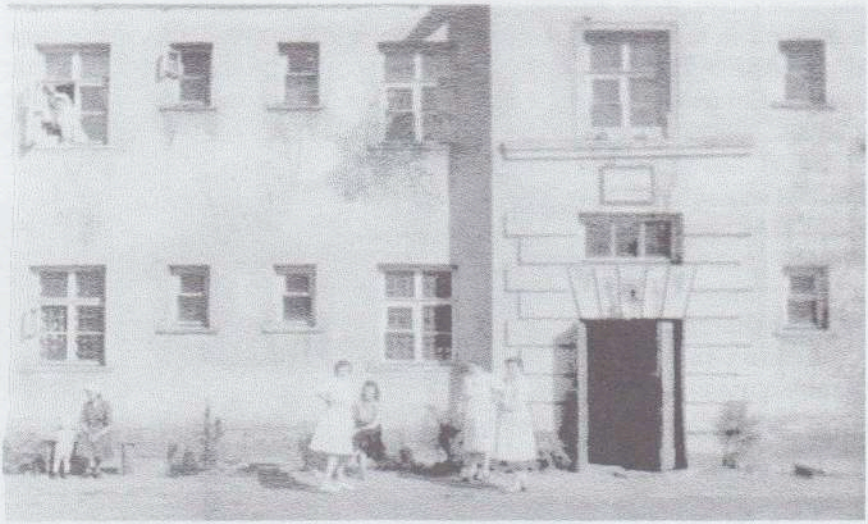
Председатель — В.Н.Веробьев

Справка о реабилитации Б.В.Комлева



Здание поликлиники больницы железнодорожников в 1950-1953 гг

Один из последних сохранившихся корпусов НИБ. 1991 г.



Больница железнодорожников на улице Строительной, где позже разместилась железнодорожная СЭС. 1951 г.

Перед главным корпусом больницы № 8. Покрытием площадки служат древесные чурки, перед входом посажены кусты ревеня. 1954 г.

Посадка первых деревьев перед зданием больницы № 8. 1954 г.

Это была больница-храм. Внутренняя планировка очень удачная. Украшением стали просторные холлы. Мебель изготовлена руками умельцев из заключенных. Все помещение, как снаружи, так и внутри, сверкало белизной. Кругом цветы, мебель покрыта чехлами, от них исходило ощущение чистоты, стерильности. Во дворе больницы оборудовали теплицу, выращивали огурцы, лук, зелень, цветы. Появилось свое подсобное хозяйство — свинарник. В мае 1954 года провели первый массовый воскресник с участием всего коллектива. Работали с энтузиазмом. Был разбит парк, сооружены даже фонтаны, радовавшие летом население молодого города.

Данишевский приучал новый коллектив к научной деятельности. Это облегчалось тем, что в него влились многие из тех, кто работал ранее в НИБ: Вериго, Лакоза, Шавель, Вольпер-Куниевская, Комлевы, Елистратов, Яковлев, Зебров и др. С 1950 года главным бухгалтером больницы был А.А.Коншин. С 1951 года начальником поликлиники железнодорожной больницы №1 стала вольнонаемная Надежда Терентьевна Абрамова (Воронова), выпускница Львовского университета, а с 1958 года по 1960 она была главным врачом, заведующей баклабораторией. Заведовал неврологическим отделением репрессированный врач Илья Моисеевич Перельман, кандидат медицинских наук, заслуженный врач Коми АССР, участник конференций врачей Северной железной дороги. Заведующей родильным отделением была Л.А.Байкова. В 50-е годы здесь трудился врач-терапевт Марк Наумович Цалихин, после реабилитации в конце 50-х вернувшийся в Москву. С начала 50-х годов в больнице работала Валентина Казимировна Терских, красавица, умница. К каждому могла найти подход, не боялась брать на себя ответственность в трудных ситуациях. Когда приезжала очередная проверочная комиссия, неизменно посылали к ней, имея в виду, что первое впечатление самое сильное. Кабинетом лечебной физкультуры заведовал Ростислав Дмитриевич Ципурдеев, организатор первого кабинета ЛФК на Крайнем Севере и на нашей железной дороге. Его супруга Серафима Яковлевна была операционной сестрой. Оба бывшие заключенные Печорлага. Удивительна история любви немца Хуберта к русской девушке Серафиме, ухаживавшей за больным юношей в лагерном лазарете №2. Хуберт Штолль многие годы искал свою спасительницу. Но встреча не состоялась: Серафима Яковлевна умерла в Ленинграде за полгода до того, как Хуберт отыскал ее следы.

Нельзя не сказать и о медэксперте Анатолии Полянском. Это был симпатичный мужчина, пользовавшийся популярностью у женщин. Его изобразил в своем романе «Печора» Юрий Азаров под именем Толи Радзянского.

С этой больницы начал свой путь врача-ученого молодой специалист Клавдий Яковлевич Петров, после окончания Архангельского института ездивший по тундре фельдшером. С 1957 года он сотрудник ЦБК им. Семашко в Москве, кандидат медицинских наук. С 1952 года работает в санитарно-бактериологической лаборатории САНО Печорстроя, затем в железнодорожной СЭС Меер Хоньевич Либо. В 1937 году его обвинили в групповой контрреволюционной агитации, попал в Ухтпечлаг. Он помнит многих медицинских светил, с которыми свела его лагерная судьба. Своим учителем считает доктора медицины, крупного ученого, специалиста по вопросам гигиены питания Давида Григорьевича Златковского. С 1939 по 1947 годы оба были узниками Севежердорлага, работали в медпункте в Княжпогосте. Помнит он и зоолога Ивана Арсентьевича Богдана, до заключения бывшего заведующим кафедрой зоологии Нежинского института, в Печоре же работавшего вместе с ним, как и Данкман Александру Николаевну, врача в лазарете №1, а в 50-е годы заведующую СБЛ САНО Печорстроя. После реабилитации в 1970 году уехала в Киев. Запомнился бывший врач Кремлевской больницы, доктор медицины Леонид Митрофанович Григорьев, к тому времени уже пожилой человек. В Печоре Меер Хоньевич принимал активное участие в научной работе, печатался по вопросам гигиены питания, в том числе и в центральных журналах «Гигиена и санитария», «Вопросы питания», участвовал в научно-практических конференциях. До последнего дня своей жизни, хотя перевалило ему за восемьдесят, Либо продолжал трудиться в родной лаборатории СЭС.

Научно-исследовательская работа, традиции которой заложил Данишевский, продолжалась в Печоре в 60—70-е годы. Хотя с 1956 года начинается процесс реабилитации и возвращения репрессированных врачей на родину. Сам Данишевский, дождавшись освобождения жены, в 1955 году уехал в Москву. В 1956 году он был реабилитирован, вернулся в большую науку. Стал ответственным редактором раздела Большой Советской энциклопедии, автором более ста пятидесяти научных работ.

До конца жизни он поддерживал связь с коллективом отделенческой больницы ст. Печора, ежегодно приезжал в Печору. Начальник больницы В.Плисов был человеком далеким от высоких идеалов своей профессии.[30] Но вопреки всему, коллектив врачей продолжал вести научно-исследовательскую работу и сохранял высокий профессионализм и авторитет среди населения еще на протяжении многих лет.

К юбилею больницы Данишевский посылает телеграмму из Москвы (1960 г):

Благодарю за приглашение, поздравляю с десятилетием больницы вспоминаю годы труда вашем коллективе шлю всем товарищам искреннее поздравление пожелания больших успехов лечебной научной работе.

А в день смерти получили весть от дочери Светланы Григорьевны (7 февраля 1971 г):

Дорогие товарищи! Григорий Михайлович не может прочесть ваше письмо и порадоваться развитию того дела, патриотом и горячим энтузиастом которого он был и оставался до последних дней. Сегодня он умер.

Сердечно благодарим вас за дорогую память о Григории Михайловиче, он много и тепло рассказывал о вашей больнице и своих сотрудниках. Желаем вам счастья и больших успехов.

В 60-е годы научную работу печорских врачей возглавил Гусейн-Гули Мирзоев. О нем вспоминают как о человеке мягком, доброжелательном. Родом из Баку, учился в Ленинграде, в Институте народов Востока, хорошо знал арабские языки, в том числе персидский. Работал переводчиком в Иране, что и послужило поводом объявить его «английским шпионом». В1938 году его арестовали первый раз, в 1947 году последовал вторичный арест. В Печоре он занимался научной работой в области медицины. Его жена Надежда Яковлевна активно помогала мужу, ухаживая за многочисленными стадами белых мышей и морских свинок. За результаты исследований Мирзоеву, не имеющему диплома врача, присвоили ученую степень кандидата биологических наук. Его кандидатская диссертация посвящена вопросам микробиологии дизентерии на Крайнем Севере.

Членами правления научного общества были хирург Роберт Аветикович Балоян и терапевт Таисия Федоровна Мельникова, депутат горсовета многих созывов.

Исследования печорских врачей печатались в центральных журналах «Микробиология, эпидемиология и иммунология», «Гигиена и санитария», «Лабораторное дело», «Вопросы питания». В частности, в журнале «Микробиология, эпидемиология и иммунология» за 1966 год была опубликована статья Н.Т.Абрамовой «О случае заболевания паратифом «А» в одном из населенных пунктов Приполярья».

В 1967 году в г. Ярославле на 8-й научно-практической конференции врачей Северной железной дороги, посвященной 50-летию Октября, читали свои доклады: Г.Г.Мирзоев «О выживаемости дизентерийных микробов при низких температурах и вопросы самоочищения почвы и воды на Крайнем Севере»; М.Х.Либо «Изучение степени обеспеченности витамином «С» учащихся школы-интерната №1 станции Печора». На юбилейной 9-й научно-практической конференции врачей в 1970 году в Ярославле приняли участие Г.Г.Мирзоев, М.Х.Либо, Н.Т.Абрамова с работами о диагностике дизентерии; М.П.Белова, заведующая детским отделением больницы, с исследованиями пневмонии у детей. В 1980 году прошла юбилейная научно-практическая конференция больницы станции Печора.

Выступления врачей на научно-практических конференциях опубликованы в «Сборниках научно-практических работ больницы», выпущенных стараниями А.А. Коншина. Всего 6 сборников, в них 69 работ 25 авторов.

Профессионалы давали высокую оценку научным исследованиям печорских врачей. Г.И. Вольфсон, заместитель начальника врачебно-санитарной службы Северной железной дороги, констатирует: «Многочисленные исследования кандидата биологических наук Г.Г. Мирзоева о выживаемости возбудителей кишечных инфекций при низких температурах в корне изменили существовавшее ошибочное мнение об отсутствии оптимальных условий для распространения дизентерии на Севере». А.А. Коншин отмечает: «Содержание материалов, несомненно, представляет интерес для науки и практической медицины, свидетельствует о тонкой наблюдательности авторов, их новаторстве, пытливости, преданности науке и заботе о человеке».

В 1969 году Г.Г. Мирзоев пишет статью «Опыт научной работы в условиях Крайнего Севера». Он призывает молодое поколение врачей заниматься научными исследованиями, говорит о том, что «...работа энтузиастов-врачей старшего поколения проходила в очень трудных условиях, когда техническая база была крайне бедна, не су-

ществовала та широкая сеть лечебно-профилактических учреждений и специализированных библиотек, которая имеется теперь, в 60-х годах. Но это не явилось помехой для научных исследований, принесших большую пользу здравоохранению Крайнего Севера. Не явилось это помехой и в дальнейшем для группы врачей отделенческой больницы ст. Печора, которая в течение многих лет ведет в Печоре научную работу по вопросам микробиологии, эпидемиологии, дизентерии в условиях Севера. Разумеется, в ходе работы возникали трудности. Но менее всего с литературой. Охотно помогала Центральная библиотека им. Ленина, Центральная научно-медицинская библиотека и особенно Харьковская научно-медицинская библиотека. За эти годы тысячи книг, журналов, сборников на русском и иностранных языках поступали в Печору и возвращались назад.

Что касается научной консультации, ни один ученый, пусть самый крупный, ни одно научно-исследовательское учреждение не отказывало нам в помощи. Иллюстрацией к этому могут служить строки из письма крупного советского микробиолога Ф.Т.Гринбаума: «Очень приятно читать Ваше письмо. Находясь на далеком Севере, вы ведете научно-исследовательскую работу. Не смущайтесь, что я лежу в больнице (туберкулез) и напишите все подробно. Я буду рад и все сделаю, чтобы помочь Вам».

А другой известный советский микробиолог профессор Э.М.Новгородская реагирует на вопрос консультативного порядка так: «Получила Ваше письмо и сразу же отвечаю».

За эти годы накопилась большая папка переписки с учеными, с институтами. Как видно, серьезных помех для ведения научной работы на Крайнем Севере нет».

Но жизнь распорядилась иначе. Многое ушло в прошлое. Закрыты ведомственные учреждения культуры, просвещения, здравоохранения, в их числе и железнодорожная больница ст. Печора. А что осталось? Память… Об этом повествует мемориальная доска на доме Г.М.Данишевского, открытая в дни празднования 50-летнего юбилея города. Об этом свидетельствует памятный знак «Жертвам Печорлага», поставленный силами общественности на кладбище рядом с бывшим лазаретом №1 Печоржелдорлага. И еще не сровнялись с землей следы захоронений близ лазаретов вдоль железной дороги, ждущие нашего обращения к ним, молчаливо напоминающие о неотданных долгах наших.

Т.Афанасьева

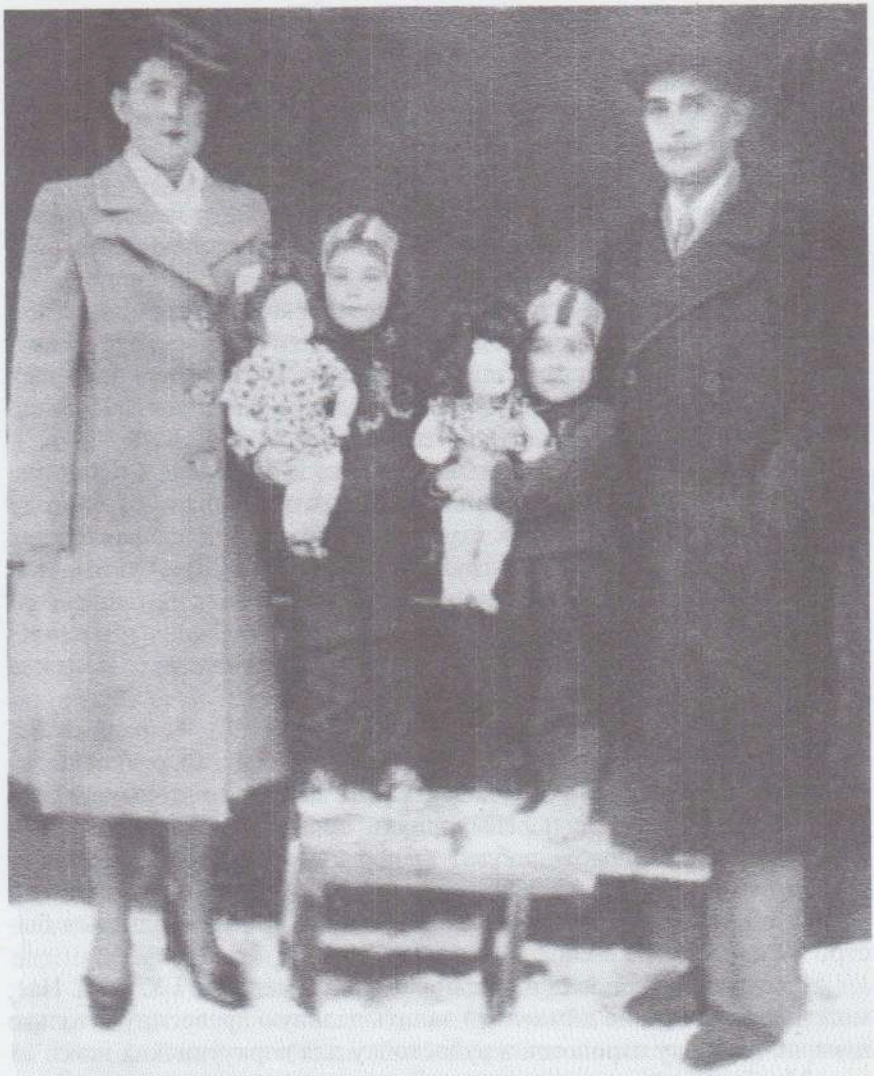
И стала судьбою Печора

ЭТА ИСТОРИЯ началась с книги «Печора молодости нашей», выпущенной к 50-летию города. В Печорский историко-краеведческий музей пришло письмо из далекого сибирского города Томска от бывшей жительницы Печоры. Татьяну Николаевну Инзель, потомственного медика, привлекла в этом сборнике статья о врачах, стоявших у истоков здравоохранения нашего города. Одновременно с письмом она прислала документы семейного архива, воспоминания ее матери, печорского врача Надежды Николаевны Клепининой, лагерную телогрейку отца, бывшего заключенного Печорлага.

Дальнейшее знакомство с этой замечательной женщиной переросло в дружбу. Татьяна Николаевна с сестрой предприняли поездку в Печору, город своей юности, на отцовскую могилу, которую отыскали сотрудники Печорского отделения общества «Мемориал». Сестра Ольга Николаевна, инженер по профессии, ныне живет в городе Омске. Ее муж — сын известного в городе Печоре детского доктора Ю.С.Куниевской (Вольпер), заслуженного врача Коми АССР.

На долю Татьяны Николаевны выпали нелегкие испытания. Единственный сын Сергей родился в городе Печоре, в 1993 году заканчивал Томский университет, когда случайно и нелепо оборвалась его жизнь. «Мы убили доктора за то, что он не встал на колени», — сказали на суде наркоманы, лишившие жизни молодого врача, которого вызвали для оказания помощи умирающему от передозировки приятелю.

Сергей был врачом в четвертом поколении, с детства в нем воспитали уважение к людям в белых халатах, да и как иначе: отец — известный в городе хирург-онколог, мать — преподаватель вуза, практикующий терапевт, кандидат медицинских наук, автор более 40 научных трудов, монографии «Трудные вопросы в клинической практике». «Доктором от Бога» называли Сергея, пророча блестящее будущее этому талантливому юноше, которым владели две страсти:



Н.Н.Клепинина с мужем Н.Л.Сергеевым и дочерями

медицина и музыка. Он — известный в городе Томске автор и исполнитель бардовских песен. В 1996 году вышла в свет небольшая книга его стихов. Звучали передачи о нем по томскому областному и российскому радио, публиковались статьи. В 1997 году президент России Б.Ельцин вручил матери посмертную награду сына — орден Мужества.

Его бабушка Надежда Николаевна Клепинина взялась за воспоминания с целью «пролить свет на истоки нравственной твердости нашего сына и внука Сергея, который чем-то напоминает деда Николая Леонидовича Сергеева. Нет, не обликом, а интеллигентной сдержанностью и абсолютной порядочностью и всем тем, что по своей торопливости не могу обозначить словами. И что вынуждало всех обращаться к нему по имени-отчеству, включая лагерное начальство и меня, прожившую с ним не один десяток лет»

Они познакомились в Устьвымлаге, куда Надежда Клепинина, выпускница Иркутского медицинского института попала в 1942 году «в составе группы из лучших студенток-комсомолок, направленных в учреждения исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ)». Он бывший заключенный, ныне на поселении, она вольнонаемная — такие «связи» не поощрялись. Семье пришлось пережить нелегкие испытания.

Вот как пишет об этом в своих воспоминаниях Надежда Николаевна:

«Я прибыла в лагерь в голодные военные годы, умирали от истощения заключенные, голодали и вольнонаемные. Основное занятие обитателей лагеря — лесоповал. Среди заключенных выделялись «рекордисты», которые перевыполняли норму выработки, получая дополнительное блюдо: дробленую перловку, разваренную, разлитую по железному листу с бортиками, остуженную и разрезанную квадратиками. Но и добавочный паек не спасал: «рекордисты» быстро истощались и гибли.

Гоняли на лесоповал и вольнонаемное население ГУЛАГа. Нас, молодых девушек, не заставляли валить деловую древесину, а только швырки на топку паровозов и рудостойку для воркутинских шахт.

Мы быстро усвоили, как надо очищать комель от снега деревянной лопатой, подрубить, подпилить с противоположной стороны и валить топором. Мы честно напиливали по два рауметра. Зимой возвращались по натоптанной тропе, но весной уходили утром по насту, а днем, бывало, проваливались в болото. Вечером валенки с трудом стаскивали друг с друга. Ели в столовой суп, «где крупинка за кру-

пинкой гоняется с дубинкой», еще давали треску и 400 граммов хлеба на день.

Через два года я вышла замуж за бывшего заключенного. Одна за другой появились дочери. Мой муж впервые за долгие годы обрел обыкновенное человеческое счастье. Но разве мог быть хоть сколько-нибудь прочным мир, окружающий пусть бывшего, но «врага народа»? Печальна судьба моего супруга Николая Леонидовича Сергеева. Выросший в семье, происходившей из знатного петербургского рода, и получивший хорошее образование и воспитание, он быстро продвигался по службе и вскоре занял высокую должность начальника ветсектора Главмясо (Главное управление мясной промышленности СССР). Но уже в 1932 году начались гонения на людей непролетарского происхождения, и 2 февраля 1933 года его арестовали, отправили на Лубянку. Очень скрытный, застегнутый на все пуговицы, он все же проговорился однажды, как его били, заставляя подписать ложные показания о том, что он был организатором крупного контрреволюционного заговора в животноводстве. После суда попал на строительство железной дороги в Таштагол, был на общих работах, где физически крепкий, молодой, он быстро «дошел». В Устьвымлаге Николай Леонидович заведовал ветлабораторией на конзаводе, обслуживая большое количество лошадей, работавших на вывозке леса, осматривал и совхозных лошадей.

Новая волна репрессий унесла в лагеря и ссылку сотню тысяч людей, среди них оказался и мой муж, вторично арестованный в 1951 году. Николай Леонидович так до конца и не оправился от этого потрясения, и его добровольный уход из жизни спустя годы был следствием и этого трагического события.

А тогда он сказал мне, что между нами все кончено: не хотел подставлять под удар семью, не хотел, чтобы близкие ему люди подверглись репрессиям как «члены семьи врага народа».

Жене не положено было знать о его новом месте пребывания. Но земля слухами полнится, и добрые люди сообщили, что муж находится в городе Печоре, работает на конбазе. Отвела я детей в коровник на попечение знакомой телятнице и села на поезд.

В Печоре милиция проверила документы и показала путь на конбазу. Жил Николай Леонидович тут же, в конемойке, в закутке с лежанкой. Увидев меня, не бросился навстречу с приветственной радостью, а отчужденно стал отсылать прочь. Вмешался в разговор конюх: «Не гоните её, у вас такая молодая и красивая жена».

Почти год прожил он один в Печоре, в жутких условиях, с истерзанной душой. Каждые две недели ходил отмечаться в ОЧО (оперативно-чекистский отдел). Заведующим конбазой был рыжий, рослый, почти безграмотный мужик, на «контриков» глядел свысока и соответствующим образом обращался с ними, не брезгуя рукоприкладством.

Добросердечные коллеги стали отпускать меня в Печору. Когда по просьбе мужа привезла на свидание детей, он лежал с высокой температурой, дёсна опухли от цинги. Я приняла непростое решение переехать в Печору. Жить пришлось на первых порах в том же закутке. Холода себя ждать не заставили, угол промёрз. Старшая дочка Таня пошла в школу — и ей негде было готовиться к урокам. А однажды девочки не пришли домой: они нашли себе более уютное гнездышко, оставшись ночевать с подругами в школе-интернате. И уж тогда, забив тревогу, я добилась жилья в бараке, на самой окраине, недалеко от конбазы. Здесь и прожила наша семья долгие печорские годы, он стал последним пристанищем моего мужа.

В 1956 году дело Сергеева было пересмотрено и прекращено «за отсутствием состава преступления». Но Николай Леонидович был из тех, кто не простил властям нанесенную обиду и не захотел возвращаться в Москву.

Жизнь постепенно стала налаживаться. Мы любили свое скромное жилище, красили и белили его, на белоснежных наволочках дочек расцвели вышитые мною анютины глазки. С соседями жили дружно, поддерживая друг друга: быт был суров, без взаимовыручки не выжить. Не могли мы накрывать богатых столов, но делились друг с другом последним.

Я бессменно работала зубным врачом, меня ценили как детского стоматолога, имеющего подход к детям. Трудилась с утра до вечера, прихватывая и ночные дежурства: нужно было зарабатывать деньги, а на плечи мужа легло воспитание дочерей. Он начал собирать библиотеку, тогда все было лимитировано, и приходилось ночами простаивать в очередях, чтобы подписаться на журнал «Юность», другие журналы. Под влиянием Николая Леонидовича я впервые поняла серьезность чтения художественной литературы. На русской классике он воспитывал и своих любимых дочерей…

Е. Ветчинкина

Город живет, пока в нем рождаются дети

Воспоминания Екатерины Васильевны Ветчинкиной, заслуженного врача РСФСР, почетного гражданина города Печоры. Запись В.Федосеева, г.Тула, 2004 г.

ВДАЛЕКОМ 1947 году после окончания Молотовского (ныне Пермского) медицинского института я получила направление на работу в Коми АССР. 27 августа наш поезд прибыл в Кожву, в то время конечную станцию: участок железной дороги до Воркуты еще не был сдан в постоянную эксплуатацию. На лошадях добирались до пристани п.Промкомбинат, оттуда на катере до райцентра — поселка Канин Нос.

Приказом Кожвинского райздравотдела, его заведующего, Александра Ивановича Климушева, я была назначена на должность врача-ординатора Канинской райбольницы. Кроме меня в штатном расписании числились врач-педиатр и главный врач Васса Васильевна Горская, которая тепло встретила меня и опекала, как мать. Больница находилась по Печорскому проспекту в помещении барачного типа и выглядела очень убого: пациентов принимали без санобработки, вместо кроватей — топчаны. Отдельно размещалась амбулатория, занимавшая две небольшие комнаты: в одной принимали больных, в другой находился кабинет зубного врача Валентины Константиновны Федосеевой. Рядом с больницей притулилась землянка, служившая прачечной и жильем для корейца Кима.[31] Единственным транспортным средством была лошадь по кличке Мага, возчиками при ней состояли два пана-поляка, бывшие офицеры польской армии.[32]

В год приезда в Печору еще действовала карточная система. Трудно было и с жильем. Поначалу жила в гостинице, потом дали комнатку на двоих с учительницей математики.

В канун Нового года в райздравотдел поступила телеграмма о случае массового заболевания детей в деревне Епа, в то время Кожвинского района. Вечером 31 декабря я выехала на поезде до

Е.В.Ветчинкина за работой. 1950 г.

ст.Абезь, где приняли и разместили в поликлинике одной из медицинских частей Печорлага. Утром приехали из деревни на оленях. Вспышку кори удалось быстро ликвидировать. Так я встретила свой первый Новый год на Печоре. И в дальнейшем мне редко удавалось проводить праздники дома. Такова уж особенность нашей работы.

В сельской местности был высокий процент родов на дому, что приводило к осложнениям. Приходилось выезжать на разных видах транспорта: лошадях и оленях, товарных поездах и паровозах, катерах и лодках, а в последнее время, с появлением санавиации — и на самолетах. Несколько раз мы приземлялись в полной темноте на свет костров. В поездках приходилось нелегко, но я любила свою работу, а сознание ее важности для людей давало силы.

В феврале 1948 года меня назначили заведующей больницей, а в 1949 году после окончания курсов, я возглавила акушерско-гинекологическую службу города и района. Тридцать два года, прожитые в Печоре, стали самыми счастливыми и яркими в моей жизни: это была пора молодости, рождения семьи, профессиональной зрелости.

Семья Красовских (в центре) на демонстрации 7 ноября. 1958 г.

Постепенно улучшалась материально-техническая база больницы. В 1949 году мы перешли в приспособленное здание по Сосновому переулку, где удалось разместить 40 коек. Организовали родильный блок, операционную и физиотерапевтический кабинет. Но медицинское оснащение все же отставало от ведомственных лечебных учреждений: линейной больницы водников и больницы Печорстроя (НИБ). С большой любовью и благодарностью вспоминаю медиков, работавших там: это были высококвалифицированные врачи, большинство из них репрессированные. В линейной больнице водников оперировал замечательный хирург Михаил Григорьевич Романов, заместителем главврача санэпидстанции водников был Андор Левингер, чуткий, внимательный человек, пользовавшийся большим авторитетом в коллективе. В НИБе лечили печорцев медики высочайшего класса: про-

Коля и Валера Трошевы из печорской деревни. 1973 г.

«Это фото мне особенно дорого. Его прислала в благодарность мать этих чудных малышей, которым я помогла появиться на свет. Сейчас ребятам уже за тридцать, представляю, в каких богатырей они выросли! К сожалению, я не запомнила названия деревни, но надеюсь, что они узнают себя на снимке»

фессор Г.М.Данишевский, врачи Н.А.Вериго, Б.В.Комлев, О.С.Косич, Ю.И.Лакоза и другие. Я особенно благодарна моим наставникам Олимпиаде Степановне Косич и Михаилу Григорьевичу Романову. Они с пониманием отнеслись к просьбе приглашать меня в качестве ассистента во время операций в любое время суток. В НИБе ежегодно проходили научно-практические конференции по различным проблемам медицины. Участие в конференциях, общение с опытными коллегами многому научили меня, начинающего врача.

В 1953 году мне было поручено организовать скорую медицинскую помощь. Из-за отсутствия помещения ее открыли на базе поликлиники водников.

Пришел как-то ко мне человек устраиваться на работу. Плохо одетый, держался неуверенно. При беседе выяснилось, что в войну он командовал полком, имеет медицинское образование. После реабили-

тации уехал в Ярославль, откуда прислал письмо, приглашая в гости. Он был членом Союза писателей РСФСР, в Печоре писал книгу. К сожалению, я запамятовала его имя.[1] В это время в городе проживало много людей, бывших на поселении после освобождения из лагеря. В общей массе это были очень образованные и культурные люди. На приеме с первых слов угадывалась их интеллигентность, несмотря на униженное положение, в котором они находились. Большинство из них после реабилитации покинули Печору, многие стали известными людьми.

В 1959 году были открыты первые типовые здания поликлиники и стационара на 110 коек. Работать стало легче и интересней, начали применять обезболивание во время родов, открыли реанимационное отделение. В Печоре акушерско-гинекологическое обслуживание находилось на высоте, это я поняла, когда переехала в Тулу, и появилась возможность сравнения. Большой скачок в печорском здравоохранении произошел за 20 лет, и в этом немалая заслуга заведующего горздравотделом А.А.Красовского.

Много лет я избиралась секретарем партийной организации райбольницы, народным заседателем. Сложно было совмещать общественную работу с профессиональной, но отказы от подобных поручений не принимались во внимание. Молодость помогала преодолевать трудности.

Мне выпала удача общения с такими замечательными коллегами, как В.И.Гладилиной — заведующей железнодорожной поликлиникой, Д.И.Поляковым и Н.П.Поляковой, долгое время работавшими в Песчанской больнице; заведующими отделениями М.П.Артеевой, Н.В.Фроловой, В.В.Фоминым и многими другими.

Сын и дочь пошли по моим стопам, получили профессию врачей. Сама я живу воспоминаниями о Печоре, о её людях. Многих из них уже нет среди нас. Перед их светлой памятью я склоняю голову.

---

1 Речь идет о Смирнове Дмитрии Ивановиче, журналисте, писателе, возглавлявшем отдел одной из центральных газет до ареста в 30-х годах. В Печоре после освобождения был на поселении, работал фельдшером в Красном Яге, в больнице водников, в СРМ (судоремонтно-судостроительный завод Печорского речного пароходства). Друг Г.И. Майфета, с которым переписывался после отъезда в Ярославль, где жил до своей кончины. В Ярославле работал в городской газете и возглавлял совет ветеранов.

Т. Афанасьева

Отец и сын

КАЗАНОВСКИЙ Евгений Степанович — человек в Печоре известный, директор Ижмо-Печорской научно-исследовательской ветеринарной станции (ныне Печорский филиал НИПТИ АПК РК),* единственный в городе доктор наук. Родился в 1938 году на спецпоселении в п.Песчанка ныне Печорского района, куда была выслана его мать летом 1931 года с первой партией раскулаченных из Вологодской области. Отец тоже не по доброй воле попал в северные края, был заключенным Ухтпечлага. В семейном архиве Казановских хранится обычная ученическая тетрадь с дневниковыми записями отца:

«Я, Козановский Стефан Антонович, родился в польском городе Лодзи в 1888 году.

Получил образование в закрытого типа фельдшерской школе в г.Бреслау, в Восточной Пруссии, закончив её в 1910 году с серебряной медалью. Владею немецким, польским языками, знаком с еврейским и чешским.

После окончания учебного заведения служил в царской армии в качестве военфельдшера в Персии. В 1918 году после демобилизации выехать на родину в Польшу не удалось. Был арестован контрреволюционным генералом Покровским по обвинению в сочувствии большевикам и сидел в следственной тюрьме. С приходом Красной Армии в 1920 году вступил в её ряды, и был определён начальником санитарного поезда. С 1921 года — член ВКП(б).

В 1926 году был исключен из ее рядов «как неустойчивый с правом включения». Причиной явились драматические обстоятельства: направленный в Москву на курсы усовершенствования, я заболел холерой и был снят с поезда. Пролежав в лазарете два месяца, остался жив, но на курсы не попал. Вменили в вину «самовольную деквалификацию и не использование путёвки как выдвиженца на медкурсы».

---

* Научно-исследовательский, проектно-технический институт аграрно-промышленного комплекса Республики Коми

На первой окружной и бассейновой конференции медработников Печорского округа. с.Ижма, 1939 год.
В среднем ряду первый слева — С.А.Козановский.

В январе 1929 года необоснованно обвинён в совершении преступления по ст.136 УК, осуждён на 10 лет, срок отбывал на Севере. Первый год работал заведующим амбулаторией первой дистанции постройки железной дороги Сыктывкар — Пинюг. Был старшим лекпомом Заполярной экспедиции в верховья р.Усы летом 1930 года, потом до января 1932 года старшим лекпомом Печорской группы Ухтинской экспедиции ОГПУ — разведка нефти, газа, каменного угля и других полезных ископаемых.

В 1931—1933 годах был самым активным, а часто и единственным работником по ликвидации сыпного тифа на Средней Печоре: в деревнях Кожве, Соколово, Лыже, в спецпоселках Песчанке и Усть-Вое. Вся тяжесть работы заключалась в том, что обстановка и условия, а также религиозные старообрядческие обычаи очень затрудняли санитарную работу среди местного населения в деревнях, а в поселках тиф вспыхнул почти сразу по приезде людей в пустынные

таежные места, когда люди жили в шалашах и землянках, и не было самых элементарных бытовых условий, люди умирали от голода, кругом грязь, антисанитария. Не было медработников, которые следили бы за соблюдением хотя бы простейших санитарных правил. Почва для развития эпидемии очень благоприятная, тем паче в условиях Крайнего Севера.

Вот результаты пятидневных эпидемиологических сводок по п.Песчанка: в поселке 1127 душ, среди них 282 человека детей дошкольного возраста, при посещении поселка 21 сентября 1931 года вместе с местным фельдшером оказалось, что среди отмеченных в течение двух месяцев больных — нет ни одного с диагнозом тиф, хотя эпидемия свирепствовала уже около трех месяцев.

Больницы на поселении не было, только что-то вроде амбулаторной избушки, в которой на сплошных нарах женщины и мужчины вповалку. Тут же тяжело бредящие, вскакивающие и убегающие больные, вся эта масса, 27 человек, в одежде, в грязном рванье, кишащем вшами. Такой картины я еще не наблюдал, несмотря на то, что мне, старому работнику, приходилось много чего испытать на своем веку: эпидемии холеры, чумы, брюшного и сыпного тифов. Но такого страшного зрелища я не видал.

Были подняты на ноги Советы, партийные организации, пришли на помощь врачи: Артеев из Усть-Усы, Брюшинин из Ижмы, Цветаев из Архангельска. Организовали дезотряды, построили бани — вошебойки, заразный барак на 50 человек. Врачи приехали во время распутицы, когда ни на санях, ни на лодке проехать невозможно, не было дорог, кроме речной на Печоре, а летом и зимой на санях, через тундру, тайгу. Положение, о котором мало, кто имел представление. Врач Артеев заразился тифом и в течение одного месяца скончался, врач Брюшинин был вызван обратно в Ижму, а Цветаев послан в другой район. Вся тяжесть работы легла на мои плечи.

В 1932 году вспыхнула эпидемия тифа в спецпоселке раскулаченных Усть-Вое (Пиня-Из) и с 10 января по 23 февраля 1933 года я опять назначен на его ликвидацию. За успешную ликвидацию эпидемий сыпного тифа мне были объявлены благодарности и премии в приказе от 1 марта 1933 года за № 1272 по Печорскому отделению Ухтпечлага».

Стефана Антоновича досрочно освободили с формулировкой: «...за период своего пребывания в лагере НКВД показал себя отличным администратором, хозяйственником, лечебником, за что опреде-

Научные сотрудники Ижмо-Печорской научно-исследовательской ветеринарной станции, три кандидата наук: заслуженный ветеринарный врач РСФСР П.И.Брюшинин., Г.Т.Брюшинина, Е.С.Казановский. г.Печора. 1967 г.

лением лагколлегии Севкрайсуда от 10 июля 1936 года освобожден от дальнейшего отбывания наказания».

После освобождения числился в системе Райздрава НКЗ Коми АССР, в военные годы работал заведующим Конецборским фельдшерско-акушерским пунктом. Позже семья, в которой было уже двое сыновей, была переведена в Еджыд-Кырту, где силами заключенных разрабатывалось угольное месторождение. Потом назначили на работу в п. Кедровый Шор, сельхозотделение Инталага. Последнее место работы — на строительстве железнодорожного моста через реку Сыня.

Отца не стало, когда Евгений заканчивал школу. Учился он в средней школе №2 г.Печоры, в одном классе с Петром Брюшининым, сыном известного ижемского врача Ивана Павловича Брюшинина, о котором пишет в своих записках отец. Вместе они обучались и в институте и вернулись в Печору. Петр Иванович, к сожалению, рано ушедший из жизни, защитил кандидатскую диссертацию, был удостоен звания «Заслуженный ветеринарный врач РСФСР».

С 1968 года Евгений Степанович работал заведующим отделом радиобиологии Печорской межрайонной ветлаборатории, созданной с началом ядерных испытаний на Новой Земле в целях изучения уровня радиации в лесотундре. Получаемые данные засекречивались.

С 1969 года и по сей день Евгений Степанович возглавляет работу учреждения, организованного для борьбы с болезнями северных оленей в далеком 1924 году в Ижме решением 2-го Всероссийского съезда Советов. Это научное учреждение много сделало для народного хозяйства страны, искоренив сибирскую язву, от которой гибло до 60% поголовья.

Известны имена директора ветстанции Михаила Александровича Апалева и его сына Евгения, ветврача, осужденных в 1938 году по политическим мотивам. В 60-е годы директором был Валентин Викторович Колычев. Его и врача Георгия Никифоровича Кононова Евгений Степанович называет своими учителями. Эти люди, прошедшие сталинские лагеря, были специалистами высокого класса. Колычев до ареста работал в аспирантуре при Саратовском институте микробиологии, Кононов — заслуженный ветеринарный врач РСФСР. Настоящие интеллигенты, скромные, работящие люди. «От них шел особенный свет», — говорит Казановский. Эти люди оказали большое влияние не только на профессиональное, но и духовное развитие молодого ученого. Удивительная скромность, деликатность свойственна и самому Евгению Степановичу.

Тогда, в 60-е годы внимание научных сотрудников станции было сосредоточено на защите оленей от личинок овода. От этой напасти избавил препарат, состав и методика применения которого разработана в соавторстве с Казановским. Освоив этот метод, совхозы получали ежегодную прибыль 300-500 тысяч рублей.

За годы научной деятельности им написано более 70 статей по ветеринарии северных оленей. В 1990 году защитил докторскую диссертацию «Ветеринарно-санитарное обоснование применения фосфороорганических инсектицидов в оленеводстве, их токсичность для оленей и эффективность при эдэмагенозе».

Российская Академия наук отметила вклад Е.С.Казановского в отечественную науку Почетным дипломом. Ученый продолжает работы, способствующие сохранению одного из традиционных занятий коренного населения нашей северной республики — оленеводства.

Примечания к главе 3

1 — Морозов Н.А. Гулаг в Коми крае. Сыктывкар, 1997.

2 — Александр Алексеевич Коншин, в прошлом один из организаторов комсомола на Украине в г. Конотопе, участник Шестого Всесоюзного съезда комсомола, прошел лагерный путь длиной в десять лет. Реабилитирован в 1957 году.

3 — Барбаров Леонид Иосифович — начальник 6-го отделения Севжелдорлага. Погиб при подавлении Усть-Усинского восстания заключенных в январе 1942 года. На могиле, в парке поселка Изъяю, установлен гранитный памятник.

4 — Не призванных на фронт медсестер использовали не только на хозяйственных работах, но и посылали на военные объекты. Мария Ивановна Комлева участвовала в ликвидации немецкого десанта на печорский мост, выполняла медицинское освидетельствование. Забрасывали ее и в тыл врага в знаменитый партизанский отряд Федорова на Черниговщину. Она имела возможность сравнить подготовку вооруженного до зубов немецкого десанта и нашего, когда безо всякого обучения молоденьких девушек-медсестер, не умевших держать винтовку в руках, без экипировки, высаживали на вражескую территорию. В санитарной сумке десантниц не было ничего, кроме йода, разведенного на воде, а не на спирту; отсутствовали перевязочные материалы, бинты, не говоря уже о продуктах питания: добывайте сами!

5 — По воспоминаниям заключенной Айно Куусинен, бывшей сотрудницы Коминтерна, в декабре 1941 года в п. Кожва на пересыльном ОЛПе Северо-Печорской ИТЛ скопилось несколько сот заключенных, призванных из лагерей на фронт. В Кожве, в лазарете, они должны были пройти карантин. Из-за отсутствия условий содержания, скученности людей вспыхнула дизентерия. Эпидемию остановили тем, что по приказу из Москвы все больные были расстреляны.

В Мартиролог «Покаяние» Республики Коми занесено имя Вахненко Семена Никитовича, дезинфектора Печводздравотдела, приговоренного в июле 1941 года по ст. 58-10, ч.2 УК к расстрелу. Н.А.Морозов в книге «ГУЛАГ в Коми крае» рассказывает о судьбе врача-венеролога Адольфа Босса, немца, получившего приглашение поработать в Москве, приехавшего с семьей и арестованного в 1936 году. Срок он отбывал в п. Кожва. В 1941 году стал жертвой провокации лагерных чекистов и приговорен к расстрелу, погребен на старом лагерном кладбище.

6 — Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований (КРГАОПДФ), ф-1876, оп.7, д.208.

7 — Киселев Л.Л. Феномен Зильбера. \\ Наука и жизнь, №6, 1994.

Сохранилось рабочее «кресло» Л.А.Зильбера, которое сберегли работники санэпидемстанции ст.Печора и передали Печорскому краеведческому музею.

8 — Супруга Н. Вериго — Людмила Модестовна Мангайт, из репрессированных, была прорабом Печорстроя, под ее руководством строился Дом культуры железнодорожников.

9 — Шульдер А.М. Муха-почтальон (воспоминания о лагерных годах). // Нева, №4, 2001.

Войтоловская А.Л. По следам судьбы моего поколения. Сыктывкар, 1991, С.228

Интервью С.А.Камфориной. Запись Т.Г.Афанасьевой, г.Санкт-Петербург, 2006 г.

10 — КРГАОПДФ, ф.1, оп.3, д.1081, лл.53-54

11 — С Ю.И.Лакозой произошел случай, который можно назвать типичным, характеризующим положение врачей-заключенных в лагерях. М.И.Комлева рассказывает: «Как-то довелось простудиться одному из следователей тюрьмы, находящейся на ул.Стадионной. Ю.И.Лакоза прописал лекарства, от которого у больного наступила аллергическая реакция. Это было воспринято как попытка отравления, тем более, что Лакоза шел по делу врачей-отравителей. Его посадили в тюрьму. Через несколько дней аллергия прошла, Лакозу освободили. «Соучастницей преступления» можно было назвать меня, поскольку лекарство выдавала я».

12 — Светлана Михайловна Тухачевская — дочь маршала М.Н.Тухачевского, в 16 лет получившая срок как член семьи (ЧС), работала в лазарете в медобслуге. В 1947 году была на поселении в п.Печора и ст. Косью. После освобождения жила в Москве. В г. Печоре сохранился деревянный двухэтажный дом, где жила С.Тухачевская на поселении.

13 — Отдельный лагерный пункт.

14 — Морозов Н.А. Гулаг в Коми крае. Сыктывкар, 1997, С. 126, 128.

15 — О нем вспоминает Янина Деньюш (Квасневич), в 1946 году заключенная совхоза «Фион», отделения Печоржелдорлага. Запись интервью Т.Г.Афанасьевой на Съезде лагерников, солдат Армии Крайовой, Польша, Гданьск, 1998 г.

В сборнике «Звенья» Научно-исследовательского центра «Мемориал», выпуск №1, 1991, опубликовано письмо заключенного А.П.Лящака писателю А.Н.Толстому, депутату ВС СССР, датированное февралем 1939 года. В нем автор письма обращается с просьбой разобраться в обстоятельствах его ареста, в нелепых обвинениях, выдвинутых в его адрес: шпионаж в пользу Польши, уничтожение ламы Баха (медицинское оборудование) в целях диверсии, отравление чумными бациллами 100 свиней в колхозе, сбор сведений о количестве мужчин, окончивших мединститут и т.д.

16 — Арнольди, Попов Г. Потери науки // Летопись Севера. Москва: Мысль. — 1972. — С. 284-286.

17 — Репрессированный врач А.И. Акользин оставил воспоминания о том, как он спас от общих работ Г.М.Данишевского на одном из северных лагпунктов Печорлага: «Это был сильно истощенный пожилой человек, попросился на работу в лазарет, отец взял его санитаром, не зная ничего о нем, но понимая, что тот нуждается в спасении. Однажды он соорудил отличную печку из жести, и отец предположил, что его профессия токарь. Каково же было удивление отца, когда он узнал правду. Ведь по учебникам профессора Данишевского их обучали в институте.

(Из интервью с М.А.Акользиным (сыном А.И.Акользина). Запись Т.Афанасьевой 8 .08. 2008 г., архивы ПИКМ, ф-51, 0-50).

18 — Подобные центры функционировали и в соседнем Севжелдорлаге. В Княжпогосте работала научно-исследовательская лаборатория по изучению проблем выживаемости в условиях севера («пищевая лаборатория» под руководством профессора Златковского Давида Григорьевича). «Лаборатория составляла ежегодные отчеты по изучению авитаминоза и борьбе с авитаминозными заболеваниями заключенных. Один из таких отчетов за 1944 год сохранился в архиве научно-исследовательского отделения Гулага и свидетельствует о большом объеме работы, выполненной сотрудниками в годы войны. Материалы были представлены участникам научной конференции Северных ИТЛ «Оздоровление народов Крайнего Севера», которая прошла в Княжпогосте в 1946 году. В этом же году в лагерной типографии была отпечатана небольшим тиражом брошюра «Трудотерапия. Дозированный труд и его роль в деле восстановления рабочей силы» с грифом «Для служебного пользования», врач Н.Л.Куликовский подготовил рукопись «Об эффективности трудовой терапии при туберкулезе легких» (Морозов Н.А. Культура и Гулаг. Материалы региональной научной конференции «Политические репрессии в России в XX веке». Сыктывкар, 2000).

19 — После освобождения из лагеря, будучи на поселении, в начале пятидесятых годов М.И.Пряхин работал учителем ботаники в СШ № 49 г.Печоры. Его стараниями и усилиями его учеников был разбит сквер перед зданием Дома культуры железнодорожников. Многие годы они ухаживали за посадками и следили за благоустройством сквера.

20— Работа НИБ за 1946-1947 годы в цифрах и фактах. Архив Печорского историко-краеведческого музея (ПИКМ), ф-31, д.8.

21 — Совхоз «Печора» являлся подразделением Печоржелдорлага. До 70-х годов продолжала работать сельскохозяйственная опытная станция совхоза «Печора», организованная при содействии научных работников НИБа. Только именоваться она стала сортоиспытательным участком.

22 — Мартиролог «Покаяние» РК, т. 3, С.163.

23 — Желтый В.В. Такие, как они, были первыми. \\Печора и печорцы. Печора, 2000, С.13

Левингер до конца жизни оставался убежденным коммунистом, принимал активное участие в общественной жизни города, был внештатным корреспондентом газеты «Ленинец», замышлял создание краеведческого музея в городе Печоре.

24 — Данишевский Г.М. Акклиматизация человека на Крайнем Севере. Патология человека и профилактика заболеваний на Севере. М., Наука, 1968.

25 — Экземпляр этой книги, подаренной Г.М.Данишевским Б.В.Комлеву, хранится в фондах ПИКМ.

26 — А.С. Абрагам пользовался исключительным авторитетом среди своих коллег, об этом свидетельствует и такой эпизод: когда он жил уже в Киеве (с

1960 года), его приглашали в Печору на осмотр серьезно заболевшей О.С.Косич (в 1966 году).

27 — Семья А.И. Акользина была знакома и состояла в переписке со многими известными людьми, узниками Печорлага, об этом свидетельствуют письма из семейного архива. Часть этих писем сын Михаил Алексеевич Акользин, ныне проживающий в Самаре, передал в Печорский историко-краеведческий музей, среди них письма от М.Архангородской, жены писателя А.Маленького, погибшего в лагере. Старщий сын Акользиных — Юра, родившийся в Сивой Маске в 1943 году, был молочным братом дочери Архангородской и Маленького. Есть письма от врачей С.Елистратова, А.Огоевой, Н.Абрамовой, В.Гладилиной. Письмо от Н. Грин, жены писателя А.Грина было послано в Печору в 1946 году. В нем она просила содействия в переводе из северного лагпункта Печорлага в Печору по состоянию здоровья. Это письмо было передано в дом-музей А.Грина в Феодосии по просьбе его сотрудников.

В предыдущей главе мы также рассказывали об обстоятельствах знакомства А.Акользина с Г.Данишевским.

28 — Константин Леонидович Рыжков — бывший торгпред СССР в Турции, осужден на 10 лет. Был начальником колонны в Печорлаге.

29 — Тридцать лет отделенческой больнице. Сб. сост. Коншин А. А. 1980. Архив ПИКМ, ф-19

30 — Перед каждым приездом Данишевского в Печору Плисов просил сочинить для него 3-4 истории, показывающие, что больница продолжает проводить водогрязелечебные процедуры и другие курортологические мероприятия, в действительности, пришедшие в упадок. Данишевский по профессорской наивности верил этим байкам и оставался доволен осмотром больницы.

31 — В Печоре находилось немало китайцев и корейцев, бывших на поселении «за незаконный переход границы». Они отличались исключительным трудолюбием и трезвостью, были мастеровыми людьми. О Киме вспоминают, что он брал за стирку недорого, а стирал отлично, поэтому многие печорцы пользовались его услугами. В начале 50-х годов дворником при больнице был кореец. К работе относился очень добросовестно, летом в белые ночи мог трудиться круглосуточно.

Заведующим столовой работал китаец по прозванию Чан-Кай-Ши. Изготовлял великолепные торты. (Информация М.И.Поповской)

32 — После войны в наши края в очередной раз попали граждане польской национальности: это были солдаты и офицеры Армии Крайовой, воевавшие против фашистской Германии, но обвиненные в национализме. Поляки отличались независимостью суждений и развитым чувством собственного достоинства. Завхозом в больнице был поляк, по прозвищу пан Пилсудский, который запомнился откровенными «антисоветскими» высказываниями.

Литература и источники к статье «Врачи в Печоржелдорлаге»:

1. Азаров, О. Дорога к углю и большим жертвам. / О.Азаров // Ленинец. 1993. — 28 августа, С-3, 1 сентября, С.3-4

2. Азаров, О. По тундре, по железной дороге. /О.Азаров / Печорстрой. История созидания.— Печора, 2000.— С. 9-37

3. Азарх, Р. У великих истоков. / Р.Азарх.— Москва: Воениздат, 1967. — Из содерж.: (о Г.М.Данишевском)

4. Арнольди, Попов Г. Потери науки. (о Г.М.Данишевском) / Арнольди, Г. Попов // Летопись Севера. Москва: Мысль. —1972.— С. 284-286.

5. Афанасьева, Т. Начало культурного земледелия на Средней Печоре. / Т.Афанасьева //Известия Общества изучения Коми края. Научно-популярный краеведческий журнал №1.— Сыктывкар, 2004.— С.53-59.

6. Афанасьева, Т. Несгибаемые. / Т.Афанасьева // Печора молодости нашей. — Печора, 1999. — С.15

7. Афанасьева, Т. Профессор медицины. / Т.Афанасьева // Мартиролог РК «Покаяние», Т.1— Сыктывкар, 1998.— с.689.

8. Афанасьева, Т. Научно-исследовательская база санитарного отдела Печорстроя (1944-1948), /Т.Афанасьева // Сб. Краеведение в Республике Коми: история, современность, перспективы. Материалы республиканской конференции Общества изучения Коми края.— Сыктывкар, 2004. — С.50-56

9. Войтоловская, А. По следам судьбы моего поколения. /А.Войтоловская — Сыктывкар, 1991.

10. Герлинг-Грудзинский, Г. Иной мир.— Пер. с польского / Г. Герлинг-Грудзинский — Москва: Прогресс, 1996.

11. Глущенко, Р. Иных уж нет… / Р.Глущенко // Ленинец.— 1994.— 24 мая.

12. Глущенко, Р. Спасенные жизни. / Р.Глущенко // Мартиролог РК «Покаяние».— Т1.— 1998.— С.687.

13. Глущенко, Р. Оружие добра. / Р.Глущенко // Республика. — 1998.-18 апреля.

14. Горбачева, Л. Исповедь / Л.Горбачева //Ленинец.— 1990.— 25 августа.

15. Данишевский, Г. Акклиматизация человека на Крайнем Севере. Патология человека и профилактика заболеваний на Севере. / Г.Данишевский. — Москва: Наука, 1968.

16. Звенья. Исторический альманах. Вып.2. — Москва: Научно-исследовательский центр «Мемориала», 1991.— С.511-513.

17. Желтый, В. Печора и печорцы / В.Желтый.— Печора: Печорское время, 2000.— Из содерж.: (о А.Левингере) С.13.

18. Каверин, В. Старший брат. / В.Каверин //Дружба народов. —№ 4.— 1989.

19. Киселев, Л. Феномен Зильбера. / Л.Киселев // Наука и жизнь. — №6.— 1994.

20. Комлева, М. Лагерные Гиппократы / М.Комлева // Ухта. — 1989. — 30 сентября.

21. Куусинен, А. Господь низвергает своих ангелов / А.Куусине — Петрозаводск, 1991.— С.150.

22. Макарюнене, Э. Профессор А.Жвиронас. / Э.Макарюнене. — Институт физики АН Литовской ССР. — 1960.

23. Морозов, Н. Гулаг в Коми крае / Н.Морозов.— Сыктывкар: СГУ, 1997.

24. Морозов, Н. Культура и Гулаг. / Н.Морозов // Материалы региональной научной конференции «Политические репрессии в России в XX веке».— Сыктывкар, 2000.— С. 171.

25. Петкевич, Т. Жизнь — сапожок непарный / Т.Петкевич. — С-Петербург, 1993. — С. 299, 301, 306

26. Росси, Ж. Справочник по ГУЛАГу / Ж.Росси. — Москва: Просвет, 1991.

27. Разгон, Л. Чужие / Л.Разгон // Детектив и политика. — № 6. — 1990.

28. Самсонов, В. Жизнь продолжится. / В.Самсонов //Север. — № 4, 5. — 1990.

29. Семушина, Н. Развитие здравоохранения в Печоре / Н.Семушина // Ленинец. — 1991.— 5 июля.

30. Семушина, Н. Мои «лагерные университеты» (о Б.Комлеве) / Н.Семушина // Ленинец.— 1991.-17 сентября, 24 октября, 29 ноября.

31. Семяшкина, В. История не прощает беспамятства (об А. Коншине) / В.Семяшкина // Ленинец.— 1988.— 23 августа

32. Тополянский В. Рыцарь печального образа (о Г. Данишевском) Медицинская газета. — 1991 — 15 февраля

33. Шульдер, И. Муха-почтальон. /И.Шульдер // Нева.— № 4.— 2001.

Источники:

1. Протоколы партийных собраний управления Печорстроя за 1942-4943 гг. Архив общественно-политических движений и формирований (ОПДФ) г. Сыктывкар, ф-1876, о.7, д.355, 212, 208, о.2, д.14.

2. Материалы деятельности Г. М. Данишевского в Печоре в 40-50 годы, Сб. сост.. Коншин А.А. Архив Печорского историко-краеведческого музея (ПИКМ), ф-31

3. Работа НИБ за 1946-1947 годы в цифрах и фактах. Архив ПИКМ, ф-31, д.8.

4. Научный план НИБа на 1947 год. Архив ПИКМ, ф-31.

5.Флора Среднего Припечорья как источник витаминно-пищевого и лечебного сырья. Сб. Санотдела ПЖДЛ НИБ, отд. «Агробиологическая станция». 1948. Архив ПИКМ, ф-31

6. Журнал метеонаблюдений НИБа. Жвиронас А. Рукопись. Печора, 1947. Архив ПИКМ, ф-19

7. Сборник тезисов докладов на 1-й научно-практической конференции врачей Северных строек. 1948, архив ПИКМ, ф-19.

8. Пятилетие больницы. Сб. сост. Коншин А.А. 1955, Архив ПИКМ (Печорского историко-краеведческого музея), ф —19

9. Двадцать лет больнице железнодорожников. Сб. сост. Коншин А. А. 1970. Архив ПИКМ, ф-19

10. Двадцать пять лет больнице железнодорожников. Сб. сост. Коншин А. А. 1979. Архив ПИКМ, ф-19

11. Тридцать лет отделенческой больнице. Сб. сост. Коншин А. А. 1980. Архив ПИКМ, ф-19

12. Сборник научно-практических материалов Печорской отделенческой больницы. сост. Коншин А.А. 6 томов: 1967, 1968, 1970, 1971, 1975, 1980 гг. Архив ПИКМ, ф-19

13. Печорская железнодорожная больница №8. Фотоальбом. Сост. Коншин А.А. 1968. Архив ПИКМ, ф-19

14. Воскресник медиков железнодорожной больницы. Сб. сост. Коншин А.А.1954. Архив ПИКМ, ф-19
15. Письмо Л.Киселева, Москва — Б.Комлеву, Печора.26.02.88, фонд 31 ПИКМ
16. Письмо Л.Киселева, Москва — Б.Комлеву, Печора.13.02.89, фонд 31, ПИКМ
17. Письмо Л.Киселева, Москва — Б.Комлеву, Печора. 7. 03.90, фонд 31, ПИКМ
18. Письмо Л.Киселева, Москва — Б.Комлеву, Печора. 27. 04.90 фонд 31, ПИКМ

Информаторы:

Абрамова (Воронова) Надежда Терентьевна, 1926 г.р., г.Рига, врач; Акользин Михаил Алексеевич, 1944 г.р., г. Самара; Бандалетова (Стольникова) Павлина Андреевна, 1924 г.р., г.Печора, Белова (Арбузова) Клавдия Петровна, 1926 г.р., г.Печора, фельдшер-лаборант; Богданова Раиса Петровна, 1936 г.р., г.Печора, медсестра; Брежнева (Большакова) Венера Семеновна, 1925 г.р., г.Печора, медсестра; Величко (Прошина) Любовь Сергеевна, 1936 г.р.,медсестра, п.Кожва; Виричева Клара Дмитриевна, 1921 г.р., г.Печора, медсестра; Вольская Мария Егоровна, г.Печора, медсестра; Вышегородская (Ильюшина) Анна Ивановна, 1927 г.р., г.Печора, медсестра; Гамасков Александр Акимович, 1912 г.р., г.Клин, з\к Печорлага; Головина Александра Андреевна, 1928 г.р., п.Красный Яг, медсестра; Давыденко (Опрятнова) Серафима Степановна, 1927 г.р., г.Печора; Деньюш (Квасневич) Янина, 1922 г.р., Польша, Гданьск, з\к Печорлага; Дерябина Любовь Михайловна, 1919 г.р., г.Печора, фельдшер; Жоля Николай Николаевич, 1920 г.р., г.Печора; Журавлева (Забелинская) Капитолина Прокопьевна, 1936 г.р., г.Печора, медсестра; Зубатюк (Некипелова) Анастасия Ефимовна, 1917 г.р., г.Печора, медсестра; Инзель (Сергеева) Татьяна Николаевна, 1944 г.р., г. Томск, врач; Казановский Виктор Степанович, 1934г.р., г.Печора; Калиненко Мария Ивановна, 1922 г.р., г.Печора, фельдшер; Камфорина (Шульдер) Светлана Александровна, 1933 г.р., г.Санкт— Петербург; Канева Мария Николаевна, г.Печора, санитарка; Кицаева (Хохлова) Фаина Васильевна, 1924 г.р., г.Печора, медстатист; Клепинина Надежда Николаевна, 1921 г.р., г.Томск, врач; Козловский Медард, 1925 г.р., Польша, Лодзь, з\к Печорлага; Комлев Борис Васильевич, 1903 г.р., г.Печора, врач; Комлева (Андренко) Мария Ивановна, 1921 г.р., г.Печора, медсестра; Куниевская (Вольпер) Юлия Степановна, г.Омск, врач; Лазина (Чернышева) Зоя Дмитриевна, 1927 г.р., г.Печора, врач; Лещенко Антонина Степановна, 1926 г.р., г.Печора, санитарка; Либо Меер Хоньевич, 1917 г.р., г.Печора, врач; Лурис (Калининская) Александра Дмитриевна, 1923 г.р., г.Печора, медсестра; Лютоева Юлия Гавриловна, г.Печора, медсестра; Мельничникова Надежда Андреевна, 1922 г.р., г.Печора, медсестра; Михайленко Сусанна Александровна, г.Печора; Мицкевич (Талалаева) Анна Васильевна, 1934 г.р., медсестра; Муртазина Фаина Дмитриевна, 1931г.р., г.Печора, врач; Омельченко (Серкина) Александра Ивановна, 1921 г.р., г.Печора, медсестра; Поповская (Тихвинская) Мария Ивановна, 1918 г.р., г.Печора, медсестра; Поповский Константин Васильевич, 1914 г.р., г.Печора; Руденко Тамара Михайловна, 1926 г. р., г. Печора; Сазонова (Шишкина) Нина Михайловна, 1925 г.р., г.Печора; Сергиевская Татьяна Алексеевна, г.Печора, врач; Серпунина (Соболева) Нина Ильинична, 1924 г.р., г.Печора, фельдшер; Сидерский Владимир Зиновьевич, 1920 г.р., г.Киев; Соколова (Смирнова) Юлия Григорьевна, 1925 г.р., г.Печора, фельдшер; Чиванов Владимир Григорьевич, 1926 г.р., г.Печора, краевед;

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Репрессированная литература

Т. Афанасьева

Писатели Украины на Печоре

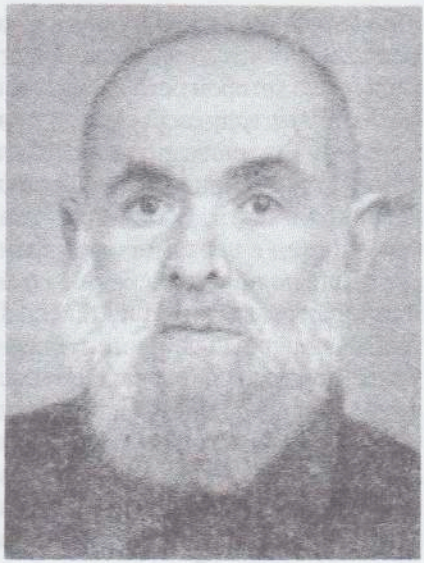
Вместо предисловия

СПРАВОЧНИКИ по украинской литературе не обходятся ныне без указания имён Григория Иосифовича Майфета и Владимира Зеноновича Гжицкого. Но долгое время имена их находились под запретом, а сами писатели были оторваны от творческой деятельности, отправлены на север в лагеря ГУЛАГа. В этом схожа судьба двух талантливых литераторов, хотя после освобождения пути их разошлись. Гжицкий вернулся на родину, был снова принят в Союз писателей Украины, его книги начали издаваться и приобрели популярность. А Майфет так и не смог примириться с советской действительностью. Тяжёлыми были его зрелые годы, омрачённые невозможностью свободного творчества, одиночеством и болезнями, приведшими к добровольному уходу из жизни. Его могилу в городе Печоре знают немногие.

И всё же их помнят старожилы Печоры и Кожвы. Гжицкий, агроном по профессии, проводил успешные опыты акклиматизации южных культур на Средней Печоре, вывел отсталый совхоз в передовые, добившись рекордных урожаев картофеля и других овощных культур. Майфету обязано своим образованием целое поколение печорских врачей, музыкальных работников: он давал уроки иностранных языков, обязательные для вступительных экзаменов в вузы, обучал игре на фортепиано. В 60-е годы часто публиковался в местной газете, являясь внештатным корреспондентом, писал о событиях культурной жизни города, аннотации на фильмы, демонстрируемые в кинотеатрах, являясь компетентным проводником в мире кино.

Много лет кожвинские школьники-краеведы с педагогом Агриппиной Ивановной Луканюк собирали сведения, связанные с именем Гжицкого в Кожве, где он был на поселении. В Печоре и Кожве живут те, кто близко знали Майфета и Гжицкого: Адольф Григорьевич Лудников, Николай Васильевич Лапин, Виктор

В.З. Гжицкий



Г.И. Майфет

Степанович Казановский, Елена Титовна Березкина (Канева) и другие, сохранившие не только воспоминания об этих людях, но и книги, рукописи, письма, личные вещи и передавшие их в городской музей. Эти исторические источники легли в основу публикации, посвящённой памяти замечательных украинских писателей Г.Майфета и В.Гжицкого.

История первая
«Ночь и день» писателя Гжицкого

Он был сыном директора сельской школы на Тернопольщине. Природа не пожалела для него талантов, одарила и внешностью и умом. Из автобиографического романа «Большие перемены» мы узнаём, что ещё в гимназии он начал писать стихи, был вхож в тайный библиотечный кружок, где гимназисты из рук в руки передавали запрещённые книги.

А потом были дороги гражданской войны, бросавшие его то в одну, то в другую враждующую сторону. Взяли на фронт в австрийскую ар-

мию: его родное село Островец находилось тогда на территории Австро-Венгрии. Воевал с поляками, попал в плен к Петлюре. Затем харьковская тюрьма, из которой бежал, скрывался, работая на мельнице.

В 1919 году переехал на жительство в Харьков, на советскую Украину. Во многом благодаря хлопотам случайного знакомого оказался в комиссариате по продовольствию, что явилось спасением от голодной смерти. В 1926 году окончил сельскохозяйственный институт, работал в наркомпроде Украины.

Ещё во время учёбы в сельхозинституте поступил в литобъединение крестьянских писателей «Плуг», и уже в 1924 году был опубликован первый сборник стихов «Звуки трембиты». С этого времени стали появляться в печати его рассказы, повести, очерки, драматические произведения: пьеса о раскулачивании, повесть о беспризорниках, роман о шахтерах, рассказы из жизни украинских крестьян.

Общение с писателями в Доме литераторов помогало совершенствоваться в мастерстве, а богатая событиями и впечатлениями жизнь давала пищу для творчества. Он много ездит, меняет профессии: живёт в деревне, работает на шахте в Донбассе, летом 1928 года совершает путешествие на Алтай. По следам этой поездки появился роман «Чёрное озеро». Теперь сложно понять, какой антисоветский подтекст усмотрели тогда в этом произведении, так как в издании 1960 года оно вышло в переработанном виде. Но и такой вариант книги не может скрыть талантливости автора, искреннего восхищения природой Алтая, её народом, сохранившим, вопреки новым веяниям, свою древнюю культуру.

За это произведение и появившийся следом роман «Захар Вовчура» автор попадает в разряд неблагонадежных, за ним устанавливается надзор, а в 1934 году арест «за враждебную деятельность против советской власти». Приговор «тройки» — десять лет лагерей.

А дальше — север. Он пишет о своей первой встрече с тайгой в романе «Ночь и день», о том, как брели полуживые по этапу в окружении охраны. А ведь как хотелось в юности попасть в эти края! Подолгу разглядывал географическую карту, мечтая увидеть «то несравненное чудо природы, что зовется тайгой, узнать ее тайны, ее суровые законы».

Север предстал перед ним многочисленными лагпунктами: Чибью, Покча, Кырта, Щугор. Работал в лесу, на руднике, дровоколом, уборщиком на ферме, рабочим и агрономом.

К десяти годам прибавили еще четыре: в годы войны политических не освобождали. А после еще десять лет поселения в п. Кожва.

В Кырте он работал сначала на угольном руднике, потом по возрасту перевели на «легкий труд», рабочим в теплицу. Весной 1942 года один из заключенных получил в посылке семена арбуза, и Гжицкий рискнул посадить их в теплице. Южный гость прижился под заботливыми руками, и произошло чудо: выросли десять крупных арбузов и больше десятка помельче. Урожай достался начальнику лагеря. Он отправил угощение своим приятелям в Воркуту, а самый крупный «кавун» — в Кедровый Шор, начальнику лагеря Карлу Валку. Этот арбуз сыграл свою роль в будущей судьбе писателя.

В 1947 году закончился срок заключения. Владимиру Зеноновичу исполнилось пятьдесят два. Пешком шестеро суток добирается он от Кырты до Печоры за документами. Радость была недолгой: вместо «вольного» паспорта — «волчий билет» без права выезда на Родину.

Но одолела тоска по родным местам. С большим риском он совершает поездку на Украину, встречается со своим другом, знаменитым писателем Остапом Вишней (Павлом Губенко), недавно освобожденным из лагерей Коми, одно время сидевшим в Кедровом Шоре, в Еджыд Кырте. Гжицкий встречался с ним и изобразил в романе «Ночь и день» под именем Павла Голубенко.

Неприятности начались сразу по возвращении. В управлении Печорлага работу и местожительство бывшему зэку не дали: не понравился начальству. После долгих мытарств попал к начальнику сельхозуправления в Воркуте. Им оказался тот самый Валк. Он вспомнил случай с арбузом и со словами: «Добрый был кавун!» — подписал заявление, предложив два места на выбор: агрономом в Кочмес или Кожву. Гжицкий выбрал Кожву: это южнее, и там два друга по лагерю, один из них Майфет, с которым он был в Кырте.

Начальник сельскохозяйственной фермы «30 лет Октября», одновременно и агроном, принял хозяйство — хуже некуда. Один трактор, две машины, теплица, парник, сорок коров, десять лошадей, несколько рабочих быков… Да еще 50 га загубленной земли. Это участок леса, отведенный под посадку картофеля, где деревья спилили под корень, оставив пни, которые не выкорчуешь. Пришлось отвоевать у леса еще 10 га. Посадили картофель, посеяли травы. В первый год получился скромный урожай, шесть тонн картофеля с гектара. Но через два год на окультуренной почве собрали 30 тонн!

Доярками на ферме работали вольнонаемные, в основном, девушки-комсомолки, на полях мужчины-заключенные. В конце сороковых годов их забрали на шахты Воркуты, а привезли около трехсот каторжанок из Речлага (Инта), особого лагеря для политических.

И в это время Владимир Зенонович находил для себя возможность писать, делать наброски для своих будущих романов, живя в общем бараке, потом на квартире, которую он, по воспоминаниям односельчан, превратил в маленький музей. Здесь он начал роман «Ночь и день» о своем скитании по лагерям, книгу, полную драматизма.

Год 1953 не принес реабилитации, письмо к Маленкову вернулось с отказом. И только в 1956 году, после XX съезда партии и благодаря хлопотам Остапа Вишни, из Киева прилетела долгожданная телеграмма. Реабилитированным он возвратился на Родину. Уехал с семьей, увез во Львов жену, Марию Михайловну Истомину, простую коми женщину, неграмотную, не знавшую даже русского языка, работавшую у него на ферме дояркой. На удивление всем выбрал он эту совсем неприметную внешне женщину, вдову, у которой муж, служивший в райвоенкомате в Ижме, исчез в лагерях бесследно и которая воспитывала двух своих и одного приемного ребенка. Возможно, душу одинокого человека отогрел сын Марии Михайловны, девятилетний Эдик.

В Кожве Гжицкий оставил своего друга Мыслицкого, первое знакомство с которым случилось на этапе в Печору. Человек с четырехклассным образованием, Иосиф Иосифович был на редкость интеллигентным человеком. Собирая друга в дорогу, Мыслицкий сделал ему фанерный чемодан. С ним Гжицкий и покинул Север навсегда. Дочь Мыслицкого Тамара, живущая ныне в поселке Кожва, вспоминает о Гжицком: «Он вызывал всеобщее восхищение. Высокий, красивый, доброжелательный, никогда при встрече со знакомыми не забудет снять шляпу и поклониться».

В шестьдесят лет началась для него новая жизнь. Его книги после длительного запрета выходят одна за другой. Он даже вступает в партию, навлекая на себя гнев своего друга Майфета, который пишет очень сердитое письмо в Союз писателей Украины, что приводит к временному охлаждению отношений. И только благородное поведение Гжицкого, с радостью принявшего весть о восстановлении Майфета в Союзе писателей Украины и пригласившего к себе в гости, рассеяло ссору.

Весь в книгах, занятиях в пединституте, в музтехникуме — а был он еще и прекрасным музыкантом — весь в творческих замыслах — таков его образ жизни до 1934 года.

День убийства С.М.Кирова ознаменовался новой волной репрессий. «По кировскому набору», по словам самого Майфета, он был осужден к 10 годам лишения свободы с грозной литерой КРТД (контрреволюционная троцкистская деятельность). Но истинной причиной ареста стала его принадлежность к когорте писателей европейского мышления, чье творчество не укладывалось в рамки официально культивируемой провинциальности украинской литературы и культуры.

Молодой ученый очутился на Беломоро-Балтийском канале, а с 1939 года на Печоре, руднике Еджыд Кырта, где находился до освобождения в 1946 году. Поначалу грузил уголь на баржи, но будучи хрупкого сложения, быстро «дошел» на общих работах. Его одолела цинга, потом с пеллагрой в начальной стадии попал в сангородок.

Он лежал в бараке, наполовину врытом в землю, с окошком на уровне земли. В минуты выхода из забвенья глядел туда, где чаще светило солнце и робко пробивалась первая апрельская зелень, будившая надежду на воскресение. Выхаживал его опытный фельдшер, сам бывший заключенный, С.А.Казановский.[1] Помогал и охранник, приносивший еду.

После болезни, за непригодностью к тяжелому физическому труду, его определили в химлабораторию поселковой электростанции.

В Кырте он встретил своих земляков: писателя Владимира Гжицкого и инженера Васыля Труш-Коваля, позже свиделся с полтавским писателем Кочур, тоже Григорием и также попавшим в Интинский лагерь. Григорий Кочур был учеником выдающегося украинского писателя — «неоклассика» М.Зерова, которого Майфет считал своим учителем и прекрасно знал его творчество. В своем романе «Ночь и день» В.Гжицкий изобразил Майфета периода их жизни в лагере. В сборнике «Эпитафии Г.Майфета. Новеллы неволи», над которым Майфет работал после освобождения, в 50-60-х годах, он пишет о своих встречах с украинскими писателями в лагере и ссылке,[2] об укладе лагерной жизни. Пишет о Труш-Ковале, с которым сдружился. Тот доверил свою тетрадь со стихами, благодаря чему они сохранились и были опубликованы после смерти автора.

В 1946 году после так называемого, по выражению самого Майфета, освобождения, он оказался в Печоре: выезд на родину был

запрещен. И все же он решил использовать эту свободу для научной работы, оставаясь ученым-исследователем, которому необходимы общение и информация. Он начинает вести большую переписку, в том числе и с заграницей, ему присылают книги на всех европейских языках. «Связь с заграницей» — это опять привлекло внимание «органов». Его вторично арестовали, отправили в Сыктывкар, но спустя шесть месяцев отпустили.

Возвратившись в Печору, работу нашел в пароходстве, нормировщиком в строительной бригаде — строил дома, сам же жил в хибарах. Одно время работал и нормировщиком в деревоцехе, а в 1954 году, когда начали строить электростанцию для судостроительного завода, пригласили туда как знающего итальянский язык: на станцию поступало итальянское оборудование фирмы Ансальд. Здесь Майфет проработал до пенсии лаборантом в цехе химводоочистки.

К знакомствам он подходил очень осторожно: «Не ты его выбирал, а он тебя». Его круг общения — несколько человек, в основном, коллеги по работе. Это Александр Николаевич Семяшкин, начальник электростанции, сумевший с уважением отнестись к бывшему зэку: «Прекрасный работник, таких честных людей в мире мало. Работал безотказно, все, что ему было предписано по штатному расписанию, выполнял неукоснительно, не гнушался никаким трудом: возится с химикатами, грузит, тащит, подтирает. А ведь был человеком необыкновенно образованным. Разве таких надо было сажать?».

Одним из наиболее близких Майфету людей был Адольф Григорьевич Лудников, начальник смены цеха химводоочистки. Майфет обычно выбирал более спокойную ночную смену, свободные минуты на работе посвящал чтению. Всегда с карандашом и линейкой в руках, осторожно подчеркивал нужные места, аккуратно и бережно обращался с книгой, заражая окружающих любовью к ней. С уважением относился к увлечению Лудникова коллекционированием, дарил ему альбомы с художественными репродукциями. Адольф Григорьевич вызвался помогать Майфету, исполняя роль переписчика его статей. У Майфета был трудно читаемый почерк, писал на клочках бумаги, по лагерной привычке экономя ее.

Еще один человек, которого он удостаивал своей дружбой, Николай Васильевич Лапин, вспоминает: «Говорили мы с ним на разные темы. Он не скрывал своей неприязни к членам партии, о партбилете отзывался так: «Это ваша хлебная книжка». — «Но у меня тоже партийный билет»,— заметил я. «Нет, вы человек совсем друго-

го склада»,— возразил он и принес в дар книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Не скрывал Майфет и отношения к своему времени, называя его «периодом сталинского фашизма».

В первый трудовой отпуск друзьям удалось отправить его в любимую чеховскую Ялту, сумел он побывать и на родной Полтавщине.

В 1957 году Майфета реабилитировали, но это мало что изменило в его жизни, он по-прежнему остался изгоем. Он написал письмо с просьбой принять его на вакантную должность на прежнем месте работы, но получил отказ. Надежды вернуться на родину не осталось.

Образ жизни его иначе как аскетическим не назовешь. Своим внешним видом он эпатировал общество, нося рабочую спецодежду и зимой и летом, латаную-перелатаную обувь, видавшую виды шапку-ушанку. Питался, в основном, кефиром, черствым хлебом, почти не готовил. Не употреблял спиртного. Редко кого принимал в своей комнатке в двухэтажном доме, где жил в коммунальной квартире. Кроме Лудникова, бывал здесь учитель математики Э.Готман, с которым он сдружился, обучая немецкому языку. Да иногда наведывались в отсутствие хозяина из «органов», под неусыпным вниманием которых он всегда находился. Сосед по квартире Вилен Иванович Канев вспоминает: «На обыденные темы не любил говорить, был немногословен, конкретен, скромен. Убранство комнаты можно было бы назвать убогим, если б не стеллажи с книгами, занимавшими все стены, а кроме них лишь топчан, покрытый старой шинелью вместо одеяла, стол, застланный синей картонной бумагой, заменявшей скатерть. Скрашивал его одиночество рыжий чердачный кот, живший с ним до глубокой старости».

Был он человеком исключительной честности. На работе отказывался от премиальных: «Я просто выполняю свои должностные обязанности»,— мотивировал он свой отказ. Просил почтовых работников выслать назад переводы, которые в 60-е годы стали приходить из литфонда в качестве материальной помощи.

По достижении пенсионного возраста он ушел с работы. Подрабатывал тем, что давал частные уроки иностранных языков и музыки. Вырученные деньги целиком тратил на книги, выписывал дорогие издания. Учителем был бесподобным. Вспоминает его бывший ученик, а впоследствии известный печорский врач А.В.Хвиюзов: «У него была своя методика обучения разговорному иностранному языку на текстах подлинников классических произведений. И подход к ученикам был особый. Мог с первой встречи отказать родителям,

Дом по улице Ленинградской, №12, где жил Майфет

мол, «извините, я на ваше чадо тратить время не могу». Дорожили им очень. Уроки давал интересно. Посадит на плечо чердачного кота, гладит его и неторопливо ведет беседу. И попробуй не выполни домашнего задания! На вступительных экзаменах в вуз отметили явно не школьную подготовку». Но когда открылось вакантное место преподавателя математики в СШ№5, Майфета туда не взяли: действовал негласный циркуляр, ограничивающий педагогическую деятельность репрессированным.

Во время «хрущевской оттепели», в 1965 году, Майфет был восстановлен в Союзе писателей Украины. Видимо, проснулась надежда даже в душе этого человека, знавшего цену политическим посулам. Он снова хочет быть полезным, сочиняет рецензии на книги новелл Е.Гуцала, С.Жураховича, Г. Тютюнника, переводит Рильке, публикует десятки кинорецензий. Особенно захватила его «стихия мемуаров». Пишет об украинских литераторах Зерове, Шепотьеве, Тычине, Вражливом. Ведет большую переписку, приходят книги из ГДР и других зарубежных стран, по МБА — фотокопии из библиотеки им.В.И.Ленина. По сохранившимся фотокопиям можно судить

о разносторонности интересов Майфета: много статей и по истории театрального искусства, по творчеству Стефана Цвейга.

В 60-е годы Майфет активно сотрудничал с городской газетой «Ленинец». Он был наделен даром, над которым оказались не властны обстоятельства — это горячее сердце человека-гражданина, откликающегося на события общественной жизни. Он ратовал за приобщение печорцев к подлинной культуре, сделал замечательный репортаж о предстоящем открытии Дома культуры речников, когда молодежь придет в залы, наполненные музыкой его любимого композитора П.И.Чайковского.

Реакция конца 60-х годов заставила откликнуться Майфета критикой в адрес ЦК КПСС. Его статья «К 50-летию советской власти» носила, как тогда говорили, «ярко выраженный антисоветский характер». Власти не замедлили с ответом: был рассыпан набор почти готовой к печати третьей книги «Природа новеллы».

Пристальное внимание органов безопасности Майфет вынужден был терпеть постоянно. Это не могло не угнетать Майфета. Но больнее всего было то, что его перестали печатать. В конце 60-х годов его душевное состояние угасает. Была возвращена рукопись сборника с «категорической рецензией радикальной переработки материала». Болезнь избавила его от этой работы. Не пошли в публикацию или были сокращены статьи, посвященные Цвейгу и Зерову. После этого он еще съездил на Украину, добрые люди старались приободрить его. «Ничего не пишу и зачем писать, если не печатают» (Не пишу нічогісінького, бо чи ж варто писати, коли нема ніякосінької можливості щось друкувати) — это строчка из письма 1972 года.

Майфет принимает решение передать свою богатую библиотеку Союзу писателей Украины. Себе оставляет несколько книг: Евангелие, Украинский календарь со статьей о нем, изданный в Варшаве в 1973 году, книгу М.Зерова, подаренную Г.Кочуром… Но быстро обрастает новыми книгами, говоря в оправдание, что не может без них.

Болезни все чаще давали знать о себе. «Ценой великих усилий сделал много рецензий на кинофильмы»,— хвалился он в зиму 1971 года. Директор кинотеатра «Космос» М.А. Артеев разрешил ему бесплатное посещение киносеансов. В газете «Ленинец» было опубликовано в те годы около пятидесяти его рецензий на кинофильмы. Богатую справочную литературу об актерах советского и зарубежного кино он собрал буквально из газетных клочков, аккуратно разложив в картонные коробочки по алфавиту. Но нашлись люди, которым

помешала и эта деятельность Майфета. Дирекция кинотеатра вынуждена была отказать ему в бесплатном просмотре фильмов. «А он ведь не за деньги работал. Хотел для людей сделать что-то хорошее. Ему и платить-то нужно было лишь для приличия»,— говорит по этому поводу Лапин.

Этот случай еще больше подорвал его здоровье, он чаще стал бывать в больнице. Положение усугубилось тем, что вскоре пришлось оставить свою комнату увеличивающемуся семейству соседей, а приличной жилплощади ему не дали: поселили в малосемейном общежитии в здании гостиницы «Печора», где постоянная суета. А он человек больной, да и по натуре спокойный, тихий.

Майфет становился все более одиноким. Он и раньше производил впечатление человека очень одинокого. О своей семье никогда не рассказывал, но друзья знали, что была жена, после ареста отказавшаяся от него, не сохранившая его богатую библиотеку, которую он собирал с 20-х годов, не сохранившая даже его рукописи. По словам Майфета, всё «пограбували і знищили».

В 1950 году началась романтическая история с Татьяной Алексеевной Сергиевской. По профессии детский врач, она была личностью незаурядной, активной, деятельной. Но и эта женщина, ставшая его последней любовью, не принесла ему счастья.

В последние годы Майфет часто впадал в депрессию, отказывался от еды и питья. «Худо с сердцем, слабость, вялость, сонливость и проч.»,— жаловался в письме к своему другу Готману. На помощь приходили друзья-врачи. Нередко забирала его в больницу известный в городе терапевт Ольга Николаевна Большакова, подолгу лежал в тубдиспансере у Петра Дмитриевича Римских.

Как-то раз, совсем неожиданно, он явился на квартиру к Лудникову. От чая отказался, сказал, что пришел по делу, к которому сразу же и перешел, попросив Адольфа Григорьевича стать душеприказчиком.

Трудно судить о том, что явилось решающим фактором в его решении добровольно уйти из жизни. Одной из причин были, несомненно, болезни, одолевавшие его, он устал бороться с ними, как и с обстоятельствами, над которыми не имел власти, и которые обрекали на существование, тяжелое для человека, во многом опередившего время в понимании современной ему действительности. Конечно, он немало размышлял над тем, как свел счеты с жизнью самый близкий ему по духу человек Стефан Цвейг, не переживший вину немецко-

го народа перед разоренной Европой. Тоталитаризм фашистский и советский оказались одинаково губительными для них. Сам Майфет называет таких людей древним русским словом «печальник». «Я взглянул вокруг себя: душа моя страданиями человечества уязвлена стала», — эти слова А.Радищева ключевые для понимания тех немногих, наделенных редким талантом сочувствия, соучастия, великим даром сострадания.

Это случилось 15 сентября 1975 года. Его нашли бездыханным в собственной комнатке, куда он отпросился из больницы на воскресные дни. Посылка с яблоками, отправленная из Арзамаса его другом Готманом, не застала в живых адресата.

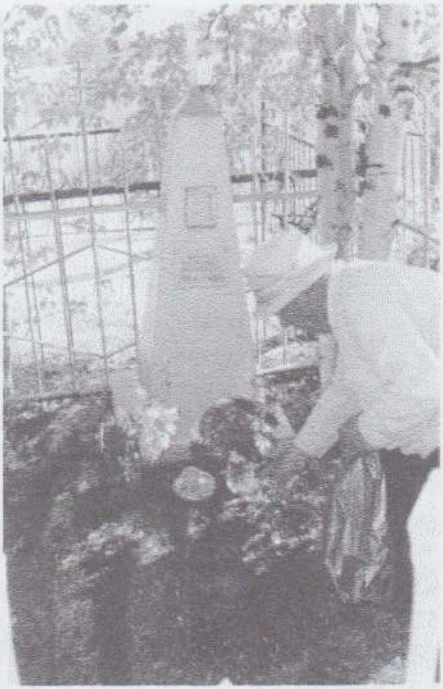
На похороны Григория Иосифовича Майфета собралось немного народа. Благодаря хлопотам друзей и Татьяне Алексеевне, могила обустроена, обнесена оградкой. Менее благополучно сложилась судьба рукописей Майфета: за неимением родственников, квартира была опечатана, архивы поначалу попали в руки органов соцобеспечения, их дальнейшая участь неизвестна.

Сохранилось лишь несколько авторских текстов, которые он при жизни раздал добрым знакомым. Одна из таких самиздатовских машинописных книжек в картонном переплете, украшенном почтовыми открытками — это перепечатанный рукой Майфета текст книги Л.Фейхтвангера «Москва 1937». В блестяще написанном послесловии, носящем подзаголовок «для сталинских идолопоклонников», Майфет резко критикует близорукость немецкого писателя, который не разобрался в кровавой стряпне громких политических процессов Кремля и написал хвалебную книгу.

Еще одна самиздатовская книжка посвящена личности и творчеству С.Цвейга, с описанием его поездки в Россию в 1928 году на празднование юбилея писателя Л.Н.Толстого. Большую часть занимают комментарии к книге и послесловие Майфета, которые высвечивают его духовное родство с этими великими писателями, выразившееся в словах С.Цвейга: «Я слишком нетерпеливый, иду вперед!» Нетерпение сердца становится у него нетерпимостью ко всякому насилию над человеком, над его личной свободой, над устремлениями его духа…»

После смерти Майфета поступило много писем от литераторов, журналистов, исследователей его творчества. Всех интересовала судьба рукописей, последние годы жизни их земляка, похороненного на чужбине. Адольф Григорьевич доверил свои воспоминания, фо-

На могиле Г.И.Майфета
в день столетия
со дня рождения писателя.
г.Печора, 2003 г.



тографии украинскому литератору Петру Ротачу, который старался содействовать открытию музея Г.И.Майфета, изданию сборника его трудов.

В статье о поэте-земляке В.Труш-Ковале Майфет писал, что на могиле друга хотел бы видеть высеченные строки русского поэта Н.А.Некрасова: «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть». Как нельзя более эти слова были бы уместны и на надгробии большого человека и писателя Григория Иосифовича Майфета, имя которого стоит в одном ряду с трагическими именами других украинских писателей: Курбаса, Епіка, Ірчана, Филипповича.

Художественный теоретик, переводчик, шевченколог, исследователь рассказа, он внес свой вклад в европейское литературоведение. Обладая ясной гражданской позицией, он принял вызов эпохи безвременья, сумел сказать во всеуслышание о порочности и обреченности диктаторских идей и об истинном назначении человека, наделенного свободным творческим духом.

Т. Афанасьева

Непрочитанные страницы из жизни Ассоль

«В КОНЦЕ 40-х годов, работая медсестрой на печорской пересылке, я встретилась с женой известного советского писателя Александра Грина», — надо ли говорить, что эти слова моей собеседницы, старожила города, Юлии Григорьевны Соколовой прозвучали не только неожиданно, но и поразили меня. Ведь она рассказывала о женщине, ставшей прообразом Ассоль, героини знаменитых «Алых парусов».

Александр Грин — любимый писатель поколения шестидесятых. «Алые паруса» и другие его произведения стали символом романтизма в советской литературе, светлый женский образ Ассоль находил свое второе воплощение в творчестве песенных бардов, художников, кинематографистов. И невозможно представить себе более несопоставимое, чем этот поэтический образ и реалии ГУЛАГа.

Памятуя о словах Юлии Григорьевны, что в городе Печоре не найти уже других свидетелей пребывания здесь жены писателя, я решила написать письмо в дом-музей Александра Грина в Феодосию. Вскоре пришел ответ от сотрудника музея Л.М. Варламовой. «Ваше письмо счастливо совпало с выходом в свет книги Ю.А.Первовой «Воспоминания о Нине Николаевне Грин»,— писала она. Эта книга, изданная в 2001 году Крымучпедгизом тиражом в 300 экземпляров, стала дорогим подарком нашему музею от коллег из Феодосии. Много позже состоялось знакомство с Михаилом Алексеевичем Акользиным, сыном печорского врача Алексея Ивановича Акользина, знавшего Нину Николаевну по Печорлагу. В их семейном архиве хранилось ее письмо, недавно переданное в дом— музей А.Грина в Феодосии по просьбе его сотрудников .[3]

Нина Николаевна обладала хорошим художественным вкусом и тонким чутьем, на ней Александр Грин проверял читательское восприятие своих произведений, называя ее «феей волшебного ситечка».

Н.Н.Грин
(1894 — 1970)

Со временем в ней развилось и своё редкое чувство слова, об этом свидетельствуют её воспоминания о Грине.

Эти воспоминания Нина Грин писала в лагере на Печоре. Судьба уготовила ей немалые испытания. Выпускница Высших Бестужевских женских курсов, она работала в редакции газеты «Петроградское эхо», где осенью 1917 года встретилась с Александром Степановичем. В 1932 году, после смерти мужа, окончила фельшерско-акушерскую школу и работала медсестрой в Институте физических методов лечения в Феодосии. По ее ходатайству к десятилетию со дня смерти А.С.Грина планировалось открытие Дома-музея писателя. Помешала война. Оказавшись в оккупации с тяжелобольной матерью, Нина Николаевна вынуждена была работать корректором в немецкой типографии. Потом была угнана в Германию. Осенью 1945 года недавняя «остарбайтерин» номер 406 железнодорожного лагеря из немецкого города Бреслау вернулась к родным могилам. И получила десять лет

лагерей за сотрудничество с немцами. Отбывать срок ее выслали на Печору.

Юлия Григорьевна вспоминает об обстоятельствах встречи: «После окончания фельдшерской школы в г.Иваново в 1947 году нас направили «на строительство железных дорог» в п. Абезь, оттуда в Печору, в лазарет при Центральном пересыльном пункте. В трудовой книжке у меня записано: фельдшер лазарета ЦПП СЛЖДС». (*Северное управление лагерей железнодорожного строительства. Эта лагерная структура существовала недолго — с апреля 1947 года по ноябрь 1949 года. Управление располагалось в Абези, а затем переместилось на Игарку).*

Семь корпусов лазарета после реорганизации лагеря передали в ведомство Печорстроя (Печорлага). Персонал лазарета большей частью состоял из репрессированных врачей, но начальником санчасти назначали вольнонаемного, тогда эту должность занимала член партии В.Н.Дробышевская. Главным врачом лазарета при пересылке был Сузрико Состикович Агнаев, хирург, осетин по национальности, находившийся на поселении после десяти лет лагерей. Я работала в хирургическом отделении с врачом-поляком Витольтом Бориславовичем Ярошинским и хирургом Агонасьяном. Оба из бывших заключенных, прекрасные специалисты и замечательные люди, учившие молодых медсестер профессиональным навыкам и врачебной этике.

В корпусе десять палат, а в них до двухсот больных. Самый распространенный диагноз — дистрофия, цинга. Прибывали с этапа истощенные, грязные, поэтому санпропускники обрабатывали одежду для уничтожения вшей. От клопов спасались тем, что варили топчаны, опускали в кипящую воду в разобранном виде. В корпусах очень чисто, на территории лазарета порядок.

Нина Николаевна обитала в женском корпусе № 6 при лазарете. Это был жилой барак, но обретались в нем те, кто находились «на истории болезни», то есть инвалиды. Нина Николаевна работала в обслуге корпуса №2. Хорошо читала по-латыни, раздавала лекарства, помогала медсестрам делать уколы. Иногда наши дежурства совпадали. Мне очень хотелось сойтись с ней поближе, но по ночам вольнонаемные не дежурили, оставались фельдшера из заключенных, а днем это было сложно: нам запрещали беседовать с заключенными. Помню такой случай: мы сидели на лавочке перед зданием 2-го корпуса, к нам подсели два медбрата — и только за это их отправили по этапу.

Однажды начальник пересылки послал девчонок-медсестер отвезти мешок с личными делами заключенных во второй отдел управления в поселок Абезь. И мы всю ночь читали документы. Меня больше всего интересовало дело Нины Николаевны, из которого я узнала, что ее осудили по статье: 58-1а — измена Родине. Облик этой спокойной миловидной женщины в возрасте никак не вязался с материалами личного дела, где речь шла об опасном враге советской власти».

В книге, присланной из Феодосии, опубликовано письмо Татьяны Тюриной, знавшей жену Грина по заключению: «Нина Николаевна имела авторитет у персонала и заключенных. По ночам на дежурствах она писала воспоминания о муже. Возле ее койки на тумбочке стояла его фотография».

А вот еще одно письмо. Автор послания — представитель княжеского рода Сумароковых вынужден был сменить фамилию, но и это не спасло его от ареста:

«Касимов. 1 октября 1966 года. Вы много лет тому назад морально поддержали меня в страшный первый день по прибытии на Крайний Север. Лежа на нарах, я с ужасом взирал на окружающую меня жуткую обстановку. Вдруг я увидел, как в палату вошла женщина в белом. С какой кроткой материнской лаской обращалась она с обступившими ее полуодетыми, истощенными существами. То были Вы, Нина Николаевна. Едва ли вы помните сейчас жалкую, донельзя истощенную «развалину», как тогда назвал меня врач-ординатор барака. Я только что прошел тяжелый искус следствия в Лефортовской тюрьме, потом длительный кошмарный переезд из Москвы до Печоры. Испытал бесчеловечное отношение конвоиров, издевательства и насилие урок. Я был сломлен физически и нравственно… Вот в такую минуту отчаяния я услышал от вас несколько слов участия. Как они были в то время дороги, могут понять только те, кто все это пережил…»

Она получала много писем, помогающих ей в работе над воспоминаниями о Грине. К несчастью, вариант воспоминаний, посланный брату в 1950 году, был уничтожен из страха перед обыском, так как в это время началась кампания против Грина-писателя. Узнав о гибели своих записок, Нина Николаевна погоревала… и принялась писать заново.

Сюда же, в Печору, шли посылки от первой жены А.Грина, которая была привязана к Нине Николаевне, как старшая сестра. Вера

Павловна Калицкая слала деньги из своей крохотной пенсии и даже переписывала для нее произведения А.Грина.

В начале 1950 года Н.Н.Грин отправили в более южный лагпункт, в Иоссер, а потом в Астраханский инвалидный лагерь. Это был страшный лагерь, куда переводили с севера «доходяг», быстро умиравших здесь от перемены климата. Сильно ослабевшая, больная, вынужденная жить в одном бараке с уголовницами, она вынесла и это испытание.

Лишь в 1955 году ее освободили по амнистии. Она вернулась в Старый Крым и начала борьбу с местными властями за свой домик, его восстановление и организацию в нем мемориального музея А.Грина.

Ко времени ее возвращения из ссылки в домике Грина находился сарай и курятник первого секретаря горкома партии. Разгорелась многолетняя тяжба. Старая, больная женщина столкнулась не на жизнь, а на смерть с партийными бюрократами. Старокрымские аппаратчики пошли по пути обмана и проволочек. В глаза они говорили ей одно, а за глаза обливали грязью, додумываясь до того, что она не жена А.Грина, что она отреклась от больного писателя. Все эти измышления были отпечатаны типографским способом и показывались всем, кто проявлял интерес к заботам вдовы. Но недруги Нины Грин недооценили ее. Она подняла на ноги правления СП СССР и Украины, Министерство культуры, подключила многих авторитетных писателей, прессу…

В этой нелегкой борьбе ей помогали поклонники и почитатели А.С.Грина. «Только благодаря сознанию, что за моей спиной стоят такие люди, я имела силы и мужество бороться с чиновничьей инертностью и косностью целых три года», — звучат слова признательности в их адрес. Они писали ей, приходили в дом, поддерживали материально. Ей удалось отстоять домик, а потом десять лет, до самой смерти, она добивалась официального признания музея.

О своей жизни в 60-е годы она говорит так: «Тону в делах, «хождениях по мукам», добываниях того-другого; ползаю на коленях по земле, радуюсь, касаясь ее, сажая цветы. Руки стали, как чёрные грабли, а на душе тихая радость, которую не могут смутить даже мелкие гадости местного щедринского помпадура. Мне теперь всё хорошо. Только очень не хватает времени. И уже над домиком А.С. жильцы-скворцы. Я так тосковала о них на Печоре».

Н.Н.Грин умерла в 1970 году, при жизни не добившись ни реабилитации, ни открытия организованного ею мемориального музея. Только спустя 27 лет ее реабилитировали.

Александр Степанович Грин вернулся в русскую литературу во многом благодаря своей жене. Теперь у него не один музей, а три: в Старом Крыму, Феодосии и на родине на Вятке. Друзья исполнили последнюю волю Нины Николаевны — быть погребенной рядом с мужем.

Отныне они всегда будут вместе: муж и жена, певец и его муза.

Примечания к главе 4

1 См. статью Т.Афанасьевой «Отец и сын»

2 На Печоре отбывали срок и другие украинские писатели. Григорий Афанасьевич Стеценко с 1947 года находился на штрафной колонне на Джынтуе. Реабилитирован в 1992 году. (*В.Семяшкина «С вами говорит герой повести о Джынтуе», \\ Печорское время, 4 марта 2008 г.)* Михаил Григорьевич Ивасюк, арестованный в 1949 году, находился в г.Печоре, работал фельдшером под руководством А.Шульдера в психиатрическом отделении больницы Печорстроя. Его первая книга «Червона троянди» вышла после освобождения, в 1960 году. *(Архив ПИКМ, ф-31, о— 39, д-4)*

3. В письме она просила содействия А.И. Акользина в переводе из северного лагпункта в Печору по состоянию здоровья.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«… могил безымянных провалы»

И. Данилова

Город мой — на костях,
Словно храм на крови.
Кто погиб да простят,
Что мы жить здесь смогли.
В этом северном крае,
Где топи болот
Помогали вождям умерщвлять свой народ.
Город мой, он возник,
Словно храм на крови,
Как надгробье для тех — безымянных могил…
Небо смотрит на нас.
Звезды слышат в ночи,
Как у Родины сердце от боли кричит.
Нам знакома та боль,
В нас она глубока.
Уж наплакалась вволю Печора — река…

Рисунок Б. Иванова
«В карьере»

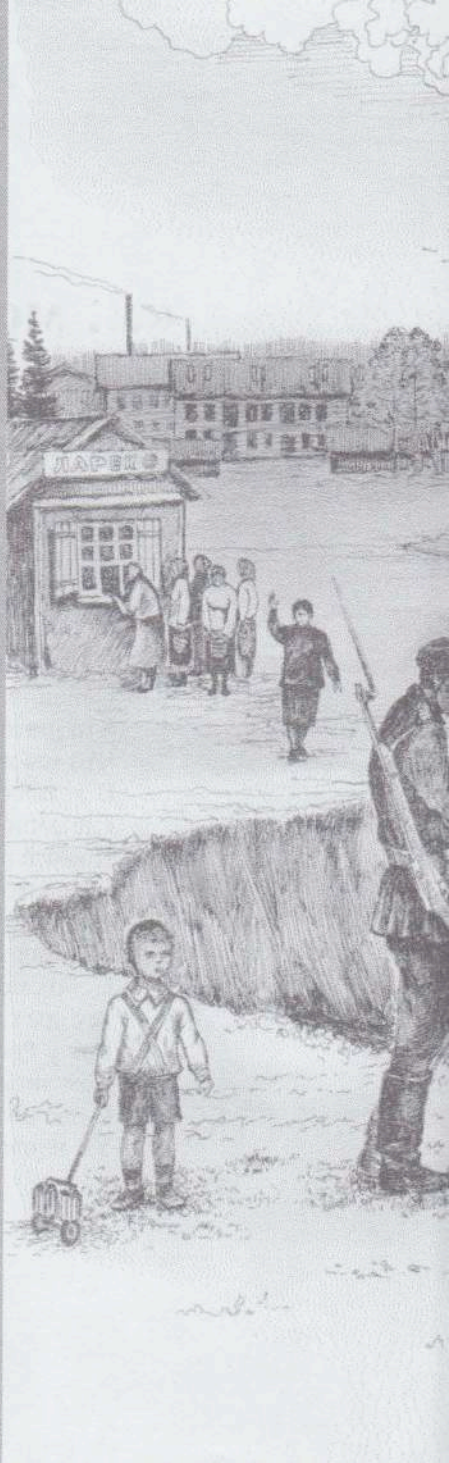
Воспоминания Б.Б. Иванова:

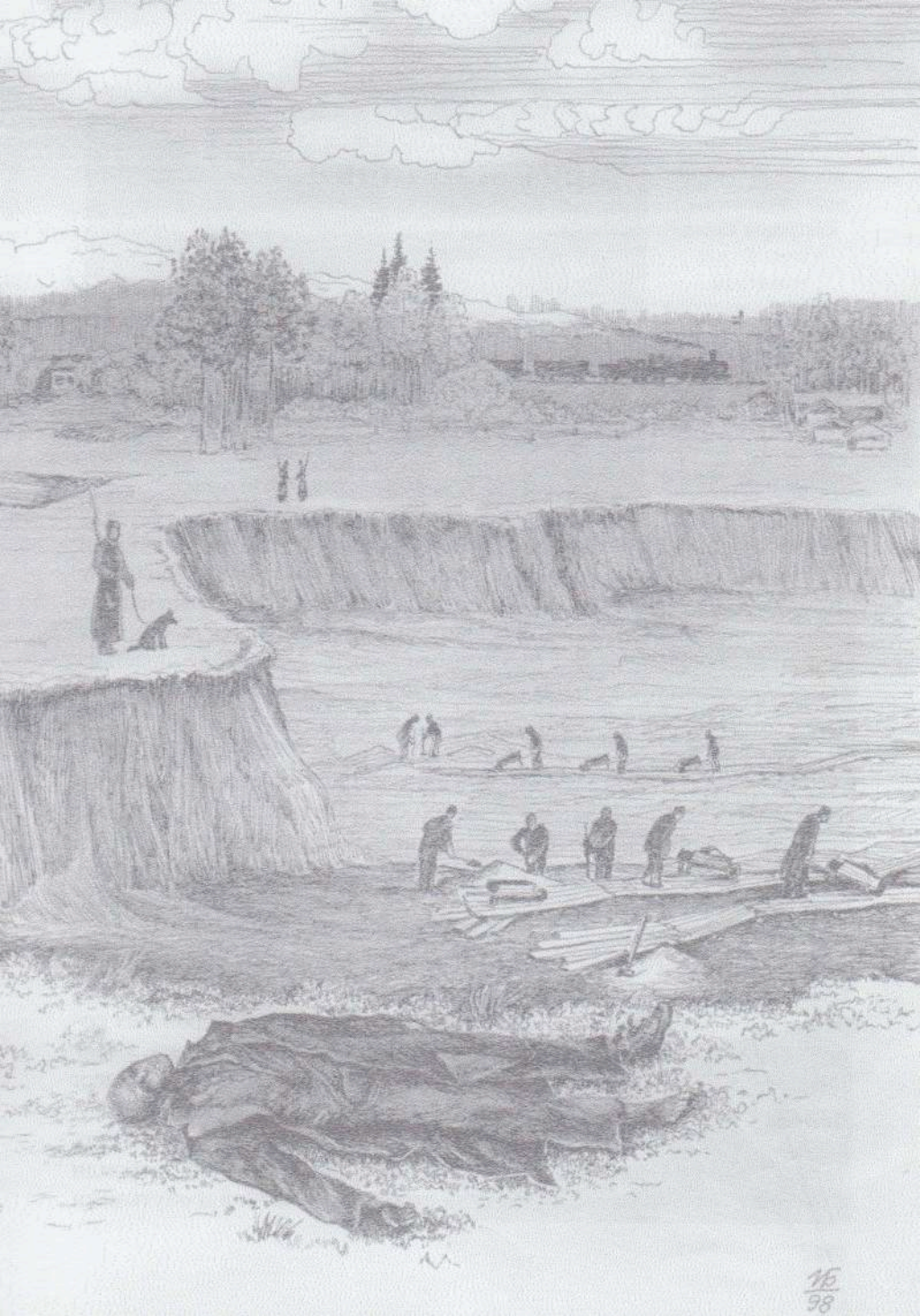
В 1948 году мне было четыре года, и жили мы на станции Ирасель.

Мать готовила обед на общей кухне, когда прибежала соседка с сообщением, что в ларьке «выкинули» крупу. С продуктами в послевоенные годы было плохо, и мы заспешили к ларьку, стоявшему рядом с карьером, где работали заключенные. Движимый любопытством, я подошел к кромке котлована, рассматривая людской муравейник внизу. Неожиданно один из заключенных бросился на крутой откос. Охранник вскинул винтовку, раздался выстрел...

Убитого подняли наверх. Он был бритоголов, в шинели, надетой на голое тело, из ушей и рта струилась кровь. Свалившийся с ноги грубый ботинок лежал рядом.

Через минуту работа в карьере вошла в привычный ритм, очередь у ларька лениво переговаривалась в ожидании товара. Окончания этого солнечного дня я не помню: все утонуло в обыденности, не нарушаемой ничем. Только спустя много лет до меня дошел смысл происходившего.





В. Чиванов

Шрамы истории

Вот они — нашей дороги строители!…

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено…
Все ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?…
Н.Некрасов «Железная дорога».

ПРОКЛАДКА железнодорожного полотна шла по безлюдной местности, через нетронутые леса, топкие болота, большие и малые реки. На стройке работали обитатели бесчисленных лагерей, проделавшие долгий и мучительный путь из переполненных тюрем. Карающая десница сталинского произвола вырвала людей из привычной жизни и превратила в безликую рабочую массу, обреченную на вымирание.

К началу строительства огромная империя Ухтпечлага разделилась на лагерные районы, из которых в мае 1940 года были выделены Севжелдорлаг с управлением в Княжпогосте и Печоржелдорлаг с управлением в Абези. До этого этапы заключенных поступали, в основном, водным путем через Архангельск и Нарьян-Мар в переполненных трюмах барж. От деревни Усть-Кожвы до места, где впоследствии располагалась мебельная фабрика, были оборудованы временные причалы.

На берегах Печоры и даже на острове формировались колонны, которые одна за другой шли на север в направлении Косью. Другие оставались в районе Печоры на строительстве железнодорожных сооружений, поселка и моста через реку. Многие направлялись на юг для сооружения временных мостов, деревянной дороги — лежневки и лагпунктов.

Как всегда, тяжелее всех было первопроходцам. После больших переходов по бездорожью они пилили лес, корчевали пни, строили бараки с нарами из жердей, ставили сторожевые вышки и опутывали

Захоронение на ст.Дозмер. Поисковая группа учащихся Сыктывкарского лицея народной дипломатии измеряет расстояние между объектами. 2001г.

Остатки деревянного надгробия репрессированному генералу. Старое кладбище заключенных в п.Рыбница. 2001г.

свои лагеря колючей проволокой. Порой оказывались без продовольствия и медицинской помощи. Печорская земля начала принимать прах первых строителей.

Лагпункты и колонны заполнялись заключенными, и начался изнурительный труд по возведению земляного полотна железной дороги. Сжатые сроки строительства приводили к тому, что трудились по двенадцать часов в любую погоду. Огромный объем земляных работ выполнялся, в основном, методом «тачечной возки». Орудиями труда были лопата, кирка и тачка. Нормы выработки были по плечу лишь физически выносливым людям при усиленном питании. Если норма не выполнялась, то урезался и без того скудный паек. У заключенных возникал необратимый процесс полного истощения организма, заканчивающийся смертью. Лагерные эскулапы не могли освобождать от работы больных свыше определенного количества. Появилось множество «доходяг»: больных дистрофией, пеллагрой, цингой, авитаминозом. В зимнее время начались массовые обморожения.

Вдоль трассы появилось множество лазаретов, куда поступали вконец ослабевшие люди, а отсюда была одна дорога — в общую могилу. Стройка же, как на войне, получала новое и новое пополнение. Так воплощалось в дело бериевское выражение «стереть в лагерную пыль!»

Ни таблички, ни креста

Много лет рядом со старым городским кладбищем в железнодорожной части размещался лазарет №1 первого отделения Печорлага. Старожилы свидетельствуют, что на одной половине существующего кладбища были погребены заключенные, умершие в лазаретах и зонах Печорлага. Кроме того, захоронениями занят весь участок земли от кладбища до проезжей части Больничной улицы. Здесь и сейчас видны провалы могил. Именно на этом месте в 1992 году силами общества «Мемориал» и Печорской православной церкви был установлен памятный знак «Жертвам Печорлага 1940-1957 гг.».

Рядом со станцией Мишаяг более двенадцати лет размещался лазарет. Теперь почти никто не знает, что здесь находится огромное массовое захоронение.

Много лагерных зон располагалось в районе Косью. Там был большой лазарет. По обе стороны от реки находятся два крупных захоронения. Здесь покоится прах тысяч умерших от непосильного тру-

Захоронения заключенных при лазарете №1 САНО Печорлага. Район старого городского кладбища в железнодорожной части города, где ныне установлен памятный знак «Жертвам Печорлага 1940-1957 гг.» Фото 1990 г.

да и жутких условий лагерной жизни. Памятником им служит мост через реку и высокая насыпь через болото.

В трех километрах севернее от станции Рыбница на 1712 километре был лазарет. Невдалеке, на краю большой поляны остались следы множества погребений. Путейцы помнят, как на 1762 километре перегона Чикшино—Ронаель ночью флуоресцировали останки похороненных здесь заключенных. В пяти километрах от этого места, рядом с бывшей станцией Ронаель, находятся десятки провалившихся групповых могил.

И возле станции Кожва есть много захоронений. Одно из них в трех километрах южнее вдоль ветки на щебеночный завод, еще одно — вдоль железнодорожной ветки на лесобазу. Лесные захоронения обнаружены в пяти километрах севернее станции Каджером и близ станции Вылью. Но всего не назовешь, простое перечисление заняло бы много страниц. Впереди предстоит большая работа по обследованию лагерных кладбищ и массовых захоронений.

Чувство глубокой скорби и душевной боли охватывает, когда находишься на таком заброшенном лесном кладбище, где к небу обращены провалы групповых могил. Чем больше в них брошено трупов, тем глубже провал. Эти провалы словно шрамы, оставленные историей на печорской земле.

Выросли вокруг могил березки, осины, сосны. Но не печалится здесь сказочная птица Алконост, не подает надежд райская птица Гамаюн. Не поют здесь и певчие птицы тех мест, где родились и выросли те, кто обрел в этих краях вечный покой. Лишь в шелесте листьев кажется, что слышны беззвучные голоса тоски, муки, ужаса принявших мученическую смерть людей.

Кто они? Нет ни плит, ни крестов, ни табличек.

Обращаюсь к охотникам, туристам, грибникам, ко всем согражданам. Если встретите в лесу такие могилы, остановитесь, склоните голову в память о безвинно убиенных, чей прах покоится на нашей земле.

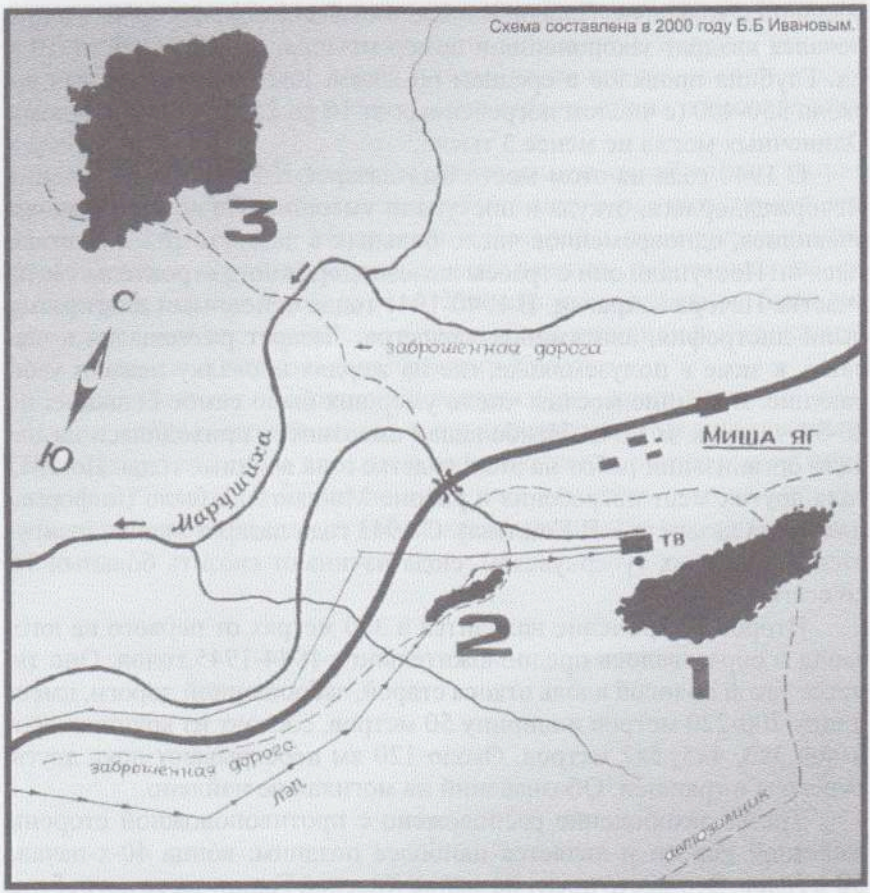
На местах массовых захоронений намечается установка памятных знаков. Согласно Российскому закону «О погребении и ритуальном деле» от 12 января 1996 года органы местного самоуправления обязаны обследовать, заносить в земельную документацию и обустраивать так называемые «старые военные и ранее неизвестные захоронения», к коим и относятся массовые захоронения сталинской эпохи. Эти же мероприятия должны проводиться в соответствии с Постановлением Главы Республики Коми «Об увековечении памяти жертв политических репрессий». Предстоит выполнить большой объем работы, требующий материальных затрат.

Эта статья организатора Печорского отделения общества «Мемориал» В.Г.Чиванова явилась первой публикацией о лагерных захоронениях в газете «Ленинец» в 1990 году и вызвала много откликов. Из письма семнадцатилетней И.Лепиловой: «Меня очень тронула эта печальная страница прошлых лет. Я живу на станции Кожва. Там, где расположен наш поселок, тоже были лагерные зоны. На их месте детвора находила гильзы, кирзовые сапоги, фуфайки... А недалеко от нас, в п.Набережном, на берегу, чуть севернее моста, было захоронение. Сейчас там стоят дома, гаражи.

Обращаюсь вам с глубокой признательностью и просьбой писать об этом больше: мы, молодое поколение, должны знать правду о прошлом».

Б.Иванов

Массовые захоронения в районе Мишаяга Печорского района



Карта-схема захоронений в Мишаяге

ИЗУЧЕНИЕ массовых захоронений заключенных Печорлага в 40-50 годы в районе Мишаяга (Марушей) началось летом 1998 года Печорским отделением общества «Мемориал». Эта территория частично разрушена дорогами и техническими сооружениями телецентра.

Выявлено три очага захоронений. Первое находится в 120 — 130 метрах от центра ТВ на юго-восток, имеет длину 300-350 метров и ширину до 120 метров и относится к периоду 1940-1943 годов. Провалы размером 3х3, 3х4, и 4х4 метра, на некоторых из них сохранились колышки. Первоначально они были с дощечками, где отмечался квадрат захоронения и номер могилы: а1-10, б1-10, в1-10 и т.д. Глубина провалов в среднем 60-80 см. Количество крупных ям около 350-400 (с числом погребенных от 10 до 25 человек в каждом). Одиночных могил не менее 3 тысяч.

С 1940 года на этом месте был лазарет №2 первого отделения Печоржелдорлага, откуда и поступали умершие. По воспоминаниям очевидцев, одновременное число больных в лазарете №2 достигало тысячи. Поступали они с трассы железнодорожного строительства на участке Печора—Аранец. В 1940-1941 годах основными диагнозами были дистрофия, авитаминоз, пеллагра. Лазарет размещался в шалаше, к зиме в полуземлянке, где на жердях вповалку лежали умирающие. В зимние месяцы число умерших было самое большое: по 20-30 человек за ночь. Наибольшая смертность приходилась на начало организации работ на этом участке и на военные годы. До 1943 года других мест погребения в районе Мишаяга не было (информация врача лазарета Б.В.Комлева). С 1943 года лазарет специализируется на больных туберкулезом, сюда начинают свозить больных ТБ со всего лагеря.

Второе захоронение находится в 300 метрах от первого на юго-запад и образовалось предположительно с 1944-1945 годов. Оно тянется узкой полосой вдоль откоса старой, заброшенной дороги, имеет длину 200-220 метров и ширину 50 метров, состоит из крупных провалов 3х3, 4х5, 5х7 метров. Около 120 ям перекрывают друг друга, переходя в траншеи. Обозначений на могилах не найдено.

Третье захоронение расположено с противоположной стороны железной дороги и является наиболее поздним: конца 40-х-начала 50-х годов. Это место носит название Красной Горки, здесь погребены и заключенные, и вольнонаемные. Преобладают провалы размером 1х1, 2х1, 0,5х1 метров, обнаружены также 22 могилы размером 2х2,

2х3 метра. Сложность определения границ захоронения и количества могил в том, что они сровнялись с землей вследствие небольших размеров. Трудность для исследователя создает также сложный рельеф местности и густой лес из ели, березы и подлеска. Сохранилось несколько могильных крестов конца 50-х годов.

Общее число погребенных на трех площадях — около 40 тысяч человек. По данным исследователя Н.А.Морозова, это самое крупное массовое захоронение в республике.

В районе Марушей (Мишаяга) находилось несколько рабочих колонн (№ 48, 46, 12, 26 и т.д.) по 150-200 человек в каждой. Колонны специализировались на строительстве железной дороги, отсыпке грунта обходной дороги, позже — выравнивании траектории трассы на этом участке; одна из колонн — на добыче глины и производстве кирпича.

Это место стало последним пристанищем людей разных национальностей. В 1940-1941 годах прибыло много поляков, из них выжили единицы. Между Марушами и Печорой в послевоенные годы располагалась колонна военнопленных немцев, работавших на отсыпке полотна железной дороги. Условия их содержания были неплохими, смертность невысокая, так как они находились под охраной Международной организации Красного Креста.

Исследование захоронений должно быть продолжено. В 2001 году по нашему приглашению в нем принимали участие учащиеся Сыктывкарского лицея народной дипломатии под руководством историка И.В.Сажина. В будущем предстоит уточнить границы площадей, даты, численность погребенных. А узнаем ли мы когда-нибудь их имена?

И. Данилова

Узникам ГУЛАГа, строившим
Северную железную дорогу.

Могилы светятся в ночи
Провалами глазниц.
Не докричишься — не кричи,
И не увидишь лиц.

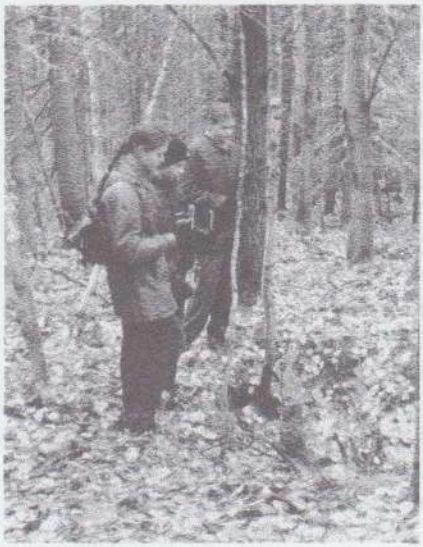
Нет ни таблички, ни креста,
Ни просто бугорка,
Чтоб эти гиблые места
Не распознать в века.

Лишь только крик гусиных стай,
Как память о былом.
Лишь только рельсов стонет сталь
О судьбах, что на слом.

Здесь перед смертью все равны,
Враз сгинуть суждено.
Обитель страшной тишины —
Болотистое дно.

Давай с тобою помолчим.
Сквозь прах забытых лиц
Могилы светятся в ночи
Провалами глазниц.

Могильный столбик на массовом захоронении заключенных в Мишаяге. 2000 г.



Учащиеся СШ №83 на захоронении в Мишаяге. 2000 г.

Установка памятного креста на месте массового захоронения заключенных в Мишаяге поисковой группой лицеистов из г.Сыктывкара. 2001г.

Т. Афанасьева

История одного захоронения

«Много оскалов у Архипелага... Но, может быть, мерзее всего он с той пасти, с которой заглатывает малолеток»

А.Солженицын

ЭТО КЛАДБИЩЕ заключенных находится на главном проспекте города, в 40—50-е годы XX века бывшего центром огромного Печоржелдорлага (Печорлага). Территория захоронения, площадью около 9750 м^2, находится в границах парковой зоны между автомагистралью Печорского проспекта и домом № 9 по Печорскому проспекту.

История кладбища началась с 1940-го года, когда на берегу Печоры, в районе Печорлесосплава появились здания лазарета № 5 САНО Печорлага. Это большое хозяйство из девяти лечебных корпусов возглавляла врач Валентина Ивановна Смирнова. Смертность в лазаретах Печорлага в начале 40-х годов была чрезвычайно высокой, люди умирали от непосильного труда, голода, холода, эпидемий. Лазарет просуществовал до осени 1942 года, когда его корпуса были отданы ОЛП №25 (отдельный лагерный пункт) для беременных женщин-заключенных. Одновременно здесь находилось около двухсот матерей, дети содержались в отдельном бараке. Днем матери работали на лесоповале в районе нынешнего поселка Озерный, в определенные часы под конвоем их приводили кормить младенцев. Часть «мамок», живших и работавших на колонне № 15 совхоза «Печора», близ железнодорожного моста, посещали своих детей в выходные дни. Среди женщин были советские немки и финки, высланные с приграничных зон с началом финской и Великой Отечественной войн.

Это была обычная зона с бараками и полуземлянками за колючей проволокой. заведовала домом младенца врач Егорова. Старожил города Сазонова (Шишкина) Нина Михайловна рассказывает, что с 1942 года ее мать Е.А.Шишкина работала нянькой в доме младенца: «После уроков я часто заходила к ней на работу. Дети хорошенькие

на вид, в возрасте до году, но были и до трех, вопреки инструкции, предписывающей содержание детей с матерью до двух лет. Тех, кто уже стоял на ножках, помню в очереди с мисочками за баландой. Удручающее впечатление производили самодельные, некрашеные ящики, которые заменяли коляски во время прогулок и напоминали гробики. Матери выполняли разнообразную работу, даже вышивали и вязали для лагерной администрации: среди женщин, особенно немок и западных украинок, были настоящие искусницы».

По статусу дети не являлись заключенными, поэтому их кормили неплохо, привозили свежее молоко из совхоза. Но смертность была большой из-за дефицита медикаментов, которые централизованно не выделялись: нахождение детей в Гулаге не предусматривалось, они были вне закона. Эпидемии детских болезней и кишечные инфекции следовали одна за другой по причине скученности и антисанитарии. «На один только дом младенца в Канине падает больше половины из всех случаев детской смертности по Канину, там умерло больше детей, чем по всему району в системе райводздравотдела», — звучит в отчете заведующего здравотделом А.И.Климушева на заседании Кожвинского райсовета от 19 марта 1948г. Были и вопиющие случаи. Врач районной больницы Екатерина Васильевна Ветчинкина вспоминает: «Зимой 1948 года, в сорокаградусный мороз из лагерного отделения от «мамок»-заключенных в Песчанский дом ребенка перевозили на лошадях маленьких детей. Они были легко одеты и прикрыты тонким одеяльцем. В результате все трое замерзли. Я выполняла тогда обязанности судмедэксперта и дала соответствующее медицинское заключение, которое пыталась оспорить приехавшая из лагеря комиссия».

Тех, кому повезло выжить, направляли в детские дома, меняя фамилию. Детей, чьи матери имели небольшие сроки, забирали в Котлас, у них еще были шансы найти друг друга после лагеря, а матери с большими лагерными сроками, детей которых увозили в Крым, чаще всего их теряли.

В территориальном отделе ЗАГСа г.Печоры хранятся записи о рождении 113 детей дома младенца. Записи сделаны в 1944-1946 годах и подписаны врачами Архаровым и Мирошник. Мы не знаем, кто из этих детей выжил и какова их дальнейшая судьба.

Кроме умерших младенцев на этом кладбище хоронили заключенных, спецпоселенцев и вольнонаемных. С начала 40-х годов в поселке Канин находились на спецпоселении люди многих националь-

ностей: украинцы, литовцы, латыши, эстонцы, молдаване, китайцы, поляки, немцы, финны и др. Младенцев, заключенных и «спецконтингент» хоронили в безымянных могилах: на колышки с затесом прикреплялась щепка-фанерка с номером. В начале 40-х годов практиковались и групповые захоронения. Начальник лесозавода в Печорском речном пароходстве финн И. Аталанен свидетельствовал, что в лагерных зонах на территории речной части города трупы зимой скапливали, а весной хоронили в общей могиле на этом кладбище.

В 1948 году дом младенца присоединили к лагерному детскому дому поселка Красный Яг. В центре поселка сохранилось детское захоронение, исторически связанное с печорским кладбищем, на котором еще до 1949 года продолжались одиночные стихийные захоронения.

В начале 50-х годов по линии Международного Красного креста в город приезжала финская делегация для знакомства с условиями содержания детей в доме младенца, но дома здесь уже не было…

В городе и сейчас живут те, чьи отцы, матери, сестры, братья нашли на этом месте свое последнее пристанище. Известно несколько имен похороненных здесь: двухлетняя Ксения Гусар, родом с Западной Украины, дочь спецпоселенцев, умерла в начале 1946 года; Типусяк Ксения Николаевна, 1894 г.р., спецпоселенка с Западной Украины, умерла от тифа в феврале 1946 года; Самило Михаил Илокович, высланный с Западной Украины, умер 4 февраля 1946 года от тифа; Самило Екатерина Федоровна, умерла 8 февраля 1946 года от воспаления легких; двухлетняя дочь ссыльного Якова Меринкова умерла во время эпидемии.

В 1954 году на территории кладбища была построена водонапорная башня, при ее сооружении было обнаружено множество детских останков. По словам репрессированного инженера Карева, руководившего строительством, объект возводился как памятник детям. Ветеран пароходства Н.В.Лапин свидетельствует, что установка не отработала и полугода.

До 60-х годов и позже стояли могильные кресты, но территория не имела статуса кладбища, не охранялась. До конца 60-х годов длился уход за тремя могилами в центре кладбища, принадлежащими одной семье: двум сыновьям и их отцу.

Политическая система в стране менялась медленно, власти не были готовы к открытому разговору о преступлениях режима. Всё это привело к очередному безобразию: печорские ребятишки играли

Место бывшего кладбища напротив дома №9 по Печорскому проспекту. 2000г.

Православный крест на месте захоронения поставлен 18 июля 2007 года силами прихода храма Пророка Предтечи и Крестителя Иоанна в память безвинно погибших от репрессий.

Сохранившийся корпус лазарета №5, затем дома младенца, в 50-е — 60-е годы здесь находилось инфекционное отделение райбольницы. Дом на ул.Калинина. Фото 2007 г

между могильными холмиками, кидались черепами. А в конце 60-х годов горожане разбили здесь огороды под картофель. Умалчивание недавнего прошлого стало причиной того, что в 1973 году разрушили часть кладбища при строительстве жилого дома и коммуникаций к нему. «Я работала штукатуром-маляром в Печорстрое, в 1972-1973 годах мы находились на объекте «магазин «Речник». Рабочие прорыли траншею для коммуникаций от здания магазина до автобусной остановки — и явилось большое количество черепов, некоторые с сохранившимся волосяным покровом. Часть в ящиках вывезли на кладбище в районе аэропорта, остальное растаскивалось людьми и собаками. Парни, озоруя, выставляя черепа в оконных проемах, пугая нас. Ребятня играла ими в мяч. Я и сейчас стараюсь обходить это место», — таковы воспоминания жительницы города А.А.Шевелевой.

Сровнялись могильные холмики и провалы, выросли деревья, время поглотило людские трагедии, слезы матерей. В память безвинно погибших от репрессий здесь установлен православный крест силами прихода храма Пророка Предтечи и Крестителя Иоанна. 18 июля 2007 года крест был освящен Епископом Сыктывкарским и Воркутинским Питиримом. В будущем здесь намечается возвести часовню.

Источники, литература к карте-схеме массовых захоронений в районе Мишаяга Печорского района

1. Дневник полевых исследований 1998 г. в районе Мишаяга. Б.Б. Иванов. Архив ПИКМ, ф-31

2. Дневник полевых исследований лета 1999 г. Б.Б.Иванов. Архив ПИКМ, ф-31

3. Дневник полевых исследований лета 2000 г. Б.Б.Иванов. Архив ПИКМ, ф-31

4. Дневник полевых исследований лета 2001 г. Б.Б.Иванов. Архив ПИКМ, ф-31

5. Морозов, Н. Гулаг в Коми крае 1929-1956 / Н.Морозов. — Сыктывкар.— 1997.

6. Система ИТЛ в СССР 1923-1960. Справочник.— Москва: Звенья.— 1998.

7. Информаторы, жители г.Печоры: Б.В.Комлев, 1903г.р.; М.И.Комлева, 1921г.р.; В.Г.Чиванов, 1926 г.р., А.И.Вышегородская, 1927 г.р.; В.С.Ларюкова (Колесниченко), В.В.Давыдов, 1924 г.р., А.Е.Зубатюк, 1917 г.р.; В.К.Тарасова, 1925 г.р.

Информационные источники статьи «История одного захоронения»

Документы Печорского госархива ф-101, д-103, л.-20,

Книга записей актов о рождении 1944 —1945 гг. Т. 03, 1 п. Канин. Отдел ЗАГСа г.Печоры.

Книга записей актов о рождении 1945 —1946 гг Т. 04, 1 п. Канин. Отдел ЗАГСа г.Печоры.

Информаторы:

Артеева (Таратина) А.Н., 1925 г.р., г.Печора;

Бандалетова (Стольникова) П.А., 1924 г.р., г.Печора;

Богомолова Л.М., 1953 г.р., г.Печора;

Большаков В.И., 1926 г.р., г.Печора;

Ветчинкина Е. В, 1925 г.р., г.Тула;

Дурдело М.Г., 1924 г.р., г.Печора;

Карельская (Гончарова) М.К., 1947 г.р., г.Печора;

Качаева (Ерохина) О.С., 1928 г.р., п.Красный Яг;

Кондратьева (Алферова) А.С., 1927 г.р., г.Печора;

Копылова (Осташева) А.С., 1918 г.р., п. Озерный;

Кравченко П.П., 1925 г.р., г.Печора;

Лапин Н.В.,1927 г.р., г.Печора;

Лудников А.Г., 1926 г.р., г.Печора;

Лурис А.Д., 1924 г.р., Печора;

Мельничникова Н.А., 1922 г.р., г.Печора;

Опарина О.С., 1928 г.р.,. г.Печора;

Поповский К.В., 1914 г.р., г.Печора;

Прокшин Ф.Г., 1925 г.р., г.Печора;

Пугач Х.А., 1919 г.р., г.Печора.

Руськина (Филиппова)Т.Ф., 1947 г.р., г.Печора;

Сазонова (Шишкина) Н.М., 1932 г.р., г.Печора;

Самило (Прокопьева) М.Ф., 1931 г.р., г.Печора;

Самило А.М., 1929 г.р., г.Печора;

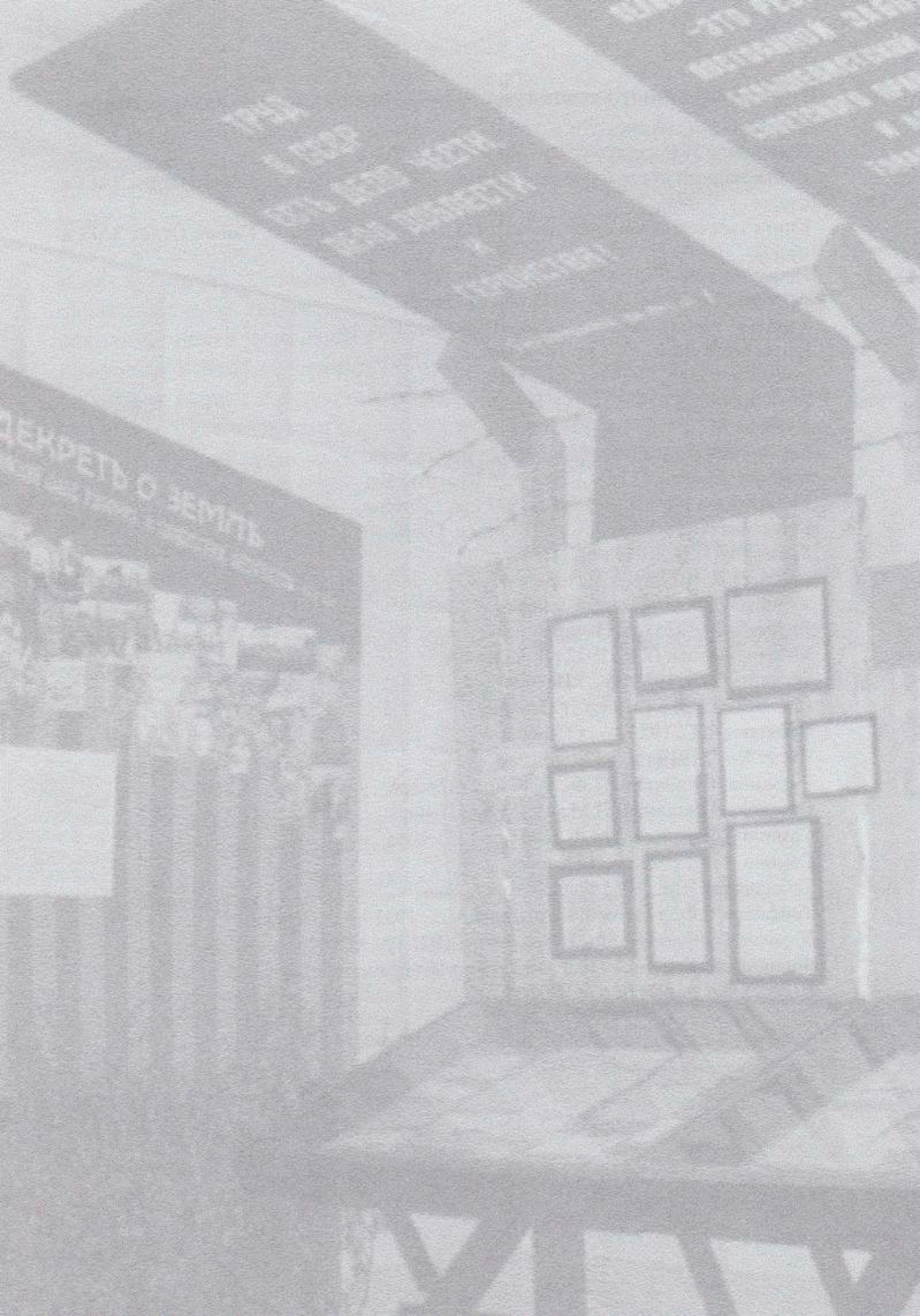
Табашников Г.М., 1915 г.р. п.Луговой;

Трифонов В.Ф., г.Печора; Муртазина А.Д., 1931 г.р., г.Печора;

Ушакова (Типусяк) Анны Гавриловны, 1922 г.р., г.Печора;

Филиппова (Кононова) Н.Д., 1925 г.р., г.Печора;

Шевелева А.А.,1947 г.р., г.Печора.



ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мы помним всё…

Т.Афанасьева

Уроки прошлого

ШЛИ первые годы перестройки, когда один из посетителей музея обратил внимание сотрудников на отсутствие в экспозициях информации о лагерном прошлом Печоры, даже написал об этом статью в местную газету. Это был старожил города, краевед Владимир Григорьевич Чиванов, вокруг которого скоро сформировался круг единомышленников: музейные работники, учителя, библиотекари, журналисты, врачи, бывшие репрессированные, впервые заговорившие о своем лагерном прошлом. Была большая потребность в дискуссиях на темы, недавно закрытые, беседы о необходимости создания в городе отделения Российского общества «Мемориал».

27 мая 1989 года печорцы собрались в актовом зале СШ № 83 на учредительную конференцию Печорского городского отделения общества «Мемориал». Председателем был избран В.Г.Чиванов. П.И.Зеленко, Б.Д.Серов, О.И.Азаров, О.А.Литвинцева, Б.С.Хватов, С.А.Колосов, Т.Г.Афанасьева — вот круг активистов общества в те годы.

Мемориальцы участвовали в выборах, выдвигали своих кандидатов в местные органы власти, работали в комиссии по делам реабилитированных при администрации города. Сотрудничали с местной церковью: благодаря инициативе отца Питирима, будущего Епископа Сыктывкарского и Воркутинского, а тогда настоятеля Печорского православного храма, впервые в городе стали отмечать Дни памяти жертв политических репрессий. В 1992 году общими усилиями поставили первый памятный знак «Жертвам Печорлага» на месте массового захоронения заключенных в районе кладбища в железнодорожной части города.

У каждого было свое направление работы, а вместе делали нужное дело. Б. Хватов, заслуженный учитель школы РФ, организовал школьный музей, где впервые в городе разработал экспозицию о репрессированных жителях города, создал видеофильм о Печорлаге.

Сотрудники Печорского историко-краеведческого музея Э.А. Балагуровская и З.А.Чикова в экспедиции по местам ГУЛАГа (район р.Каменки). Организатор экспедиции В.Г.Чиванов. 1989 г.

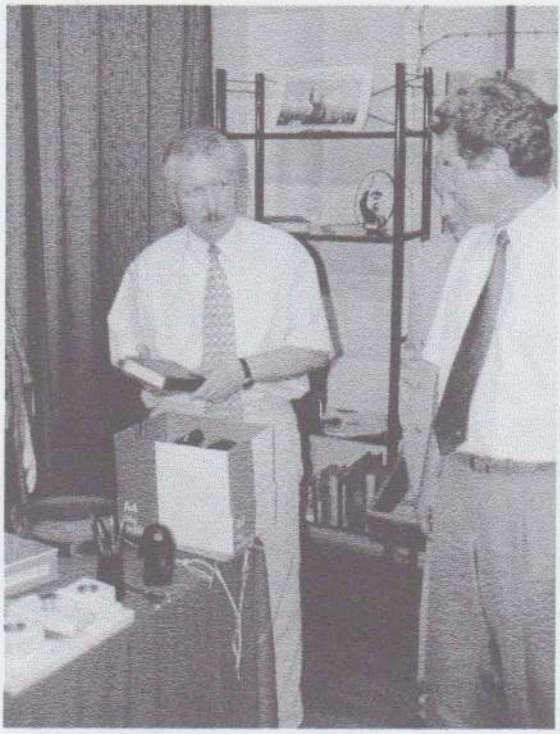
П.И.Зеленко и Б.Д.Серов, активисты Печорского отделения общества «Мемориал», в День памяти жертв политических репрессий, впервые проводимом в Печоре в историко-краеведческом музее. 1990 г.

Один из первых Дней памяти жертв политических репрессий, отмечаемый в г.Печоре и организованный Отцом Питиримом, настоятелем Печорского православного храма, ныне Епископом Сыктывкарским и Воркутинским. 1991г.

День памяти жертв политических репрессий. 1997 г.

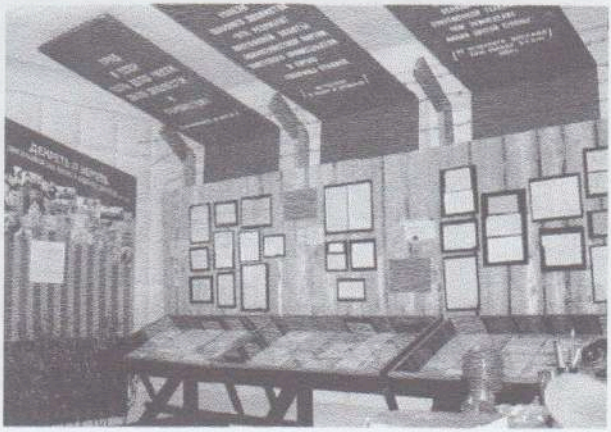
Открытие мемориальной доски на доме, где жил профессор медицины Г.М.Данишевский. 1999 г.

О.А. Литвинцева, активист Печорского отделения общества «Мемориал», на юбилее Б.В.Комлева в Печорском историко-краеведческом музее. 2003 г.



В.А. Торлопов, Глава Республики Коми, вручает в дар собрание сочинений И.Сталина из личной библиотеки. В Книге отзывов Глава Республики Коми оставил запись «Низкий поклон создателям экспозиции «Покаяние». Сохранение в памяти нашей истории — это гарантия не повторения страшных её эпизодов» Печорский историко-краеведческий музей. 2002 г.

В экспозиционном зале «Покаяние», открытом в 2001 г.



И. Е.Кулаков, председатель Госсовета Республики Коми в экспозиционном зале «Покаяние». Печорский историко-краеведческий музей. 2002 г.

В.Чиванов вел поисковую работу, составил карту лагерных объектов Печорского края. Он первым поднял в местной печати тему репрессий, читательский резонанс вызвала его статья «Шрамы истории» о массовых захоронениях заключенных в Печорском районе. Историк О. Азаров вел исследовательскую работу. Лагерный архив сельхоза «Кедровый Шор» впервые стал достоянием общественности благодаря его публикациям. Монография О.Азарова «История одного лагеря» опубликована в Мартирологе РК «Покаяние», в историческом журнале, вышедшем во Франции.

Среди активистов общества — бывшие репрессированные Петр Иванович Зеленко, Сергей Петрович Артемьев, Борис Васильевич и Мария Ивановна Комлевы, Станислав Анастасьевич Вышинский, Меер Хоньевич Либо и многие другие. Голос живых участников событий был голосом самой истории.

С 1990 года по 1994 год председателем совета Печорского отделения Международного общества «Мемориал» стал Борис

Икона «Первостроителям города Печоры — заключенным Печорлага». Вручена в дар городу в честь его 50-летнего юбилея И.Е.Кулаковым, первым заместителем председателя Госсовета РК. Автор работы — Б.Б.Иванов

Дмитриевич Серов. Интерес читателей вызывали его рассказы-были из лагерной жизни, которые печатала газета «Ленинец» в начале 90-х годов.

С 1994 года совет Печорского отделения общества «Мемориал» возглавляет Т. Афанасьева, сотрудник Печорского историко-краеведческого музея. О.Литвинцева, Б. Хватов, Б.Иванов, Л.Едельдкина, А.Луканюк, Г.Канева, А.Нисковский — этой небольшой группе энтузиастов удалось организовать сбор материала по истории репрессий в городе и районе, включиться в научно-просветительскую работу среди учащейся молодежи. Экспедиции по местам Гулага, исследование мест массовых захоронений, изготовление и установка памятных знаков, участие в республиканских и российских конкурсах исторических работ учащихся, публичные мероприятия, помощь

репрессированным в реабилитации, поиску родственников, мест их захоронений — вот далеко не полный круг забот мемориальцев.

В эти годы мемориальцы многих городов и сёл республики Коми объединили усилия, слившись в Ухто-Печорское общественное объединение «Мемориал», которое возглавил Аркадий Ильич Галкин. Это было прекрасное время, когда многое удалось сделать совместно, особенно плодотворно работали по программе «К гражданскому обществу через просвещение молодежи»

В 2001 году республиканский благотворительный фонд «Покаяние» профинансировал создание музейной экспозиции «История одного лагеря».

Мемориальцы участвуют в международных, российских, республиканских симпозиумах, научных конференциях с сообщениями и докладами. С 2004 года включились в осуществление долгосрочного международного проекта «Виртуальный музей Гулага».

Впереди — много работы. Она направлена на осмысление тоталитарного прошлого России, на содействие формированию в России гражданского общества. Об этом слова И.В.Добровольского, представителя Международного общества прав человека: «Найдутся ли у российского народа духовные силы осознать важность и необходимость этой национальной задачи? Найдутся ли тысячи добровольцев, общественные организации и фонды, которые смогут начать и довести до конца этот труд? Если да, то откроются большие перспективы для преодоления духовного и экономического застоя. Но нельзя медлить. С каждым годом становится все меньше живых свидетелей. Знание и опыт этих поколений есть ценнейшее национальное достояние, из которого мы должны извлечь уроки…»

Т. Афанасьева

Памяти И.Е. Кулакова

КОНЕЦ 80-х-начало 90-х годов… Время, когда диалог с властью был реальностью. Печорцам к тому же повезло: главой администрации города в то время был Иван Егорович Кулаков, руководитель, отличающийся демократизмом и незаурядными деловыми качествами. Родом из семьи раскулаченных крестьян, он прошел путь до высот власти и общественного признания: стал председателем Государственного Совета Республики Коми, заслуженным работником народного хозяйства РК, почетным гражданином города Печоры.

А в те годы, несмотря на административно-хозяйственную занятость, он помогал печорским краеведам и общественникам, при его поддержке установлен первый в городе и по сей день единственный памятник жертвам сталинских репрессий; памятный комплекс репрессированным крестьянам в бывшем печорском поселке Ичет-ди, на его родине. С 1999 года он возглавил Коми республиканский благотворительный общественный фонд жертв политических репрессий «Покаяние». Благодаря его содействию появилась музейная экспозиция «Покаяние» в г.Печоре, стали возможны ежегодные поисковые экспедиции учащихся по изучению памятных мест Гулага. А сколько репрессированных жителей республики получили конкретную помощь от него лично и от фонда, им возглавляемого! Он стоял у ключевых моментов этой важной общественной и государственной работы.

Родился Иван Кулаков 20 февраля 1944 года в поселке Ичет-ди на Печоре. Его родители, уроженцы воронежского села Бродовое, разделили участь миллионов российских крестьян, оказавшись в числе раскулаченных во время сталинской коллективизации.

Их высадили с этапа на неуютный берег осенней Печоры. Много людей умерло в дороге, не вынеся тяжести пути и горя разорения, много было погибших и в первые годы от голода, эпидемий, непосильного труда. Среди них и его отец, прекрасный столяр и кормилец семьи. Нелегко пришлось: надо было помогать деду ухаживать за скотом, заготовлять сено, добывать пропитание в лесу и на реке.

После окончания школы поступил в горно-металлургический техникум, который окончил с отличием. Работал в Туле, а после армии вернулся домой на Печору. Работал в тресте «Печорстрой», и одновременно учился заочно в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта. Прошел хорошую школу хозяйственной деятельности. В трудные перестроечные годы возглавлял администрацию города Печоры и вырос до высот республиканской власти. Был неизменным депутатом Госсовета РК от города Печоры. Знал все болевые точки Печоры, и, по собственному признанию, «чуть не половину жителей помнил по имени-отчеству». Он был с людьми и среди людей, опровергая мнение, что высокая политика далека от жизни и интересов простого народа. Не было человека у власти более доступного, открытого, заинтересованного в помощи людям, и, если принимать во внимание бесконечный поток обращений к нему, нельзя не удивляться его работоспособности и умению решать разные по масштабам задачи. Бесперебойная работа Госсовета в очень неустойчивый политический период — во многом его заслуга. Председатель играл важную стабилизирующую роль, нивелируя своим политическим весом и опытом крен в республиканских органах власти. «Я — за конструктивный парламент», — заявлял он, требуя от парламентариев умения в любой ситуации искать позитивное решение проблемы.

Был он честен, порядочен, не терпел интриг. Что давало ему силы противостоять соблазнам власти? Крепкие нравственные корни крестьянства, взращенные трудами не одного поколения и поэтому устоявшие в бурях невзгод. Любовь к природе севера, ставшего для него родиной. Любовь к книге, озарившая светом трудное детство и ставшая любовью на всю жизнь. И конечно, люди, те немногие, которых он считал своими учителями и наставниками.

«Он был полон планов и надежд, собирался многое осуществить. Не успел… 28 ноября 2005 года ушел из жизни государственный деятель российского масштаба, большой души человек. Имя его останется в истории, мы же будем помнить его всегда,» — писали газеты в скорбные дни прощания с Иваном Егоровичем Кулаковым.

Об авторах и создателях книги:

Азаров Олег Иванович — член совета Печорского отделения «Мемориал» с 1989 года. В Печоре работал заведующим отделом по информации и связям с общественностью администрации г.Печоры. Уроженец г.Челябинска, 1958 г.р., окончил исторический факультет СГУ. В настоящее время — первый заместитель Министра культуры РК.

Афанасьева Татьяна Геннадьевна — работник МУ «Печорский историко-краеведческий музей», с 1994 года возглавляет совет Печорского отделения общества «Мемориал». Уроженка с.Айкино Усть-Вымского района РК, 1951 г.р., окончила филологический факультет КГПИ. Заслуженный работник культуры РФ.

Иванов Борис Борисович — художник-реставратор МУ «Печорский историко-краеведческий музей». Родился в 1944 году г.Судогде Владимирской области. До 1994 года работал художником в дирекции киносети «Космос». Отличник кинематографии СССР.

Данилова Ирина Викторовна — выпускница журналистского факультета МГУ, в г.Печоре работала в газете «Ленинец». Автор поэтических сборников: «Серебряное эхо», «Осенний карнавал». Родилась в 1957 году в г. Западная Двина Тверской области. Живет и работает в г.Сыктывкаре. Член союза журналистов РФ.

Литвинцева Ольга Алексеевна — Родилась в 1952 году в г.Печоре, окончила Карельский библиотечный техникум. С 1980 года была заведующей художественной библиотекой ДКЖ, руководитель печорской группы Сыктывкарского отделения Комитета солдатских матерей, член совета Печорского отделения общества «Мемориал», депутат городского совета народных депутатов нескольких созывов.

Михайлов Игорь Леонидович (1913 — 1994) — поэт и критик, член Союза писателей РСФСР, автор тринадцати поэтических сборников. В 1939 году был арестован «за антисоветскую агитацию», находился в Печорлаге.

Мищенко Лев Глебович (1918 — 2008) — современник событий гражданской войны, участник московского ополчения, прошел через нацистские и советские лагеря. После освобождения жил в Москве, в 1956 году реабилитирован. Ученый-физик в научно-исследовательском институте ядерной физики при МГУ, в лаборатории космических лучей. Автор книги «Пока я помню» (изд. Возвращение, Москва, 2006)

Нисковский Антон Анатольевич — студент исторического факультета СГУ. Родился в 1987 году в г.Печоре, выпускник СШ № 83, с 2001 года занимался поисковой работой в клубе краеведения при Печорском историко-краеведческом музее.

Серов Борис Дмитриевич (1914—1994) — возглавлял работу Печорского отделения общества «Мемориал». Автор рассказов из лагерной жизни, опубликованных в газете «Ленинец» в 90-е годы. Родился в г.Нижний Новгород. Осужден в 1937 году по ст. 58. Был в лагерях в Мончегорске и Печоре.

Серова Ольга Борисовна — родилась в г.Печоре в 1948 году. Выпускница СШ № 65. Работник УРСа ПУРПа, ныне на пенсии.

Федосеев Виктор Михайлович — родился в 1954 году в г. Печоре. Окончил среднюю школу № 83 в г. Печора. Фотохудожник, предприниматель, депутат Совета МР «Печора».

Хватов Борис Степанович (1934—2008) — учитель русского языка и литературы СШ № 83, руководитель школьного музея «Покаяние». Родился в д.Судай Горьковской области. Окончил Горьковский университет, в Печоре с 1957 года. Автор поэтических сборников «ИзБорник», «ИзБорник-2», «Покаяние». Заслуженный учитель школ РФ, почетный гражданин города Печоры.

Чиванов Владимир Григорьевич — организатор и первый председатель совета Печорского отделения общества «Мемориал». Автор первых публикаций о лагерной Печоре в газете «Ленинец». Родился в 1926 г в п.Березки Московской области. В городе Печоре с 1950 года, работал инженером связистом в Печорской дистанции и сигнализации связи. Ныне живет в г.Зеленограде Московской области.

Указатель имен:

Абрагам А.С. 133, 137, 164
Абрамова (Воронова) Н.Т. 101, 109, 136, 141, 144, 167
Агнаев С.С. 118, 119, 186
Агонасьян 118, 186
Азаров О.И. 6, 165, 212, 217, 222
Азаров Ю.П. 75, 79, 142
Азарх Р. 123, 165
Акользин А.И. 134, 162, 164, 184, 189
Акользин М.А. 163, 164, 167, 184
Акользин Ю.А. 164
Александрович 41
Александровская М.П. 41
Александровский А.В. 41
Александровский И.А. 42
Алексеева Л.И. 136
Алперин Д.Е. 79
Альков Н. 13
Андерс 86
Антоненко Ф.А. 103
Апалев Е.М. 160
Апалев М.А. 160
Арванитопуло Б.Г. 41, 42
Арефьев А.Н. 125, 127, 130
Арнольди 162, 165
Артеева (Таратина) А.Н 209
Артеев Н.Л. 158
Артеев М.А. 180
Артеева М.П. 155
Артемьев С.П. 6, 217
Архангородская М. 164
Архаров В.М. 132, 206
Ассоль 184
Аталанен И. 206
Афанасьева Т.Г. 43, 72, 99, 146, 156, 162, 165, 170, 189, 204, 212, 218, 222, 232
Ашмян 93
Бабанов К.М. 103
Байкова Л.А. 135, 136, 141
Балагуровская Э.А. 213
Балоян Р.А. 143
Бандалетова (Стольникова) П.А. 167, 209
Барбаров Л.И. 102, 161
Барсар С.А. 17
Башлаков Д. 24
Башун 42
Бегин М. 82, 95
Бездетный Н. 113
Бек-Домбровский 120
Беккер Л. 115
Белова (Арбузова) К.П. 119, 134, 167
Белова М.П. 144
Бергман 124
Березкина Е.Т. 170
Блок Р. 22
Богдан И.А. 119, 142
Богданова Р.П. 101, 167
Богомаз И.А. 125, 130
Богомолова Л.М 209
Богоявленская Е.В. 115, 118, 121, 132, 134, 137
Болтянский Б.М. 108, 113, 124
Большаков В.И 209
Большакова О.Н. 181
Боровицкий А.И. 9
Босс А. 161
Брежнева (Большакова) В.С. 167
Брюшинин И.П. 159
Брюшинин П.И. 158, 159
Брюшинина Г.Т. 158
Бутов В.В. 91, 92
Валк К. 173
Варламова Л.М. 184
Вахненко С.Н. 161
Величко (Прошина) Л.С. 167
Верниго Н.А. 17, 114, 118, 122, 132, 133, 141, 154, 161
Вершинин Б.А. 13
Ветчинкина Е.В. 151-155, 205, 209
Виричева К.Д. 167
Вишневский А.А. 130
Вишня О. 173, 174
Владимиров 22
Власова В.А. 133, 137
Войтоловская А.Л. 115, 162, 165
Волов Б. 92
Волосович Б.В. 104, 134
Вольпер (Сергеева) О.Н. 146, 147
Вольская М.Е. 167

Вольфсон Г.И. 136, 144
Воронова А.Я. 124
Вражливый 178
Вышегородская (Ильюшина) А.И. 120, 167, 209
Выпинский С.А. 217
Гаевой С.И. 232
Галкин А.И. 219
Гамасков А.А. 105, 167
Гаралис С. 116
Гарин 86
Гельман 13, 119
Герлинг-Грудзинский Г. 100, 165
Гжицкий В.З. 170-176
Гладилина В.И. 155, 164
Глущенко Р.А. 165
Гоглидзе 126
Годенко М. 24
Головина А.А. 167
Гонигберг 136
Горбатов Б. 68
Горбачева Л. 165
Горская В.В. 131, 151
Готман Э. 178, 181, 182
Грацианский Д.Н. 124, 125, 127, 132
Григорьев Л.М. 142
Грин А.С. 118, 164, 184-189
Грин Н.Н. 118, 164, 184-189
Гринбаум Ф.Т. 145
Гурвиц Г. 82
Гусар К. 206
Гуцал Е. 179
Давыденко (Опрятнова) С.С. 167
Давыдов В.В. 208
Данилова И.В. 191, 202, 222
Данишевский Г.М. 109, 116, 117, 123, 130, 132-145, 154, 162-166, 165, 215
Данкман А.Н. 119, 133, 142
Деньюш (Квасневич) Я. 162, 167
Дерябина Л.М. 102, 167
Джафаров 109
Добровольский И.В. 219
Доброшинский 79
Дремач А.П. 13
Дробышевская В.Н. 118, 186
Дурдело М.Г. 209
Дьякович Г.В. 120
Евстигнеев 13
Егорова 204
Еделькина Л.М. 218
Елистратов С.А. 113, 132, 141, 164
Ермольева З.В. 111
Есипова Л.Я. 76
Жвиронас А. 125, 126, 130, 165, 166
Желтый В.В. 163, 165
Жоля Н.Н. 126, 167
Жук И.А. 125
Жуков 22
Журавлева (Забелинская) К.П. 167
Журахович С. 179
Завадский 20
Завьялов М. 67
Зайцева Г.Б. 115
Захарченко В.М. 136
Зверева Г.В. 134
Зебров А.Г. 132, 141
Зеленко П.И. 212, 213
Зеров М. 176, 180
Зильбер Л.А. 108, 111-113, 124, 161, 165
Златковский Д.Г. 142, 163
Зубатюк (Некипелова) А.Е. 115, 167, 208
Иванов А.А. 131
Иванов 17
Иванов Б.Б. 27, 192, 199, 208, 218, 222, 232
Иванов М.М. 17
Ивасюк М.Г. 189
Израилевич Л.Я. 42
Икрянникова К.А. 135
Инзель С.Г. 146
Инзель (Сергеева) Т.Н. 146, 147, 167
Истомин Э. 174
Истомина М.М. 174
Каверин В. 108, 165
Казановский В.С. 167, 170
Казановский Е.С. 156, 159, 160
Казановский (Козановский) С.А. 156-160, 176
Калашников 13, 119
Калиненко М.И. 106, 120, 167
Калиманов 15
Калицкая В.П. 188
Камфорина (Шульдер) С.А. 115, 162, 167
Канев В.И. 178
Канева Г.М. 218
Канева М.Н. 167
Карев 206
Карельская (Гончарова) М.К. 209

Катунок В.К. 92
Кац И.Б. 114, 115
Качаева (Ерохина) О.С. 209
Качур Г. 176, 180
Ким 151, 164
Киселев Л.Л. 111, 112, 161, 165, 167
Кицаева (Хохлова) Ф.В. 167
Клепинина Н.Н. 134, 146-150, 167
Климушев А.И. 150, 205
Ключарев В.А. 24
Ключкин И.И. 92
Козесси 16
Козин В.М. 22, 125
Козловский М. 167
Колосов С.А. 212
Колычев В.В. 160
Комлев Б.В. 101, 103, 107, 108, 110-112, 163
Комлева (Андренко) М.И. 101, 104, 110, 112, 113, 115, 116, 133, 141, 161, 162, 165
Кондратович А. 75
Кондратьева (Алферова) А.С. 209
Коншин А.А. 101, 106, 121, 135, 141, 144, 161, 164, 166, 167
Комиссаров 92
Кононов Г.Н. 160
Копылова (Осташева) А.С. 209
Корнилович Е.М. 46
Королев А.Е. 13
Короткевич А. 24
Косич О.С. 114, 132-134, 154, 164
Котлер С. 74
Кошевой О. 67
Кравченко П.П., 1925 г.р. 209
Красовский А.А. 153, 155
Красовская Т. 153
Крауз 136
Кричевский Г.М. 19
Кришман Б.И. 17
Кругликова А.М. 109
Кулаков И.Е. 217, 218, 220
Куликовский Н.Л. 163
Куниевская (Вольпер) Ю.С. 122, 130, 132, 134, 138, 141, 146, 167
Купряжкин В.А. 13, 19
Курбас 183
Курдюков Н.И. 91
Куусинен А. 161, 165
Лазина (Чернышева) З.Д. 134, 167
Ланникова Н.И. 118
Лакоза Ю.И. 118, 124, 125, 132, 141, 154, 162
Лапин Н.В. 170, 177, 181, 206, 209
Ларюкова В.С. 209
Лауцевичюс Л. 117
Левингер А.С. 131, 153, 163, 165
Левитанская М.О. 136
Лепилова И. 198
Лещенко А.С. 167
Либо М.Х. 119, 138, 142, 144. 167, 217
Лилеев Н.И. 37, 38
Лиман 136
Литвиненко Н.Г. 37
Литвинцева О.А. 67, 212, 215, 218, 223
Лобановский Е. 41
Лудников А.Г. 170, 177, 182, 209
Луканюк А.И. 170, 218
Лукирский П.И. 108, 112, 115
Лурис (Калининская) А.Д. 167, 209
Лурье 109
Лютоева Ю.Г. 167
Ляпунов 79
Лящак А.П. 120, 162
Майфет Г.И. 155, 170-184
Макарюнене Э. 165
Максимов 13
Маленький А. 164
Малиновская А.П. 118
Мангайт Л.М. 161
Мансуров 119
Марушкин П. 31, 40
Мельникова Т.Ф. 122, 135, 143
Мельничникова Н.А. 167, 209
Меньшиков В. 75
Меринков Я. 206
Мирзоев Г.Г. 119, 143, 144
Мирошник 206
Михайлов И.Л. 28, 98, 223
Михалев В.Н. 13
Михайленко С.А. 167
Михно П.И. 93
Мицкевич (Талалаева) А.В. 167
Миша-китаец 54
Мищенко Л.Г. 29, 79, 223
Мищенко Ф.Г. 29
Мищенко (Иванова) С. А. 42, 43
Морозов А.А. 74
Морозов Н.А. 161-163, 165, 166, 201, 208

Мотузявичус Б. 130
Муртазина А.Д. (Ф.Д.) 134, 167
Мухин Б. 15
Мыльников 12, 13, 19
Мыслицкий И.И. 174
Надеинская Т.Н. 124
Народецкий И. 24, 25
Неделько А.К. 45-49
Неделько А.К. 45-49
Неделько В.К. 45-49
Неделько М.К. 45-49
Неделько Н.К. 45-49
Некрасов Н.А. 183, 194
Нестерович Я. 232
Николаевская Н.М. 109, 135, 136
Нисковский А.А. 45, 82, 218, 223
Новгородская Э.М. 145
Новиков В.Е. 13, 20, 40
Новинский А.Ф. 74, 79
Носов П. 67
Носов Ф. 67
Образцов 20
Обрядина Н.М. 124
Огоева А.Г. 115, 164
Окуневская Т. 68
Омельченко (Серкина) А.И. 107, 116, 134, 167
Опарина О.С. 209
Орлов М.Г. 17
Орлов Н.Г. 17
Орлова Л. 22
Павлович А.И. 109, 136
Пантелеев М. 67
Панченко Я.И. 125, 130
Первова Ю.А. 184
Перевалова Т. 71
Перельман И.М. 141
Периченко П.Я. 92
Петкевич Т.В. 118, 166
Петров К.Я. 142
Пилсудский 164
Пинчук А.С. 134
Питирим, Епископ 208, 214
Плисов В. 135, 143, 164
Плисова Т.Г. 109
Подмешальский Г.А. 79
Покровский 156
Поляков 68
Поляков Д. И. 155
Полякова Н.П. 155
Полянский А. 142
Поплевина Е.И. 72
Попов Б.А. 35
Попов В. 73
Попов Г. 162, 165
Попов Е.В. 24
Попов Ф. 67
Попова Л.А. 109
Поповская (Тихвинская) М.И. 164, 167
Поповский К.В. 167, 209
Преображенская И.Е. 39
Преображенский 39
Прокшин Ф.Г. 67, 209
Пряхин М.И. 125-127, 130, 163
Пугач Х.А. 209
Радищев А. 182
Разгон Л. 120, 166
Расторгуева А.П. 71
Ремпель А.Д. 119, 124, 125
Рильке 178
Римских П.Д. 181
Романов М.Г. 131, 153, 154
Росси Ж. 166
Ротач П.П. 183
Рубен 119
Рубин И.И. 49, 79
Руденко Т.М. 167
Руськина (Филиппова)Т.Ф. 209
Рыжков К.Л. 135, 164
Рябинин С. 68
Сажин И.В. 200
Сазонова (Шишкина) Н.М. 167, 204, 209
Салтысик А. 115
Самило (Прокопьева) М.Ф. 209
Самило А.М. 206, 209
Самсонов В. 166
Семин Г.А. 87-95
Семушина Н. 166
Семяшкин А.Н. 177
Семяшкина В.Т. 166, 189
Сергеев Н.Л. 146-150
Сергиевская Т.А. 167, 181
Серов Б.Д. 12, 21, 79, 212, 217, 218, 224, 232
Серова О.Б. 21, 224
Серпунина (Соболева) Н.Л. 105, 120, 138, 167
Сидерский В.З. 167

Сидоренко В.Д. 79
Симсон П.И. 118
Скатов С.Н. 40
Славин А.С. 91, 92
Сметанина Г.А. 134
Смирнов В.Н. 124
Смирнов Д.И. 155
Смирнова В.И. 107, 204
Собольников-Самарин Н.И. 22
Соколов М.А. 41
Соколова (Смирнова) Ю.Г. 117, 167, 184, 186
Солженицын А.И. 8, 79, 204
Софронов А. 68
Станчинская 106
Старостин 18
Стаханова А.104
Стеценко Г.А. 189
Стовбун 41
Стрелков Г.Я. 14, 19, 20, 35-37, 43
Судзан В. 24
Судзан (Осташева) Н. 24, 71
Сумароков 187
Табашников Г.М. 209
Тарасова В.К. 209
Терлецкий Л.Г. 39, 40
Терских В.К. 141
Тимашевский 45
Тимофеев В.А. 67, 71
Типусяк К.Н. 206
Ткаченко К.С. 37, 43, 44
Тополянский В. 166
Торлопов В.А. 216
Трифонов В.Ф. 209
Трошев В. 154
Трошев Н. 154
Труш-Коваль В. 176, 183
Туев В.Г. 103
Тухачевская С.М. 18, 63, 119, 162
Тухачевский М.Н. 18
Тычина П. 179
Тюрина Т. 187
Тютюнник Г. 178
Уткин 42
Ушакова (Типусяк) А.Г. 209
Федоров 161
Федосеев В.М. 2, 82, 151, 224, 232
Федосеева В.К. 151
Фейхтвангер Л. 182
Филиппова (Кононова) Н.Д. 209
Филиппович 183
Фирсов Ф.А. 79
Фомин В.В. 155
Фролова Н.В. 155
Хватов Б.С. 10, 212, 218, 225, 232
Хвиюзов А.В. 178
Цалихин М.Н. 141
Цвейг С. 175, 180-182
Цветаев 158
Ципурдеев Р.Д. 141
Ципурдеева С.Я. 141
Цфас 13
Цырульник Я.Е. 40
Чайковский П.И. 180
Чан-Кай-Ши 164
Чекин В.Я. 124
Черквиани Г. 93
Чиванов В.Г. 52, 87, 167, 194, 208, 212, 213, 217, 225, 232
Чижик И.М. 17
Чикин В.Ф. 39
Чикова З.А. 213
Чудновская А.А. 119, 134
Чурилова В.С. 118
Шавель Л.Р. 121, 124, 132, 141
Шапиро 114
Шаповалов П.Н. 14, 16
Шарка В.П. 126, 130
Шевелева А.А. 208, 209
Шерман 43
Шепотьев 178
Шехтер А.М. 132
Шимкус К. 86
Шишкина Е.А. 204
Шмидт А.П. 134
Штолль Х. 141
Шульдер А.М. 115, 118, 121, 132, 162, 166, 189
Этигон С.Л. 136
Южанин М. 135
Юферицын 33
Ющманов Т.М. 13
Яковлев 34, 141
Яковлев С.А. 118, 132
Ярошинский В.Б. 118, 120, 186
Яхович С.С. 41

Содержание

От составителя		3
ГЛАВА ПЕРВАЯ	**Город начинался...**	5
О. Азаров	**Дорога к углю**	6
Б. Хватов	**Канин-Нос**	10
Б.Серов	**В Печору под конвоем**	12
	На печорской пересылке	15
	Вера, надежда, любовь	18
О. Серова	**Слово об отце**	21
И. Михайлов	**То тяжкое, что было на веку...**	28
Л. Мищенко	**«Пока я помню»**	29
А. Нисковский	**А город растет…**	45
В.Чиванов	**Печора глазами приезжего. Год 1950**	52
	Особый район Печоры	58
	Население города. Быт печорцев	61
	Железнодорожный транспорт	65
Ф. Прокиин	**С чего начинается театр?**	67
Е. Поплевина	**«Как же мы без Сталина?»**	72
Т. Афанасьева	**Роман о Печоре**	75
ГЛАВА ВТОРАЯ	**Мост и судьба**	81
	Долгая память о белых ночах	82
В. Чиванов	**Мостостроитель**	87
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	**«Низко вам поклониться хочу»**	97
И.Михайлов	**Ангелы**	98
Т. Афанасьева	**Врачи в Печоржелдорлаге**	99
Т.Афанасьева	**И стала судьбою Печора**	146
Е. Ветчинкина	**Город живет, пока в нем рождаются дети**	151
Т. Афанасьева	**Отец и сын**	156
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	**Репрессированнаялитература**	169
Т. Афанасьева	**Писатели Украины на Печоре**	170
	Остался навечно на Печоре	175
Т. Афанасьева	**Непрочитанные страницыиз жизни Ассоль**	184
ГЛАВА ПЯТАЯ	**«… могил безымянных провалы»**	191
И. Данилова	**Город мой — на костях...**	191
	Воспоминания Б.Б. Иванова	192
В. Чиванов	**Шрамы истории**	194
Б.Иванов	**Массовые захоронения в районе Мишаяга Печорского района**	199
И. Данилова	**Могилы светятся в ночи...**	202
Т. Афанасьева	**История одного захоронения**	204
ГЛАВА ШЕСТАЯ	**Мы помним всё…**	211
Т.Афанасьева	**Уроки прошлого**	212
Т.Афанасьева	**Памяти И.Е. Кулакова**	220
	Об авторах и создателях книги	222
	Указатель имен	226
	Содержание	231

Научно-популярное издание

Вглядываясь в прошлое

Краеведческий сборник

В книге использованы фотографии из фондов МУ «Печорский историко-краеведческий музей».

Авторы снимков:
Б.Комлев, Б.Серов, В.Чиванов, Б.Хватов, В.Федосеев, Б.Иванов, Я.Нестерович, Т.Афанасьева и др.

Редактор-составитель *Т. Афанасьева*
Компьютерная верстка *С.Гаевой*
Художник *Б.Иванов*
Корректор *О. Литвинцева*

Отзывы и замечания по содержанию книги присылайте по адресу:
169601, г.Печора, ул.Советская д.33.

Подписано в печать 15.05.09 г.
Формат 60 x 84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,79.
Тираж 100 экз. Заказ № 987.

МУП «Издательство «Печорское время».
169600, Республика Коми, г. Печора, ул. Островского, 71

300=